АЙОБАМИ АДЕБАЙО

ОСТАНЬСЯ СО МНОЙ

В ПЕРЕВОДЕ
ЮЛИИ ЗМЕЕВОЙ

18+

Останься со мной
Айобами Адебайо

Аннотация
Айобами Адебайо. Останься со мной
Часть I
1
2
3
4
5
6
7
8
9
Часть II
10
11
12
13
14
15
16
17
18

19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
Часть III
31
32
33
34
35
36
37
38
39
Часть IV
40
41
42

Благодарности
Выходные данные

Аннотация

Акин и Йеджиде влюбились друг в друга с первого взгляда. И с этого момента все было просто: они полюбили друг друга и поженились. Их отношения ощущались как идеальные — полное взаимопонимание во всех вопросах, включая главный: они не приверженцы многоженства.

Но проходят годы, а Йеджиде все не может забеременеть. Пройдя путь от врачей до целителей, она уже в двух шагах от отчаяния. И однажды родственники приводят домой Йеджиде незнакомую девушку. Вторую жену Акина, объясняют они.

Разъяренная, потрясенная и вне себя от ревности, Йеджиде понимает, что единственный способ спасти свой брак — забеременеть. Что она, наконец, и делает — но ценой, намного большей, чем она могла бы себе представить.

Три факта о книге:

1. Дебютный роман Айобами Адебайо — автора книги «Мгновение хорошего», которая

в 2023 году была номинирована на Букеровскую премию.

2. История необыкновенной женской силы и ущерба, который может нанести мужская гордость.

3. Трагедия нигерийской семьи, понятная человеку из каждого уголка планеты.

АЙОБАМИ АДЕБАЙО

ОСТАНЬСЯ СО МНОЙ

В ПЕРЕВОДЕ
ЮЛИИ ЗМЕЕВОЙ

18+

Айобами Адебайо
Останься со мной

Ayọ̀bámi Adébáyọ̀
Stay With Me

Copyright © 2017 by Ayọ̀bámi Adébáyọ̀
Published by arrangement with Canongate Books Ltd and The Van Lear Agency LLC.

© Останься со мной, 2025
© Юлия Змеева, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление. Строки, 2025

* * *

С любовью и признательностью моей матери, доктору Олусоле Фамуреве, благодаря которой наш дом был и остается страной чудес, где каждая комната до краев наполнена книгами.
И моему отцу, мистеру Адебайо Фамуреве, оставившему после себя библиотеку и память.

Часть I

1

Джос[1],

декабрь 2008 года

Сегодня я уезжаю из этого города и возвращаюсь к тебе. Сумки собраны, пустые комнаты напоминают, что надо было ехать еще неделю назад. Мой водитель Муса с прошлой пятницы спит на посту охраны, ждет, что я разбужу его на рассвете — и мы поедем. Но сумки по-прежнему собирают пыль в гостиной.

Я раздала стилистам из салона почти все, что приобрела, пока жила в Джосе, — мебель, электронику, даже лампы. Уже неделю нечем скоротать бессонницу: ворочаюсь в кровати даже без телевизора.

В Ифе меня ждет дом. Дом стоит возле университета, где мы с тобой познакомились. Представляю его сейчас: он похож на этот, в нем много комнат для большой семьи — мужа, жены, детей. Я должна была уехать на следующий день после

---

[1] Примечания: 1
Город в Центральной Нигерии. *Здесь и далее прим. пер.*

того, как демонтировали сушильные колпаки. Планировала неделю обустраивать новый салон и обставлять дом. Привыкнуть к новой жизни, прежде чем снова увидеться с тобой.

Дело не в том, что я привязана к старому дому, нет. Я не стану скучать по немногим друзьям, которых тут завела, по тем, кто не знал меня до того, как я сюда приехала, по тем, кому годами казалось, что они меня любили. Уехав, я даже не вспомню того, кто просил моей руки. Тут никто не знает, что я все еще замужем за тобой. Я рассказывала лишь часть истории: я была бесплодна; муж взял другую жену. Никто не допытывался, и про своих детей я ничего не говорила.

Я задумала уехать, когда убили трех ребят из Национальной молодежной программы[2]. Решила закрыть салон и ювелирный магазин, не имея дальнейшего плана, еще до того, как пришло приглашение на похороны твоего отца — карта, указавшая мне путь. Я запомнила имена этих ребят, знала, на кого они учились в университете. Моей Оламиде было бы сейчас примерно столько же лет; она тоже сейчас оканчивала бы универ-

[2] Примечания: 2

Программа нигерийского правительства, распределяющая выпускников на работу в государственные учреждения. Там они работают в течение года и вносят вклад в развитие страны.

ситет. Я читала о них, а думала о ней.

А ты вспоминаешь Оламиду, Акин?

Я мучаюсь бессонницей, но каждую ночь все равно лежу, зажмурившись, и перед глазами встают фрагменты прежней жизни. Я вижу наволочки с батиковой росписью в нашей спальне, наших соседей и твою семью, которую я некоторое время ошибочно считала своей. Я вижу тебя. А сегодня вспомнила лампу для прикроватного столика, которую ты подарил мне через несколько недель после свадьбы. Я не могла спать в темноте, а когда мы включали верхний свет, тебе снились кошмары. И ты купил лампу. Не предупредил, что нашел компромисс, не спросил меня, нужна ли мне лампа. Помню, я поглаживала бронзовое основание и любовалась абажуром из разноцветных стеклышек, а ты спросил, что бы я вынесла из горящего дома. Я с ходу ответила: «ребенка», хотя тогда у нас еще не было детей. «Я имел в виду вещь, а не человека», — уточнил ты. Но, кажется, обиделся, что я выбрала ребенка, а не тебя.

Заставляю себя встать с кровати, снять ночнушку и одеться. Не хочу больше тянуть. Вопросы, на которые ты должен мне ответить, те, что больше десяти лет не давали мне покоя, гонят меня вперед. Я беру сумочку и иду в гостиную.

Семнадцать сумок выстроились в ряд и ждут, пока их отнесут в машину. Смотрю на них и вспоминаю, что в каждой. Если бы этот дом загорелся, что бы я вынесла в первую очередь? Приходится как следует напрячься, потому что первым делом в голову лезет «ничего». Выбираю сумку с вещами на один день, которую планировала взять на похороны, и кожаный саквояж с золотыми украшениями. Остальное привезет Муса.

Вот, значит, как — прожила здесь пятнадцать лет, и, хотя мой дом не горит, с собой готова унести лишь смену одежды да сумку с золотом. Все самое ценное — внутри, заперто в груди, как в могиле. Все незыблемое, что есть в моей жизни, — там; там, как в гробу, хранятся мои сокровища.

Выхожу на улицу. Солнце встает над горизонтом, окрашивая небо в фиолетовый. Холод собачий. Муса стоит, прислонившись к машине, и чистит зубы палочкой. Увидев меня, сплевывает в чашку и кладет палочку в нагрудный карман. Открывает дверь машины; мы здороваемся, и я сажусь на заднее сиденье.

Муса включает радио и щелкает каналы. Выбирает тот, где вещание начинается с государственного гимна. Мы выезжаем из нашего квартала; охранник у ворот машет на прощание.

Впереди расстилается дорога, окутанная мраком. Мрак постепенно редеет; занимается заря. Дорога ведет меня обратно к тебе.

2

Илеша[3],

1985 год

Увидев их, я сразу поняла, что они готовы к бою. Я видела их сквозь стекло в двери. Слышала их голоса. Они не заметили, что я почти минуту стояла по ту сторону двери; я хотела уйти, оставить их, подняться в комнату и снова уснуть. Думала, вдруг они растают на солнце и превратятся в мутные коричневые лужицы. У Ийи[4] Марты был такой толстый зад, что, если бы он растаял, эта лужа залила бы все наше бетонное крыльцо.

Ийя Марта была одной из четырех моих мачех и старшей женой отца. Она стояла на крыльце с Бабой[5] Лолой, дядей Акина. Оба ссутулились под палящим солнцем; на лицах застыли хмурые

---

[3] Примечания: 3
Город на юго-западе Нигерии.

[4] Примечания: 4
На языке йоруба обращение к женщине, означающее «мама», «бабушка» или «няня» («женщина, заботящаяся о детях»).

[5] Примечания: 5
Уважительное обращение к старшему родственнику мужского пола, означающее, например, «папа» (*йоруба*).

отталкивающие гримасы. Впрочем, стоило мне распахнуть дверь, и разговор затих, а лица расплылись в улыбках. Не успела Ийя Марта и рот открыть, как я догадалась, что она скажет: что-то нарочито ласковое, как будто мы с ней близки, хотя это было не так.

— Йеджиде, дочка! — просияла она и прижала к моим щекам свои влажные мясистые ладони.

Я улыбнулась и преклонила колени в знак приветствия.

— Добро пожаловать, добро пожаловать. Видать, Господь сегодня проснулся и вспомнил обо мне. Поэтому вы и пришли, — сказала я и еще раз присела, когда они вошли и уселись в гостиной.

Они рассмеялись.

— Где твой муж? Дома? — спросил Баба Лола, оглядываясь по сторонам, будто я прятала Акина под стулом.

— Да, сэр, он наверху. Сейчас принесу вам попить и тут же позову его. А чем вас угостить? Толченым ямсом?

Дядя взглянул на мою мачеху растерянно, будто такого в сценарии не было предусмотрено и он не знал, что говорить.

Ийя Марта покачала головой:

— Ямс мы не будем. Позови мужа. Есть важное

дело.

Я улыбнулась, вышла из гостиной и направилась к лестнице. Кажется, я догадывалась, что это за важное дело. Накануне родственники мужа уже приходили и обсуждали со мной ту же проблему. Впрочем, обсуждали — громко сказано: говорили они, а я стояла на коленях и слушала. Акин притворялся, что слушает и записывает, а на самом деле составлял список дел на завтра. Его родственники не умели читать и писать и благоговели перед теми, кто умел. Думали, что Акин за ними записывает. Это производило на них сильное впечатление. Бывало, стоило ему перестать записывать, тот, кто говорил, даже жаловался, что Акин проявляет неуважение и ничего не пишет. За время этих визитов муж часто успевал составить план на целую неделю, а у меня потом весь день ужасно болели колени.

Приход родственников раздражал Акина, и он хотел сказать им, чтобы не лезли не в свое дело, но я ему не позволяла. Пускай от долгих разговоров у меня болели колени, я, по крайней мере, ощущала себя частью семьи. Никто из моих родственников не навестил меня после свадьбы ни разу, вплоть до сегодняшнего дня.

Поднимаясь по лестнице, я поняла, что раз

пришла Ийя Марта, значит, дело примет новый оборот. Я не нуждалась в советах посторонних. В моем доме все было в порядке без их важных замечаний. Я не хотела слушать грубый голос Бабы Лолы и его натужный кашель, не хотела смотреть, как сверкает зубами Ийя Марта.

Все, что они собирались сказать, я и так уже слышала, и муж наверняка тоже. Я с удивлением обнаружила, что Акин не спит. Он работал шесть дней в неделю и по воскресеньям обычно отсыпался. Но когда я вошла в спальню, он ходил взад-вперед.

— Ты знал, что они собирались сегодня прийти? — Я вгляделась в его черты, надеясь увидеть знакомую смесь ужаса и досады, что возникала на его лице всякий раз, когда к нам являлась специальная делегация.

— Они уже здесь? — Он замер и сложил руки за головой. Ни ужаса, ни досады. В спальне стало душно.

— Ты знал, что они придут? И не сказал мне?

— Пойдем вниз. — Он вышел из комнаты.

— Акин, что происходит? В чем дело? — крикнула я вслед.

Я села на кровать, уронила голову на руки и попыталась ровно дышать. Сидела так, пока Акин

меня не позвал. Тогда я спустилась в гостиную. Зашла с улыбкой — не широкой, открывающей зубы, а едва заметной, краешками губ. Эта улыбка говорила: хотя вы ничего не знаете о моем браке, я рада — нет, я вне себя от счастья, что вы пришли, и с удовольствием выслушаю все ваши важные советы. Я же хорошая жена.

Сперва я ее не заметила, хотя она сидела на подлокотнике кресла Ийи Марты. Светлокожая, желтая, как мякоть незрелого манго. Тонкие губы накрашены кроваво-красной помадой.

Я наклонилась к мужу. Тот окаменел и не обнял меня, не притянул к себе. Я недоумевала, откуда взялась желтая женщина; поначалу в голову даже пришла дикая мысль, не прятала ли ее Ийя Марта все это время под юбкой.

— Наша жена, говорят, что, если имущество мужчины вдруг удвоится, это не повод злиться, верно? — спросил Баба Лола.

Я кивнула и улыбнулась.

— Что ж, наша жена, вот ваша новая жена. Говорят, один ребенок призывает другого; как знать, может, царь наш небесный ответит на ваши молитвы благодаря этой жене. Когда она понесет и родит, у вас тоже может быть ребенок, — сказал Баба Лола.

Ийя Марта согласно кивнула:

— Йеджиде, дочка, мы — семья твоего мужа, я и другие твои матери — хорошо подумали и не торопились с решением.

Я зажмурилась. Сейчас проснусь, и окажется, что это сон, подумала я. Но, открыв глаза, увидела, что желтая женщина по-прежнему на месте; она слегка плыла перед глазами, но никуда не делась. Меня будто огрели чем-то тяжелым.

Я ждала, что они будут говорить о моем бесплодии. Заранее заготовила улыбки. Виноватые, жалостливые, благочестивые улыбки. Все виды фальшивых улыбок, что помогли бы пережить день в обществе людей, которые твердят, что желают тебе добра, а на самом деле рады ткнуть палкой в открытую рану. Я была готова выслушивать их бесконечные «надо что-то делать». Советы сходить к новому пастору, подняться на священную гору и там помолиться, съездить на прием к лекарю из глухой деревни или далекого города. Улыбки для губ, слезы для глаз, всхлипы для носа — я была готова встретить их во всеоружии. Закрыть салон на неделю и потащиться со свекровью на поиски чудес. Чего я никак не ждала, так это увидеть в своей гостиной другую улыбающуюся женщину, желтую женщину с кро-

ваво-красными губами, сияющую, как невеста.

Я пожалела, что свекровь не пришла. Единственная женщина, которую я называла «муми»[6]. Я навещала ее чаще, чем родной сын. Она стояла рядом, когда священник окунул меня в реку, испортив мне свежую завивку, — он предположил, что мать прокляла меня перед смертью, сразу после моего рождения. Муми была рядом, когда я три дня сидела на молитвенном коврике и повторяла слова, смысл которых не понимала; на третий день я упала без чувств, на чем мое очищение закончилось, а надо было не спать и голодать неделю.

Я очнулась в палате больницы Уэсли Гилд; свекровь держала меня за руку и повторяла, что я должна молиться, чтобы Господь дал мне сил. Жизнь хорошей матери трудна, сказала она; можно быть плохой женой, но плохой матерью быть нельзя ни в коем случае. Муми сказала, что, прежде чем просить Господа, чтобы тот дал мне ребенка, я должна попросить его дать мне сил перетерпеть страдания, которые принесет мне этот ребенок. Она сказала, что я не готова быть матерью, раз падаю в обморок спустя всего три

---

[6] Примечания: 6
Мама (*йоруба*).

голодных дня.

Тогда я поняла, что сама муми не падала в обморок на третий день, потому что проходила это очищение несколько раз, пытаясь умилостивить Господа ради своих детей. С тех пор я иначе стала смотреть на морщины, врезавшиеся в кожу вокруг ее глаз и рта, поняла, что это не просто признаки старости. Я разрывалась меж двух огней. Хотела стать той, кем никогда не была, — матерью. Хотела, чтобы мои глаза светились тайными радостями и мудростью, как у муми. Но ее разговоры о страданиях внушали ужас.

— Она намного моложе тебя. — Ийя Марта наклонилась ко мне. — Потому что семья твоего мужа уважает тебя, Йеджиде, и знает твою ценность. Они считают тебя хорошей женой.

Баба Лола откашлялся.

— Йеджиде, я хочу похвалить тебя как человека. Я вижу, как сильно ты стремишься, чтобы наш сын оставил после себя наследника. Потому мы и знаем, что ты не станешь воспринимать эту новую жену как соперницу. Ее зовут Фумилайо; мы знаем и верим, что ты примешь ее и станешь относиться к ней как к младшей сестре.

— Подруге, — добавила Ийя Марта.

— Дочери, — кивнул Баба Лола.

Ийя Марта похлопала Фуми по спине.

— *Ойя*[7], ступай и поздоровайся со своей *ийяле*[8].

Я вздрогнула, когда Ийя Марта назвала меня *ийяле*. Аж уши затрещали от этого слова: *ийяле* — первая жена. Вердикт, что меня одной оказалось для мужа недостаточно.

Фуми подошла и села рядом на диван.

Баба Лола покачал головой:

— Фуми, встань на колени. Твой поезд только отошел от станции и отстает на двадцать лет. В этом доме Йеджиде опережает тебя во всем.

Фуми послушалась, положила руки мне на колени и улыбнулась. У меня зачесались ладони: хотелось влепить ей пощечину, чтобы она перестала лыбиться.

Я повернулась и посмотрела на Акина, надеясь, что он не знал об этой засаде. В его взгляде читалась молчаливая мольба. Натянутая улыбка стерлась с моего лица. Гнев сомкнулся вокруг сердца огненным кулаком. Кровь застучала в голове прямо между глаз.

— Ты знал об этом, Акин? — спросила я по-ан-

---

[7] Примечания: 7
Жена (*йоруба*).

[8] Примечания: 8
Старшая (первая) жена (*йоруба*).

глийски, заведомо исключая из разговора двух старших родственников, говоривших только на языке йоруба.

Акин промолчал и почесал указательным пальцем переносицу.

Я огляделась в поисках точки, где сосредоточить взгляд. Белые кружевные занавески с голубой каймой, серый диван, ковер того же цвета с пятном от кофе, которое я больше года никак не могла вывести. Пятно было не в центре и не с краю: на него нельзя было поставить ни столик, ни кресла. Бежевое платье Фуми было того же цвета, что и это пятно, и моя блузка. Она положила руки мне чуть ниже колен и обхватила мои голые ноги. Я уставилась на эти руки и никак не могла заставить себя посмотреть выше, выше широких и длинных рукавов ее платья. Я не могла заставить себя посмотреть ей в лицо.

— Обними ее, Йеджиде.

Я не поняла, кто это сказал. В голове пылало пламя, разгораясь все сильнее; я закипала. Любой мог это сказать — Ийя Марта, Баба Лола, сам Господь. Мне было все равно.

Я снова повернулась к мужу:

— Ты знал об этом, Акин? Знал и не предупредил меня? Знал? Знал? Ах ты ублюдок. После

всего, что я пережила. Гребаный ублюдок!

Я не успела отвесить ему пощечину: Акин поймал мою руку.

Ийя Марта возмущенно вскрикнула, но не это заставило меня прекратить, а нежность, с которой Акин провел большим пальцем по моей ладони. Я отвернулась, не в силах вынести его взгляд.

— Что она сказала? — спросил Баба Лола у новой жены.

— Йеджиде, прошу. — Акин сжал мою ладонь.

— Что он ублюдок, — шепотом перевела Фуми, будто слова жгли ей рот.

Ийя Марта закричала и закрыла лицо руками. Эта показуха меня ничуть не одурачила. Я знала, что внутри она злорадствует. Наверняка неделями будет пересказывать эту историю другим отцовским женам.

— Нельзя оскорблять мужа и эту девочку. Ты можешь думать что угодно, но он по-прежнему твой муж. Он и так слишком много для тебя делает. Из-за тебя он нашел Фуми квартиру, хотя в вашем доме всем бы хватило места. — Ийя Марта окинула взглядом гостиную и развела руками, будто показывая мне мой собственный дом, за который я, между прочим, каждый месяц платила

половину аренды. — Ты, Йеджиде, должна быть благодарна мужу!

Ийя Марта замолчала, но рот не закрыла. Я знала, что у нее изо рта отвратительно воняет старой мочой и, если приблизиться, можно уловить эту вонь. Баба Лола специально сел от нее подальше.

По правилам мне надо было встать на колени, склонить голову, как виноватой школьнице, несущей наказание, и извиниться за то, что оскорбила мужа и заодно его мать. Меня бы простили: я могла сказать, что дьявол меня надоумил, погода сказалась или косички слишком туго заплели, отчего у меня разболелась голова и потому я неуважительно отозвалась о муже в присутствии посторонних. Но мое тело окаменело, как скрюченная артритом рука, и я просто не могла заставить его принять другую, нежеланную форму. Я впервые проигнорировала недовольство родственников и встала, хотя должна была преклонить колени. Выпрямившись в полный рост, я почувствовала себя выше.

— Пойду приготовлю еду, — сказала я, не удосужившись спросить, что они хотят. Они познакомили меня с Фуми; теперь по правилам можно было подать угощение. Я была не в настроении готовить отдельно для каждого и подала то, что

было: бобовую кашу. Смешала трехдневные бобы, которые планировала выбросить, со свежими, только что приготовленными. Я знала, что они заметят несвежий вкус, но рассчитывала, что Баба Лола продолжит есть из-за чувства вины, которое он маскировал возмущением, а Ийя Марта — из-за тайного злорадства, которое она скрывала под притворной заботой. Чтобы им лучше глоталось, я села на колени и извинилась перед ними. Ийя Марта улыбнулась и сказала, что отказалась бы от угощения, если бы я продолжила вести себя как уличная девка. Я снова извинилась и для пущего эффекта обняла желтую женщину. Та пахла кокосовым маслом и ванилью. Я смотрела, как они едят, и пила солодовый напиток[9] прямо из бутылки. Акин есть не стал, а я надеялась.

Когда гости пожаловались, что предпочли бы толченый ямс с овощным рагу и сушеной рыбой, я проигнорировала взгляд Акина. А ведь в другой день бросилась бы на кухню толочь ямс. Но сейчас мне хотелось сказать, что, если им хочется ямса, пусть встают и сами толкут свой ямс. Я

[9] Примечания: 9

Безалкогольные солодовые напитки очень популярны среди африканцев. Это что-то вроде энергетика с высоким содержанием витаминов и углеводов; изначально напиток разрабатывался для нигерийской армии.

проглотила дерзкие слова, обжигавшие горло, запила их солодом и ответила, что не могу толочь ямс, так как накануне повредила руку.

— Но когда мы пришли, ты ничего не сказала. — Ийя Марта почесала подбородок. — Ты сама предлагала угостить нас толченым ямсом.

— Наверно, забыла. Вчера у нее очень болела рука. Я даже думал отвезти ее в больницу, — сказал Акин, подтвердив мою явную ложь.

Они глотали бобы, как голодные дети, и повторяли, что мне надо в больницу показать руку врачу. Только Фуми, проглотив первую ложку бобовой каши, крепко сжала рот и подозрительно на меня посмотрела. Но когда наши взгляды встретились, улыбнулась красными губами.

Я убрала пустые тарелки, а Баба Лола сказал, что не знал, долго ли они пробудут у нас в гостях, потому не договорился с таксистом, чтобы тот заехал и отвез их обратно. Как свойственно родственникам, он рассчитывал, что Акин их отвезет.

Вскоре Акину пришлось развозить всех по домам. Я проводила гостей до машины; Акин, звякнув ключами в кармане, спросил, довольны ли все выбранным маршрутом. Он хотел высадить Бабу Лолу на улице Иладже, а потом отвезти

Ийю Марту в Ифе. Я заметила, что он не упомянул, где живет Фуми. Ийя Марта похвалила маршрут, Акин отпер машину и сел на место водителя.

Увидев, что Фуми заняла пассажирское кресло рядом с мужем и спихнула на пол маленькую подушечку, которую я всегда держала там, я чуть не вцепилась ей в мелкие кудряшки. Руки сжались в кулаки. Акин уехал, оставив меня одну в облаке пыли.

— Чем ты их накормила? — заорал Акин, вернувшись.

— С возвращением, женишок. — Я только что поужинала, взяла тарелки и понесла их на кухню.

— У них теперь понос. Мне пришлось остановиться, чтобы они под куст сходили. Под куст! — Он пошел за мной на кухню.

— Подумаешь, под куст. Разве у твоих родственников дома есть туалет? Разве они всю жизнь не срали под кустом и на навозной куче? — крикнула я и с грохотом бросила тарелки в металлическую мойку. За звуком бьющегося фарфора последовала тишина. Одна из тарелок треснула посередине. Я провела пальцем по трещине. Порезалась. Острый край окрасился кровью.

— Попытайся понять, Йеджиде. Ты знаешь, я тебя не обижу, — проговорил он.

— На каком языке ты говоришь? Это хауса[10] или китайский? Я тебя не понимаю. Скажи на понятном языке, женишок.

— Хватит меня так называть.

— Как хочу, так и буду называть. Что ж, по крайней мере, ты все еще мой муж. Или уже не мой? Может, эту новость мне тоже сообщить забыли? Пойду включу радио или телевизор, а то пропущу. Или ее напечатали в газетах? — Я выбросила разбитую тарелку в пластиковое ведро возле раковины и повернулась к нему.

Капельки пота, блестевшие на его лбу, скатывались по щекам и собирались в углубление на подбородке. Он стучал ногой под ожесточенный ритм, звучавший в его голове. Тот же ритм управлял его мимикой: он мерно сжимал и разжимал челюсти.

— Ты назвала меня ублюдком при родном дяде. Это неуважение.

Гнев в его голосе потряс и возмутил меня. Я-то думала, он нервничает: обычно он дергался из-за этого. Надеялась, что ему жаль и он раскаива-

---

[10] Примечания: 10
Язык чадской семьи, распространенный в Северной Нигерии.

ется.

— Ты привел в дом новую жену, а злишься на меня? Когда ты на ней женился? В прошлом году? Месяц назад? Когда планировал мне рассказать? А? Ах ты…

— Не смей так со мной говорить, женщина, не смей произносить это слово! Тебе замок на рот повесить надо.

— Что ж, замка у меня нет, поэтому я все скажу, ты, чертов…

Он зажал мне рот рукой.

— Ладно, прости. Я оказался в сложном положении. Ты знаешь, что я никогда тебе не изменю, Йеджиде. Я не смогу, просто не смогу. Клянусь. — Он бессильно и грустно рассмеялся.

Я убрала его руку, зажимавшую мне рот. Он взял меня за руку, провел ладонью по моей ладони. Мне захотелось плакать.

— Ты взял другую жену, заплатил выкуп и стоял на коленях перед ее родственниками. Ты мне уже изменил.

Он положил мою ладонь себе на грудь. Его сердце билось быстро.

— Это не измена; нет у меня никакой другой жены. Поверь, так будет лучше. Мать не станет больше донимать тебя из-за потомства, — про-

шептал он.

— Чушь собачья. — Я выдернула руку и вышла из кухни.

— Если тебе станет легче, Фуми не успела добежать до кустов. Испачкала платье.

Легче мне не стало. И станет еще не скоро. Тогда все и началось: нити, скреплявшие мой разум, начали ослабевать, как небрежно завязанный узел шарфа, который прямо на глазах хозяина развязывается и падает под ноги.

3

Бог создал Йеджиде в субботу. Иначе как бы ему хватило времени покрасить ее в такой безупречный черный цвет? Нет, сомнений быть не могло: Йеджиде появилась на свет в субботу. Завершенное изделие Божье — веское тому доказательство.

Когда я впервые ее увидел, мне захотелось коснуться ее обтянутого джинсами колена и на том самом месте и в тот самый миг произнести: «Меня зовут Акин Аджайи. Я хочу на тебе жениться».

Она отличалась природным изяществом. Единственная во всем ряду сидела, не развалившись. Подбородок вздернут, спина прямая; сидит и даже не думает опереться на оранжевые подлокотники. Плечи расправлены, сплетенные пальцы лежат на голом животе. И как я не заметил ее еще внизу, в очереди в кассу?

За пару минут до того, как выключили свет, она посмотрела налево. Наши взгляды встретились. Я думал, она отвернется, но нет; я приосанился под ее взглядом. Она оценивающе оглядела меня с головы до ног. Улыбнулась и повернулась к большому киноэкрану. Но мне этого было мало.

Хотелось больше.

Она, кажется, не замечала, как подействовала на меня. Не видела, что я таращился на нее во все глаза, завороженный, как подбирал в уме слова, чтобы уговорить ее пойти со мной на свидание.

Увы, поговорить с ней получилось не сразу. Как только нужные слова нашлись, свет в зале погас. Вдобавок между нами сидела девушка, с которой я тогда встречался.

Я порвал с ней тем же вечером, сразу после кино в фойе кинотеатра «Одудува Холл» в Ифе, в толпе людей, спешивших к выходу.

Я тогда сказал: «Ты же сможешь сама дойти до общежития? Увидимся завтра». Я сложил ладони в извиняющемся жесте, хотя совсем не чувствовал себя виноватым. Ни тогда, ни сейчас. Она так и осталась стоять с открытым ртом.

Я протиснулся сквозь толпу. Поискал взглядом красотку в голубых джинсах, сандалиях на платформе и белой футболке, не скрывающей пупок. И нашел. К концу того же года мы с Йеджиде поженились.

Я полюбил ее с первого взгляда. Я никогда в этом не сомневался. Но любви подвластно не все. До женитьбы я думал, что любовь все превозможет. Но вскоре понял, что четыре года бездетности

не снесет даже она. Если груз слишком велик и слишком долго отягощает душу, любовь прогибается, трескается и почти ломается, а иногда и не почти. Но, даже разбившись на тысячу осколков и рассыпавшись под ногами, любовь остается любовью.

Через четыре года про любовь уже никто не вспоминал. Моя мать уж точно. Мать говорила об ответственности перед ней, ведь я был ее первенцем. Напоминала о девяти месяцах, когда я жил в ее утробе и другой жизни не знал. Особенно ярко описывала сложности последних трех, когда ей никак было не устроиться удобно на кровати и приходилось спать в кресле с подушками.

Вскоре разговор зашел о моем сводном брате Джавоне, первом сыне второй жены отца. Муми уже давно не приводила его в пример, хотя в детстве делала это постоянно: «Вот Джавон никогда не пачкает форму; почему ты вечно в грязной рубашке? Джавон ни разу не терял сменку, а ты уже третий раз за четверть свою посеял! Джавон всегда в три уже дома, а ты где после школы пропадаешь? Почему Джавон получил медаль, а ты нет? Ты — первый сын; знаешь, что это значит? Ты вообще понимаешь, что это значит? Хочешь, чтобы Джавон занял твое место?»

Она перестала упоминать Джавона, когда после окончания средней школы тот решил освоить ремесло: его матери университет оказался не по карману. Муми, верно, подумала, что какой-то подмастерье плотника не чета ее деткам с университетским образованием и тут конкуренции бояться нечего. Много лет она не вспоминала о Джавоне и, кажется, совсем потеряла к нему интерес, пока не возникла эта история со второй женой. Она заявила, что, мол, у Джавона уже четверо детей, и все мальчики. Будто я этого не знал. В этот раз она не ограничилась Джавоном и напомнила, что у всех моих сводных братьев есть дети.

Когда с нашей свадьбы с Йеджиде прошло два года, мать стала заявляться ко мне в офис в первый понедельник каждого месяца. Приходила не одна. Всякий раз приводила с собой новую женщину — кандидатку во вторые жены. Ни одного понедельника не пропустила. Даже болезнь ее не останавливала. И мы договорились: я разрешу ей приводить женщин, но она не станет позорить мою жену и приводить своих кандидаток домой. И никогда не расскажет об этом Йеджиде.

Когда мать пригрозила, что начнет каждую неделю водить кандидаток к Йеджиде, если в

ближайший месяц я не выберу себе невесту, пришлось решать. Я знал, что моя мать зря грозить не будет. Я также знал, что Йеджиде не справится с таким давлением. Она сломается. Из вереницы девушек, что побывали в моем офисе за это время, только Фуми не настаивала на совместном проживании со мной и Йеджиде. Выбор был очевиден: Фуми ничего от меня не требовала. По крайней мере, вначале.

Договориться о компромиссном решении было легко. Она согласилась на отдельную квартиру в нескольких милях от нас с Йеджиде. Попросила проводить с ней одни выходные в месяц, много денег не требовала. Не возражала, когда я сказал, что на праздники и общественные мероприятия со мной всегда будет ходить только Йеджиде.

После того как я согласился жениться на Фуми, я не видел ее несколько месяцев. Сказал, что у меня много работы и некоторое время мы не сможем встречаться. А ей, видимо, внушили, что сердце мужа в конце концов можно завоевать терпением. Она не стала спорить, просто ждала, пока я смирюсь с тем, что теперь она — часть моей жизни.

С Йеджиде все вышло куда естественнее. Первый месяц после знакомства я каждый день

проводил по два часа в дороге, лишь чтобы с ней увидеться. Выезжал из офиса в пять и полчаса ехал в Ифе. Еще пятнадцать минут стоял в пробках до университетских ворот. И через час после отъезда из Илеши входил в комнату Ф-101 в корпусе Мореми женского общежития.

Я делал это каждый день, пока однажды Йеджиде не вышла в коридор, затворив за собой дверь. В комнату она меня не пустила и велела больше не приходить. Сказала, что не хочет больше меня видеть. Но я ее не послушал. Я продолжал приезжать в общежитие еще одиннадцать дней, улыбался ее соседкам и пытался уговорить их меня впустить.

На двенадцатый день дверь открыла она. Вышла и встала со мной в коридоре. Мы стояли рядом. Я попросил объяснить, что сделал не так. Из маленькой кухоньки и туалетов доносилась смесь запахов.

Оказалось, что к Йеджиде пришла моя бывшая девушка и стала ей угрожать. Заявила, что мы с ней поженились по традиционному обряду.

— Я против полигамии, — сказала Йеджиде, наконец объяснив, что происходит.

Другая девушка сформулировала бы это иначе: сказала бы, что хочет быть единственной женой.

Но Йеджиде выразилась прямо, без обиняков.

— Я тоже, — ответил я.

— Послушай, Акин. Давай просто забудем об этом. О нас. Об… *этом*.

— Я не женат. Посмотри на меня. Брось… посмотри на меня. Если хочешь, пойдем к этой девушке прямо сейчас, я заставлю ее во всем признаться. Пусть покажет свадебные фотографии.

— Ее зовут Бисаде.

— Неважно, как ее зовут.

Йеджиде ненадолго замолчала. Прислонилась к двери, глядя, как по коридору снуют люди.

Я коснулся ее плеча; она не отшатнулась.

— Значит, я сглупила, — ответила она.

— Стоит извиниться, — сказал я. Я не хотел, само вырвалось: на том этапе наших отношений еще неважно было, кто прав, кто виноват. Это потом мы начнем выяснять, кто виноват, и эти разбирательства всякий раз будут становиться началом новой ссоры.

— Извини, но знаешь, извиняться можно по-разному. — Она потянулась ко мне.

— Знаю. — Я улыбнулся. Она водила пальцем по моей руке, рисуя невидимые круги.

— Итак, Акин, теперь можешь признаться мне во всех своих тайнах, грязных и не очень. Может,

у тебя и дети есть от какой-нибудь женщины?

У меня были тайны, о которых я мог рассказать. И должен был рассказать. Я улыбнулся:

— Есть у меня пара грязных носков и немного белья. А у тебя? Есть грязные трусишки?

Она покачала головой.

Наконец я произнес слова, что рвались с языка со дня нашей встречи, ну или нечто подобное. Я сказал:

— Йеджиде Макинде, я собираюсь на тебе жениться.

4

Я долго не желала мириться с тем, что стала первой женой, *ийяле*. Ийя Марта была первой женой моего отца. В детстве я считала ее самой несчастной женой в нашей семье. С возрастом мое мнение не изменилось. На похоронах отца она стояла у свежевырытой могилы, прищурив свои узкие глазки, и осыпала проклятиями всех женщин, которых отец взял в жены после нее. Начала, как всегда, с моей матери, которая сто лет как умерла, но была второй, на ком папа женился, той самой, из-за которой Ийя Марта стала первой среди неравных.

Я отказывалась воспринимать себя как первую жену.

Легче было притвориться, что Фуми не существует. Я продолжала просыпаться рядом с мужем; тот лежал, распростершись на кровати и накрыв лицо подушкой, чтобы свет от моей лампы не попадал в глаза. Я щипала его за шею, пока он не вставал и не шел в ванную, отвечая на мое приветствие кивком или взмахом руки. По утрам, до первой чашки кофе и холодного душа он плохо соображал и не мог связать двух слов.

Через пару недель после первого появления Фуми в нашем доме незадолго до полуночи зазвонил телефон. Когда я села в кровати, Акин уже бежал к телефону. Я дважды дернула за шнур лампы, и включились все четыре лампочки, залив комнату светом. Акин снял трубку и, нахмурившись, стал слушать.

Он положил трубку, вернулся и сел рядом со мной.

— Звонил Алийю, директор головного офиса в Лагосе[11]. Говорит, завтра банк открывать нельзя. — Он вздохнул. — Был военный переворот.

— О боже, — ахнула я.

Некоторое время мы сидели молча. Я думала о жертвах и о том, что ждет нас в грядущие месяцы. Охватит ли страну хаос и кровопролитие? Я была тогда слишком маленькой и ничего не помнила, но знала, что военные перевороты 1966 года привели страну к гражданской войне. Я утешала себя, вспоминая, что волнения после недавнего переворота, случившегося всего год и восемь месяцев назад, утихли за несколько дней. Тогда главой государства стал генерал Бухари. Тогда нигерийцы решили, что им надоело коррумпи-

[11] Примечания: 11

Портовый город на юго-западе Нигерии, крупнейший в стране и в Африке.

рованное гражданское правительство, которое сместил Бухари с товарищами по оружию.

— А Бухари точно свергли?

— Похоже на то. Алийю говорит, его уже арестовали.

— Надеюсь, никто не погиб. — Я дернула за шнур; три лампочки из четырех погасли.

— Что за страна, — вздохнул Акин и встал. — Пойду спущусь, проверю двери.

— И кто теперь главный? — Я откинулась на подушку, хотя знала, что уснуть уже не смогу.

— Алийю не сказал. Утром узнаем.

Утром мы ничего не узнали. В шесть утра по радио выступил военный офицер, осуждавший действия предыдущего правительства. Но про новое он ничего не сказал. Акин ушел на работу, чтобы успеть до протестов. Я осталась дома, зная, что после сегодняшних новостей мои стажерки вряд ли явятся в салон. Не выключая радио, обзвонила всех знакомых в Лагосе: хотела удостовериться, что они живы. Но военные отключили лагосские телефоны, и я не дозвонилась. В полдень послушала новости и, наверно, уснула. Акин вернулся, когда я проснулась; от него я узнала, что новым главой государства назначен Ибрахим Бабангида.

В последующие недели Бабангида стал называть себя не только главой государства, но и президентом, как будто вооруженный переворот приравнивался к выборам. А главное, что и другие его так называли. В остальном наша жизнь шла как обычно; как и вся страна, мы с Акином быстро вернулись к привычному распорядку.

В будни мы с мужем чаще всего завтракали вместе, ели вареные яйца с поджаренным хлебом и пили много кофе. Мы любили пить кофе из одинаковых красных чашек с такими же маленькими цветочками, что на столовых салфетках, без молока и с двумя кусочками сахара. За завтраком обсуждали планы на день. В ванной протекала крыша, и надо было вызвать кого-нибудь ее починить. Бабангида только что назначил новый совет министров; мы обсудили их по очереди. Соседская собака лаяла всю ночь; мы жаловались друг другу, что, если это не прекратится, придется ее прикончить. Новый сорт маргарина, кажется, оказался слишком жирным. О Фуми не говорили никогда, даже случайно не упоминали ее имя. После завтрака относили тарелки на кухню и оставляли в раковине, мыли руки, целовались и возвращались в гостиную. Акин брал пиджак, перекидывал его через плечо и уходил на работу.

Я поднималась в комнату, принимала душ и шла в салон. Так продолжалось днями, неделями и месяцами, как будто в браке нас по-прежнему было двое.

А потом однажды Акин ушел на работу, а я поднялась на второй этаж и увидела, что крыша обвалилась. Тем утром шел дождь, и промокший асбест, видимо, не выдержал давления скопившейся воды; квадратик кровли, где была протечка, прорвало ровно посередине, и вода хлынула в ванную. Я решила все равно помыться здесь, потому что с тех пор, как мы поженились, ни разу не пользовалась другими ванными в доме. Но дождь не прекращался, а дыра в асбесте располагалась таким образом, что какое бы положение я ни заняла, мне никак было не укрыться от воды, щепок и кусков металла, летевших в ванную вместе с водой.

Я позвонила в офис Акина и велела его секретарше передать, что крыша лопнула, после чего впервые приняла душ в гостевой ванной в конце коридора. В этой непривычной ванной я вдруг подумала, что, если Фуми решит приходить к нам и ночевать в хозяйской спальне, мне придется все время принимать душ в этой крошечной душевой кабинке. Я смыла мыльную пену, вер-

нулась в хозяйскую спальню — которая все еще была моей — и стала одеваться на работу. Перед тем как спуститься, проверила протечку: хуже не стало, но вода по-прежнему стекала в ванную.

Я открыла зонтик и бросилась к машине. На улице начался настоящий потоп; ветер бушевал и пытался отнять у меня зонтик. Туфли промокли насквозь, не успела я добежать до машины. Я сбросила их и надела шлепки, в которых водила машину. Повернула ключ в зажигании и услышала бесполезный щелчок. Машина не заводилась. Я пробовала снова и снова, но безуспешно.

С тех пор как Акин подарил мне машину на свадьбу, у меня ни разу не возникало проблем с моим верным голубым «жучком». Акин регулярно возил его в сервис, проверял масло каждую неделю и делал все, что нужно. Дождь лил как из ведра, идти пешком в салон не было никакого смысла, хотя он находился не так уж далеко от нашего квартала. В соседском дворе ветер сломал несколько веток; мой зонтик не продержался бы и пары минут. Я осталась сидеть в машине, глядя, как зеленые сильные ветки сопротивляются ветру, ломаются и падают.

В такие минуты — когда что-то шло вопреки распорядку — в голову лезли мысли о Фуми. Я

думала о том, что стала одной из тех женщин, кому рано или поздно скажут, что она слишком стара и не может больше сопровождать мужа на мероприятия. Но тогда мне еще удавалось запереть эти мысли, затолкать их в дальний угол ума, туда, где они не смогут расправить крылья и повлиять на мою жизнь.

Я достала блокнот и стала записывать, что нужно купить для салона. Составила бюджет расширения бизнеса: я планировала открыть еще несколько новых точек. Думать о Фуми не было смысла; Акин сказал, что проблем от нее не будет, и пока у меня не было причин ему не верить. Но своим подругам я про нее не рассказывала. Я звонила Софии и Чимди, и мы говорили о работе, их детях и продвижении Акина по службе. Чимди была матерью-одиночкой, София — третьей женой. Ни одна из них не могла дать мне дельный совет.

Крыша обвалилась, машина не завелась — если бы у Ийи Марты утро началось так, она бы вернулась домой и весь день просидела, заперев окна и двери. Решила бы, что Вселенная хочет ей что-то сказать. Вселенная вечно ей что-то нашептывала. Но то Ийя Марта, а то я; когда дождь стих, я повернула ключ в зажигании и вышла из

машины в шлепках. Повесила сумку на плечо, взяла в другую руку зонтик и мокрые туфли и пошла на работу пешком.

Мой салон согревало женское тепло. Женщины сидели в мягких креслах, отдавшись на милость деревянного гребешка, сушильного колпака, моих рук и рук моих стажерок. Женщины молча читали книжки, называли меня «дорогой сестрой», рассказывали анекдоты, над которыми я потом смеялась несколько дней. Я любила свой салон: гребешки, бигуди, зеркала на всех стенах.

Я начала зарабатывать прическами в первый год учебы в Университете Ифе. Общежитие первокурсниц находилось в корпусе Мозамбик. В первую неделю после переезда я каждый вечер обходила комнаты и говорила девчонкам, что могу заплести им косы вдвое дешевле, чем в парикмахерской. Из инструментов у меня был лишь маленький деревянный гребешок; за время учебы в университете я купила еще и пластиковый стул для клиенток. На втором курсе я переехала в корпус Мореми и первым делом взяла с собой этот стул. Фен был мне не по карману, но к третьему курсу я зарабатывала достаточно и могла сама себя содержать. Если Ийя Марта решала оставлять себе месячную дотацию, что посылал

мне отец, мне уже не приходилось голодать.

После замужества я переехала в Илешу и в будни ездила в Ифе на лекции. Но продолжать заниматься парикмахерским делом уже не могла. Некоторое время я ничего не зарабатывала. В деньгах я не нуждалась: помимо денег на хозяйство, Акин выдавал мне щедрую сумму на личные расходы. Но я скучала по работе, и мне не нравилось думать о том, что, если по какой-то причине Акин решит не давать мне деньги, я не смогу купить даже жвачку.

В первые месяцы после свадьбы сестра Акина Аринола была единственной, кому я заплетала косы. Она часто предлагала мне заплатить, но я отказывалась. Ей не нравились сложные прически; она всегда просила сделать ей классические «кукурузинки» — суку[12]. Вскоре мне стало скучно плести прямые косы до темечка, и я уговорила ее посидеть со мной десять часов и сделать тысячу тонких кос. Через неделю ее подруги из педагогического колледжа стали умолять Аринолу познакомить их с ее парикмахером.

Вначале я принимала женщин под кешью на заднем дворе. Потом Акин нашел помещение,

[12] Примечания: 12

Стиль плетения волос, при котором выпуклые косички образуют на голове приподнятые бугорки, похожие на кукурузные початки.

идеально подходящее для салона. Я не хотела открывать салон: знала, что смогу работать только по выходным, пока не окончу университет. Но Акин уговорил меня взглянуть на помещение, и, ступив за порог, я сразу в него влюбилась. Я попыталась сдержать волнение и сказать Акину, что нецелесообразно тратить деньги на салон, который будет простаивать пять дней в неделю. Но он знал, что на самом деле я этого хотела, и через несколько часов мы сидели в гостиной арендодателя, взявшись за руки, и Акин торговался за арендную плату.

Когда он женился на Фуми, я все еще снимала это помещение. Тем утром я опоздала из-за дождя и проблем с машиной, но все равно пришла первой. Отперев дверь, увидела пустой зал. Обычно стажерки приходили раньше и начинали готовиться к работе, но сегодня я включила свет и услышала, как дождь на улице усилился и застучал по крыше, словно тысяча копыт. В такой ливень никто не поедет с другого конца города.

Я включила радиоприемник, который подарил мне папа, когда я уехала в университет. Он сломался в нескольких местах, но я склеила его изолентой. Я покрутила регулятор и нашла станцию с незнакомой музыкой. Потом принялась

расставлять шампуни и помады, раскладывать гели и утюжки, пузырьки с выпрямителями волос и лаком.

Я не проверила, испортились ли кудри от дождя, несмотря на зонт. Если бы я посмотрела в зеркало, то начала бы оценивать форму лица, маленькие глаза и большой нос, думать, что не так с моим подбородком, губами и внешностью в целом и отчего мужчины, а конкретно — Акин, могли счесть Фуми более привлекательной. Жалеть себя было некогда, я работала. Занимаясь делом, я думала только о волосах.

Дождь прекратился, и стали приходить стажерки. Последняя зашла незадолго до первой клиентки. Я взяла деревянный гребешок, разделила волосы женщины на прямой пробор, запустила два пальца в баночку с липкой помадой, и день начался. У клиентки были густые плотные волосы; косички слегка похрустывали, когда я заплетала их тонкими рядками до затылка. Четыре клиентки ждали в очереди. Я переходила от одной головы к другой, разделяла волосы пробором, заплетала косички, ложившиеся фигурным орнаментом на коже, отрезала секущиеся кончики и давала советы стажеркам. К обеденному перерыву заболели запястья: по-

чти все клиентки пришли на плетение, легкого мытья и укладки почти никто не требовал.

Я выскочила на улицу и купила рис в листьях маранты с рагу на пальмовом масле. Одна женщина на нашей улице так хорошо готовила это блюдо, что, доев последние кусочки копченой рыбы и говяжьей шкурки, я всегда боролась с желанием облизать листья. После такого обеда хотелось минуту посидеть, ничего не делая, — это вызывало такое удовлетворение, что я некоторое время могла лишь смотреть в одну точку, пока вокруг продолжалась людская суета. Дождь перестал, но небо по-прежнему было окрашено в угрожающий темно-синий цвет. В салон врывался холодный ветер, сражаясь с теплым воздухом из фенов. Температура в зале постоянно менялась.

Когда она вошла, я сперва решила, что это очередная клиентка. Она немного постояла на пороге на фоне пасмурного неба, темневшего за ее спиной, как дурная примета, хмуро огляделась и наконец увидела меня. Тогда она улыбнулась и опустилась передо мной на колени. Она была очень хороша собой. С такими чертами к лицу любая прическа. Женщины на рынке наверняка с завистью оборачивались ей вслед и спрашивали,

кто ее парикмахер.

— Доброе утро, наша мама, — произнесла Фуми.

Я вздрогнула от ее слов. Никакая я ей не мама. У меня не было детей. Все называли меня Йеджиде. Никто не называл меня Йия. Я по-прежнему была просто Йеджиде. Я не знала, что ей ответить; мне захотелось вырвать ей язык. Несколько лет тому назад я бы не постеснялась влепить ей по зубам. В старшей школе для девочек в Ифе у меня было прозвище Террористка Йеджиде. Я каждый день ввязывалась в драки. Тогда мы ждали окончания занятий и устраивали стычки. За школьным двором находили укромную тропинку, по которой никто из учителей не шел домой. Я всегда побеждала и не проиграла ни разу. Ни одного разочка. Мне отрывали пуговицы, однажды сломали зуб, много раз разбивали нос, но я все время побеждала. Ни разу не упала на землю и не проглотила ни песчинки.

Когда я приходила домой с большим опозданием и в крови после очередной драки, мачехи громко меня отчитывали и обещали наказать за безобразное поведение, а по ночам, обернув обвисшие груди застиранными покрывалами, шептали своим детям, что ни в коем случае не

надо быть как я. Ведь у их детей были матери, живые женщины с волосатыми подмышками, женщины, которые ругались, готовили и вели бизнес. Лишь те, у кого не было матери, — дети вроде меня — вели себя подобным образом. И дело даже не в том, что у меня не было матери: моя мать, которая умерла через несколько секунд после того, как вытолкнула меня в мир, была женщиной без роду без племени! А кто заводит детей с женщиной без роду без племени? Только дурак согласится стать мужем такой женщины. Впрочем, даже не в этом крылась главная проблема, а в том, что ребенок, рожденный от матери без роду без племени, мог происходить от кого угодно. В его роду могли быть собаки, ведьмы, неизвестные племена с дурной кровью. У детей третьей отцовской жены тоже была дурная кровь: в ее роду встречалось несколько случаев умопомешательства. Но об этом хотя бы было известно, а мое родовое проклятие могло оказаться любым, и это было намного хуже, а своим поведением я это подтверждала — позорила отца и дралась, как уличный пес.

Мои сводные братья и сестры потом пересказывали мне все, что им нашептали матери. Меня их слова не обижали: все жены играли в эту игру,

соревновались между собой, чьи дети лучше. Меня тревожило другое — никто из них ни разу не осуществил угрозы, даже когда я начала драться каждый день. Меня не пороли, не заставляли делать лишнего по дому, не оставляли без ужина. И это было еще одним напоминанием, что им до меня нет дела.

— Наша мама? — повторила Фуми. Она по-прежнему стояла на коленях.

Я проглотила воспоминания, как большую горькую пилюлю. Фуми положила руки мне на колени; у нее был идеальный маникюр, ногти выкрашены в цвет красного гибискуса, в цвет наших чашек, из которых мы с Акином пили кофе тем самым утром.

— Наша мама?

Я перестала красить ногти. В университете красила. Может, его ногти привлекли? Что он чувствовал, когда она царапала его грудь своими красивыми коготками? Напрягались ли его соски? Стонал ли он? Я хотела… нет, я должна была узнать об этом немедленно и во всех подробностях. Давал ли он ей то, что я прежде считала только своим? Даст ли то, чего мне так и не дал? Ребенка?

— Наша мама?

— Какая я тебе мама? Брось этот детский сад, — процедила я.

Рядом со мной было свободное кресло, но она села на мой подлокотник.

— Зачем пришла? Кто тебя сюда направил? — прошептала я, потому что клиентки и стажерки вдруг замолчали. Кто-то выключил радио, и в салоне воцарилась тишина.

— Решила зайти и поздороваться.

— В такое время дня? Ты не работаешь? — Я намеревалась ее оскорбить, но она не обиделась и подумала, что это обычный вопрос.

— Не-ет. Не работаю, ведь наш муж хорошо обо мне заботится. — Она произнесла «наш муж» чуть громче, и все в зале ее услышали. Заскрипели кресла; клиентки откинулись назад и выгнули шеи, прислушиваясь к нашему разговору.

— Чего?

— Наш муж — очень заботливый человек. Он дает мне все, что нужно. Мы должны благодарить Господа, что у него на всех нас хватает денег. — Она улыбнулась, глядя на меня сверху вниз.

Я злобно посмотрела не ее отражение в зеркале напротив.

— Хватает денег на что именно?

— На нас, мама. Для этого мужчине и нужна

работа, *аби*[13]? Мужчина работает ради своих жен и детей.

— У некоторых из нас тоже есть работа. — Я плотно стиснула кулаки и прижала их к бокам. — Выметайся отсюда, не мешай мне делать мою.

Она улыбнулась, глядя в зеркало.

— Я зайду вечером, *ма*. Может, тогда ты не будешь занята.

Неужели она ждала, что я улыбнусь в ответ?

— Фуми, чтобы я больше не видела твою тощую задницу в этом салоне ни разу.

— Наша мама, зачем ты так? Нам надо дружить. Хотя бы ради будущих детей. — Она снова встала на колени. — Я знаю, ходит слух, что ты бесплодна, но пути Господни неисповедимы. Я чувствую, что, когда понесу, семя ляжет и в твою утробу. И если ты велишь мне не приходить, я больше не приду, но хочу, чтобы ты знала: злой характер может вызывать бесплодие. До встречи, *ма*.

По-прежнему улыбаясь, она встала и повернулась к выходу.

Я тоже встала и схватила ее за платье.

---

[13] Примечания: 13
Да, согласна (*йоруба*).

— Ты! Эгбере[14], мерзкая гномиха! Кого ты назвала бесплодной?

Я была не готова к конфликту. Даже обозвала ее неудачно. Фуми совсем не походила на эгбере: рост у нее был нормальный, она не носила с собой коврик и не плакала. Напротив, повернувшись ко мне, она улыбалась. Клиентки и стажерки окружили нас кольцом. Я уже собиралась ей вмазать, как одна из женщин сказала:

— Оставь ее. Отпусти. — Они схватили меня за руки, заставили отцепиться от Фуми и усадили в кресло. — Дорогая сестра, успокойся. Не кипятись.

[14] Примечания: 14

В культуре йоруба Эгбере — злой дух, приносящий несчастье; имеет вид карлика с детскими чертами лица, все время плачет и носит с собой коврик (для сна). Согласно поверью, если отнять у Эгбере коврик, можно обрести несметные богатства.

5

Я купила новые чашки.

— Знаешь, почему мне не нравятся белые чашки? — спросил Акин за завтраком.

— Прошу, просвети меня, — ответила я.

— Пятна от кофе видны.

— Да что ты говоришь.

Он потеребил галстук и нахмурился.

— Ты злишься. Что-то случилось?

Я размазала по тосту маргарин, размешала сахар в кофе и стиснула зубы. Вообще-то я собиралась помалкивать о причине своего недовольства, но Акин уже в пятый раз спрашивал, что случилось. Впрочем, он так и не дал мне возможности ответить.

— Мне не нравятся эти чашки. — Он поднял указательный палец и глотнул воды. — А куда делись старые?

— Я их разбила.

Его губы сложились буквой О, но он ничего не сказал, лишь откусил кусочек хлеба. Он, видимо, решил, что я случайно разбила чашки, уронила, когда ставила на место. С чего бы ему знать, что я со всей дури шмякнула обе чашки цвета красного

гибискуса об стену, пока часы с кукушкой в гостиной отсчитывали полночь. С чего бы ему знать, что я смела осколки, высыпала их в маленькую ступку и растирала в пыль, пока не вспотела, как мышь, и не испугалась, что сошла с ума.

— Вчера приходили внутренние аудиторы из головного офиса, я был занят. Забыл прислать человека починить крышу. Сегодня я…

— Твоя жена вчера приходила в салон.

— Фуми?

— А кто еще? — я наклонилась к нему. — Или у тебя есть еще одна жена, о которой я не знаю? — С тех пор как Фуми вчера ушла, эта мысль непрерывно крутилась у меня в голове. Вдруг у него еще жены? В Илеше, в другом городе? Другие женщины, которых он любил, другие, из-за которых мне нельзя было считать его совсем своим?

Акин прикрыл ладонью половину лица.

— Йеджиде, я же объяснил, как мы с Фуми договорились. Не позволяй ей мешать тебе на работе.

— Она сказала, что ты «хорошо о ней заботишься». — Это прозвучало не так язвительно, как я хотела; весь гнев и презрение вылились на Фуми вчера, теперь у меня ничего не осталось. Но я хотела дать ему понять, что злюсь,

поэтому продолжила говорить, стараясь, чтобы мои слова отразили не мои истинные чувства, а гнев, который я должна была испытывать. — Что это значит? Объясни, что значит «хорошо заботишься».

— Дорогая…

— Стоп. Вот этого не надо. Перестань называть меня «дорогая». — На самом деле я хотела, чтобы он называл меня «дорогая», но только меня и никого другого. Хотела, чтобы он потянулся через стол, взял меня за руку и сказал, что все у нас будет в порядке. Я по-прежнему верила, что он найдет выход; он всегда знал, как поступить и что сказать, ведь он был моим Акином.

— Йеджиде…

— Ты где вчера был? Я ждала до ночи. Где ты был?

— В спортивном клубе.

— Серьезно? В спортивном клубе? Думаешь, я идиотка? Когда клуб закрывается? Когда, скажи.

Он вздохнул и взглянул на часы.

— Теперь ты будешь меня допрашивать?

— Ты обещал, что между вами ничего не будет.

Он взял пиджак и встал.

— Мне пора на работу.

— Ты меня обманываешь, *аби*? — Я пошла за

ним к выходу, подбирая слова. Мне не хотелось с ним ссориться и объяснять, что я боюсь, что он бросит меня и я снова останусь одна на всем белом свете. — Акин, Господь обманет тебя, клянусь. Господь обманет тебя, как ты сейчас обманываешь меня.

Он закрыл дверь, а я взглянула на него через стеклянные вставки. Все было не так. Он не держал портфель в руке, а прижимал к боку левой рукой; его фигура скособочилась на левую сторону, он выглядел так, будто вот-вот сложится пополам. Он не перебросил через плечо пиджак, а сжимал его в правой руке; край рукава волочился по земле, скользил по ступеням крыльца и по траве всю дорогу до черного «пежо».

Он поехал задним ходом. Я отвернулась. Он не притронулся к кофе, чашка стояла полная до краев. Я села на его стул, доела свой тост и его, выпила его кофе. Убрала со стола и отнесла грязную посуду в раковину. Помыла посуду, проследив, чтобы на белых чашках не осталось пятен от кофе.

На работу идти не хотелось: я была не готова к новой встрече с Фуми. Я понимала, что она не перестанет приходить в салон лишь потому, что я запретила. Я знала таких женщин — те, кто по

своей воле становился второй, третьей, седьмой женой, никогда так легко не шли на попятный. В отцовском доме их было много — моих неродных матерей. Они приезжали и менялись, у них всегда была заготовлена стратегия, и, если поначалу они казались глупыми и покорными, вскоре выяснялось, что это совсем не так. А вот у Ийи Марты не было стратегии и плана, поэтому ее всегда заставали врасплох.

Мне стало ясно, что только дура могла вообразить, будто Акин и Фуми у нее под контролем. Я взяла выходной, чтобы все обдумать. Заглянула в салон на несколько минут и отдала распоряжения Дебби, старшей стажерке, а потом взяла такси в Одо-Иро и пошла к Сайласу, механику, который обычно ремонтировал моего «жука».

Сайлас удивился, что я пришла одна, и спросил, где Акин. Пока мы ехали ко мне домой, он несколько раз повторил, что предпочел бы обсудить починку автомобиля с Акином, прежде чем начинать.

Я пошла готовить, а он ремонтировал «жука». Когда он закончил, я предложила ему пообедать. Он вымыл руки на улице и быстро съел пюре из ямса. Я сидела и наблюдала за ним, разговаривала, а он таращился на меня и время от времени

хмыкал в ответ, но в основном лишь удивленно таращился, будто не знал, что можно ответить на мою непрерывную болтовню. Потом он встал, я отсчитала деньги, протянула ему банкноты и проводила до машины, по-прежнему непрерывно болтая. Он уехал.

Я села на крыльцо и здоровалась, когда кто-то из соседей проходил мимо. Пришла Дебби и отчиталась, сколько мы сегодня заработали. Я пригласила ее в дом, предложила поесть, но она отказалась и заявила, что не голодна. Я настояла, чтобы она хотя бы выпила «Мальтину»[15]. Она ушла, и я поняла, что делать больше нечего: машина отремонтирована, посуда вымыта, ужин готов. Я знала, что Акин вернется не раньше полуночи. Мысли о Фуми полезли в голову.

Я прокрутила в голове несколько стратегий от «избить ее до полусмерти, когда она в следующий раз явится в салон» до «попросить переехать к нам и пристально следить за каждым ее шагом». Но вскоре поняла, что оптимальное решение проблемы не имело к Фуми никакого отношения. Мне просто нужно было забеременеть как можно скорее и раньше, чем она. Только так я могла

---

[15] Примечания: 15
Безалкогольный солодовый напиток.

быть на сто процентов уверена, что Акин меня не бросит.

Я считала себя любимой снохой своей муми. В детстве мне полагалось называть мачех «муми», даже отец просил, чтобы я их так называла, но я не соглашалась. Я звала их мамами. Когда отца не было рядом, некоторые из них отвешивали мне оплеухи, потому что я отказывалась проявить уважение и назвать их «моя мать». Отказывалась я не из упрямства и не назло, как некоторые из них считали. Просто моя собственная мать представлялась мне существом святым; я была ею одержима и не представляла, что назову другую женщину матерью. Это казалось святотатством, предательством женщины, которая отдала жизнь, чтобы я жила.

Наша семья ходила в англиканскую церковь, и однажды там устроили специальную службу в День матери. После проповеди викарий позвал всех моложе восемнадцати выйти вперед и спеть песню в честь наших мам. Мне тогда было лет двенадцать, но я не встала, пока служка не ткнул меня в спину. Мы спели песню, которую все знали, ее слова начинались с известной поговорки. Я сумела пропеть лишь первую строчку — *«ийя ни вура, ийя ни вура ийебийе ти а ко ле фовора»*, —

после чего мне пришлось прикусить язык, чтобы не заплакать. Ни одна проповедь никогда не вызывала у меня такого сильного отклика, как эти слова. «Мать — это золото, мать — драгоценное золото, что за деньги не купишь». К тому времени я уже догадалась, что никакими деньгами и мачехами мою маму не заменишь, и знала, что нет такой женщины, которую я согласилась бы называть «муми».

И все же всякий раз, когда мама Акина прижимала меня к своей полной груди, мое сердце пело: «муми», и, когда я называла ее этим уважительным словом, оно не царапало горло и не стремилось остаться внутри, как бывало, когда мачехи пытались выбить его из меня пощечинами. Мама Акина имела полное право так называться: когда у нас с мужем возникали конфликты и она об этом узнавала, она всегда вставала на мою сторону и заверяла, что скоро я непременно смогу зачать и чудо ждет меня буквально за углом.

Когда моя беременная клиентка миссис Адеолу рассказала о Победоносной Горе, я в тот же день побежала к муми, чтобы обсудить это с ней. Мне надо было проверить информацию, а муми знала все о таких вещах. Даже если она лично

ничего не слышала об этих чудесах, она знала, кого спросить, и, проверив слухи, была готова сопровождать меня хоть на край земли в поисках нового решения моей проблемы.

Еще недавно я бы не обратила внимания на слова миссис Адеолу; еще недавно я не верила в ясновидящих, живущих на вершине горы, и жрецов, поклонявшихся богам на берегах рек. Но это было до того, как я сдала все на свете анализы в больнице и все показали, что мне ничто не мешает забеременеть. В какой-то момент я даже начала надеяться, что врачи обнаружат во мне какой-то изъян и найдется объяснение, почему спустя годы замужества месячные по-прежнему случались как по часам. Я жалела, что они не обнаружили ничего, что можно было бы вылечить или вырезать. Я была здорова. Акин тоже сдавал анализы, и врачи опять-таки ничего не нашли. Тогда я перестала отмахиваться от предложений свекрови и перестала считать женщин вроде нее примитивными и немного чокнутыми. Я открылась альтернативным методам. Если не получается достичь выбранной цели привычными средствами, почему бы не попробовать что-то другое?

Свекры жили в Айесо, старом квартале, где

еще оставались глинобитные дома. Их дом был построен из кирпича, а двор частично огорожен низким цементным забором. Когда я пришла, муми сидела на низком табурете во дворе и чистила земляные орехи; у нее на коленях стоял ржавый противень, и она складывала туда очищенные ядра. Она взглянула на меня, а потом снова сосредоточилась на орехах. Я сглотнула и замедлила шаг. Что-то было не так.

Муми всегда приветствовала меня бурно, кричала: «Йеджиде, моя жена!» За словами следовали столь же бурные объятия.

— Добрый вечер, муми. — Я опустилась перед ней на колени. Колени дрожали.

— Ты беременна? — спросила она, не поднимая взгляда от противня с орехами.

Я почесала затылок.

— Ты теперь не только бесплодная, но и глухая? Ты беременна, спрашиваю? Ответ может быть «да» или «нет, я так и не была беременна ни единого дня в своей жизни».

— Я не знаю. — Я встала и попятилась, отходя подальше, чтобы мой сжавшийся кулак ее не достал.

— Почему ты не разрешаешь моему сыну иметь детей? — Она бросила противень на землю и

встала.

— От меня это не зависит. Все в руках Господа.

Она подошла ко мне и заговорила, когда пальцы ее ног коснулись носков моих туфель.

— Ты когда-нибудь видела Господа в родильной палате? Видела, чтобы он рожал? Отвечай, Йеджиде: видела ли ты Господа в родильной палате? Детей рожают женщины, а не Господь, а если ты не можешь родить, ты не женщина. Никто не должен называть тебя женщиной. — Она схватила меня за запястье и заговорила шепотом: — Все просто, Йеджиде. Не можешь дать моему сыну детей — пусть заведет их с Фуми. Видишь, мы даже не просим тебя уступить ей место; мы просим подвинуться, чтобы и ей хватило места.

— Я ему не запрещаю, муми, — ответила я. — Я приняла ее. Она даже приходит к нам и остается на выходные.

Она схватилась за свои толстые бока и расхохоталась.

— Я тоже женщина. По-твоему, я вчера родилась? Скажи, почему Акин так до нее и не дотронулся? Они женаты больше двух месяцев. Почему он ни разу не снял с нее покрывало? Ответь, Йеджиде.

Я сдержала улыбку.

— А мне какое дело, чем Акин занимается со своей женой.

Муми приподняла мою блузку и положила морщинистую руку мне на живот.

— Плоский, как стена, — сказала она. — Мой сын проторчал в твоей постели два с лишних месяца, а твой живот по-прежнему плоский, как стена. Прекрати раздвигать перед ним ноги, Йеджиде. Если ты не прогонишь его, он не притронется к Фуми. И умрет бездетным. Молю тебя, не порти мне жизнь. Он мой первенец, Йеджиде. Именем Бога молю. Йеджиде, сжалься надо мной. Пощади.

Я зажмурилась, но слезы все же просачивались из-под век.

Тогда она обняла меня, притянула к себе и пробормотала слова утешения. Но в ее объятиях не было тепла. Ее холодные жестокие слова застыли в моем животе в том самом месте, где должен был находиться ребенок.

6

С подкашивающимися от страха ногами я взбиралась на Победоносную Гору. Рядом шел проводник с густой бородой, но его присутствие ничуть не облегчало мою тревогу. Его прислали с вершины, где другие верующие пели молитвы. Звуки их голосов то усиливались, то уносились ветром. Их было около сотни, все в зеленых накидках и таких же зеленых колпаках.

— Не останавливайся, — велел проводник.

Он, должно быть, заметил, что я замедлила шаг. Крутая горная тропа была безлесой: ни деревца, чтобы хотя бы на миг укрыться в тени. Хотелось пить, в горле пересохло, и слюны во рту совсем не осталось. Но мне никто не собирался потакать. Я приехала держать пост. Ни еды, ни воды, и, как сообщил проводник, встретив меня у подножья горы, если я остановлюсь отдохнуть во время подъема, меня тут же отошлют домой, не разрешив помолиться и встретиться с Верховным Жрецом.

Миссис Адеолу заверила меня, что пророк Джозайя, лидер этой общины, в самом деле умеет творить чудеса. Ее выпуклый живот был тому

подтверждением. Мне нужен был чудодейственный пост. Я могла спастись от полигамии, лишь забеременев раньше Фуми; тогда Акин отпустит ее восвояси. Но, ступая по горной тропе и таща за собой маленькую козу, я мечтала лишь об одном чуде — чтобы из скалы забила вода и я могла утолить жажду. Проводник пялился на мою грудь; меня это настораживало. Я дрожала не только от усталости, но и от страха. Всякий раз, когда мой взгляд встречался с его недвусмысленно похотливыми глазами, мне хотелось бежать вниз к машине, но я продолжала идти вперед, к вершине. Фуми по-прежнему жила в отдельной квартире в городе, но я знала, что как только она забеременеет, то сразу переедет в мой дом, к бабке не ходи.

— Поможете вести козу? — спросила я проводника и пожалела, что за мной прислали не женщину.

— Нет, — ответил он и потянулся к моему лицу. Я уже хотела его ударить, но он согнул кисть и вытер пот с моей щеки.

Потом он придержал меня за талию, якобы для равновесия. Я попыталась ускориться, но коза встала. Я подергала ее за веревку, которая врезалась в ладони. Я бы потащила эту козу во-

локом, да только в инструкции было написано, что животное должно быть белым, целым и без пятнышка.

— Это коза. Я не отдыхаю. — Я испугалась, что он заметит, что я остановилась, и отошлет меня обратно.

— Я вижу.

Через некоторое время коза сдвинулась с места. Вскоре мы добрались до вершины. Верующие расселись широким кружком. Их глаза были закрыты.

— Садись, — велел проводник, сел рядом с остальными и закрыл глаза.

В центре круга стоял мужчина. Его борода была еще длиннее, чем у проводника; за ней почти не было видно лица. Поварской колпак на его голове был больше, чем у остальных, и был чем-то набит: так он не падал на спину, а торчал вертикально.

— Подвиньтесь, освободите место для нашей сестры, — велел он.

Двое верующих передо мной встали и отошли чуть дальше, не нарушая круг и не открывая глаза. Я вошла в круг, подтащив за собой козу, и встала рядом с человеком в большом колпаке. Оглядела собравшихся и поняла, что это сплошь бородатые мужчины. Вспомнила похотливые

взгляды проводника, и мне поплохело. Тут будто по сигналу мужчины начали стонать и дрожать, будто их ласкали невидимые женщины. Я попыталась сосредоточиться на мыслях об Акине и наших красивых будущих детях.

— У тебя будет ребенок, — выкрикнул мужчина, сидевший рядом, и стоны прекратились. Он открыл глаза. — Смотри, вот твой ребенок, — указал он на козу.

Я переводила взгляд с козы на безумные глаза этого мужчины. Думала броситься бежать, но представила, как они толпой ринутся за мной, истекая слюной, словно бешеные псы, с развевающимися на ветру полами зеленых накидок. Я скачусь с крутого склона и умру.

— По-твоему, я сумасшедший? Пророк Джозайя сумасшедший? — Он обхватил мой затылок и разразился каркающим хохотом. — Ты не сбежишь от нас, пока мы не закончим. Ты уйдешь от нас с ребенком.

Я кивала, пока он не отпустил мою голову.

Стоны возобновились. Мужчина склонился над козой и снял с ее шеи веревку. Затем завернул козу в кусок зеленого полотна так, что снаружи осталась лишь голова, и сунул сверток мне.

— Это твой ребенок.

Я взяла у него сверток.

— Прижми его к груди и танцуй, — велел он.

Стоны прекратились; мужчины запели. Я переступала с ноги на ногу, прижимая сверток к груди и сгибаясь под его весом. Пение ускорилось; я тоже ускорила шаг и запела вместе с ними.

Мы танцевали, пока от сухости в горле не стало почти невозможно глотать. Моргая, я всякий раз видела перед собой цветные вспышки, похожие на осколки разбившейся радуги. Мы танцевали, пока мне не почудилось, что я переживаю божественный опыт. В лучах ослепительного солнца мне показалось, что коза — на самом деле ребенок, и я в это поверила. У меня заболели ноги; я мечтала преклонить колени. Должно быть, прошло несколько часов. Наконец пророк Джозайя произнес:

— Покорми ребенка. — Звук его голоса действовал на мужчин, как кнопка на пульте управления. В этот раз своим голосом он выключил пение. Я посмотрела на его руку, думая, что он даст мне траву.

Он дернул мою блузку.

— Покорми грудью.

Он прошептал эти слова, и я как загипнотизированная завела руки за спину и расстегнула

кружевной лифчик цвета слоновой кости. Задрала блузку и приподняла чашечки бюстгальтера. Села на землю, вытянув ноги, стиснула грудь и прижала сосок к открытому рту козы.

В тот момент я не думала об Акине, о том, что он принял бы меня за сумасшедшую, если бы это увидел. Я не думала о муми, напомнившей мне, что без ребенка в доме ее сына я на птичьих правах. Не думала даже о Фуми, которая, возможно, уже понесла. Я смотрела на сверток в своих руках и представляла личико своего ребенка, вдыхала свежий запах детской присыпки и верила.

Когда пророк Джозайя забрал у меня сверток, я ощутила пустоту.

— Ступай, — сказал он. — Даже если в этот месяц у тебя не будет мужчины, ты забеременеешь.

Я приняла его слова и сохранила в сердце. Они избавили меня от пустоты и согрели. Я спускалась с горы одна и улыбалась. Я чувствовала мокрые губы на своей груди. Сердце билось и отчаянно верило.

7

В воскресенье Йеджиде сообщила, что беременна. Разбудила меня в семь и сказала, что вчера свершилось чудо. На горе, подумать только. Чудо на горе.

Я попросил ее выключить лампу. Поутру свет резал глаза.

Тогда она еще не растеряла свое чувство юмора. Иногда могла и пошутить. Я решил, что она меня разыгрывает. Хотя, наверно, надо было догадаться, что о беременности она шутить не станет.

Она выключила лампу, и я сел. Стал ждать: мол, сейчас она скажет, что пошутила, и тогда я смогу снова лечь спать. Но она стояла возле кровати и улыбалась. А мне было не до улыбок. Она нарушила воскресное правило: я свято соблюдал воскресный отдых и по доброй воле никогда не открывал глаза раньше полудня. Она об этом знала.

— Принесу тебе кофе. — Она немного раздвинула шторы, впустив тонкий лучик солнечного света.

Когда она вышла, я встал. Пошел в ванную, включил холодную воду и пару минут подержал

голову под струей. Вернулся в спальню, не вытираясь полотенцем. Вода стекала по груди и спине. Промочила резинку на трусах.

Она уже вернулась в спальню, когда я зашел. Сидела на кровати, скрестив лодыжки. Я заметил, что она не в ночной рубашке, а в шортах и голубой футболке: видимо, давно уже встала.

Возле нее на кровати стоял поднос с двумя тарелками жареного ямса, миской рыбного рагу и двумя чашками кофе. Женщина, которая неделями жаловалась, что я ел бутерброд в кровати, сама притащила в спальню миску рагу. Надо было уже тогда догадаться: что-то не так.

Я сел на кровать и отхлебнул кофе.

— Когда проснулась?

— Акин, кажется, будет девочка.

Я не был к этому готов. Йеджиде вбила себе в голову, что забеременела, поднявшись на гору, — к такому нельзя было подготовиться. Я не знал, что ответить. Я завтракал и пристально за ней наблюдал. Слушал, что она рассказывала. Когда последний кусочек жареного ямса исчез с тарелки, мне стало ясно, что она вовсе не предполагала, что забеременела на этой чертовой горе. Она была уверена.

Я поставил поднос на столик и притянул ее

к себе.

— Слушай, — сказал я, — тебе надо отдохнуть. Побольше поспать.

— Ты мне не веришь.

— Я этого не говорил.

Она высвободилась из моих рук.

— Но ты и не сказал, что веришь; все это время ты жевал. Ты не взволнован и не рад. Ты меня не поздравил, а кофе выпил, значит, дело не в этом.

Она хотела, чтобы я ее поздравил. С тем, что она забеременела на горе.

— Акин? — Она схватила меня за руку. Ее ногти вонзились мне в ладонь. — Ты мне веришь? Скажи, веришь ли ты мне?

— Так не бывает, Йеджиде. Ты должна прекратить ходить по этим колдунам с муми. Я тебе говорил. Это лгуны, мошенники.

Она выпустила мою руку.

— Твоя мать со мной не ходила.

— Что? Теперь ты одна шастаешь по этим проходимцам?

— Ты должен поверить. — Она нахмурилась и покачала головой. — Иногда мне тебя жаль.

— Что?

— Ты ни во что не веришь.

— Что происходит? Да, я не верю, что мужчина

в зеленой накидке махнул волшебной палочкой и ты забеременела.

Она вздохнула.

— У него не было волшебной палочки, я взяла с собой… ладно, ты решишь, что все это очень странно.

— Я и так думаю, что все это очень странно. Что ты взяла с собой? Боже, не верится, что мы это обсуждаем.

— Неважно. — Она улыбнулась и положила руку на живот. — Знаешь что? Я пойду и сдам анализы, и тогда ты поверишь, что на горе произошло нечто особенное. По-моему, я правда беременна.

— Господи. — Я будто говорил с незнакомкой. — Йеджиде, послушай меня внимательно. Ты не могла забеременеть на горе. Если ты не была беременна перед тем, как взобраться на гору, ты и спустилась не беременной. — Я коснулся ее колена. — Ты меня поняла?

— Акин. Через девять месяцев ты поймешь, что они не мошенники. — Она взяла меня за подбородок и чмокнула в нос. — Вот увидишь. А теперь давай поговорим о чем-нибудь другом.

Поцелуй в нос все решил. Я понял, что надо что-то делать, иначе она совсем умом тронется. Тем

утром я решил, что пора сделать так, чтобы она забеременела. Раз и навсегда покончить с этими безумными походами к жрецам и пророкам. Но сначала я должен был убедиться, что она готова.

— В следующие выходные я, возможно, поеду в Лагос, — сказал я.

— Зачем тебе в Лагос?

— Надо встретиться с Дотуном насчет инвестиций.

— Дотун и инвестиции? Поосторожнее с братом; иногда мне кажется, от него одни неприятности.

Насчет беременности она ошибалась, но насчет Дотуна оказалась права.

8

Месячные должны были начаться через неделю после похода на гору. Они не пришли. К концу месяца чувствительность в груди усилилась настолько, что я возбуждалась, надевая лифчик. Каждое утро в семь утра меня тошнило, как по часам.

Я не сомневалась, что беременна, и считала, что тело сообщает мне все то, что скоро подтвердят анализы. Я знала, что, прежде чем ликовать и праздновать, надо сдать анализы, но с огромным волнением предвкушала, какой чудесной станет наша жизнь, когда врачи подтвердят беременность. Я не рассказывала Акину о своих симптомах, так как не хотела, чтобы он лишил меня надежды. Мы едва разговаривали. Он проводил почти все вечера в квартире, которую снял для Фуми. Я рассматривала свой живот с разных углов в зеркале ванной.

— Что ты делаешь? — спросил Акин, когда с начала беременности прошло уже несколько недель. Я не заметила, как он зашел в ванную.

— Как твоя жена? — спросила я, опуская блузку.

Он приблизился и поднял мою блузку.

— Что с тобой?

Я опустила ее.

— Почему ты решил, что со мной что-то не так?

— Волнуюсь. Почему ты…

— Говорю же. Я беременна.

Акин попятился, будто я ударила его в челюсть. И вытаращился на меня так, будто у меня рог вырос. А потом рассмеялся. Этот отрывистый смешок потом являлся мне во сне.

— Ты занималась сексом с другим мужчиной? — Смех оборвался, сменившись бульканьем в горле.

— Не понимаю, о чем ты.

Его кадык яростно перекатывался под кожей. Я даже испугалась, что кожа лопнет и забрызгает кровью белый кафель на полу.

— Ты не можешь быть беременна. Мы оба это знаем. Я не прикасался к тебе уже несколько месяцев. Разве что ты… ты… — Он разинул рот, но ничего не говорил.

Я вышла из ванной, бросилась вниз и выбежала из дома, прежде чем он успел меня догнать. Мне нужно было подышать воздухом, прочистить голову и посмотреть на луну в небе, чтобы снова

поверить.

Когда наутро я поздоровалась с мужем, он не ответил. Когда он размешивал сахар в кофе, его рука дрожала.

— Я сегодня иду в женскую консультацию, — сказала я.

Рука с чашкой застыла на полпути к губам. Он выронил чашку; коричневая жидкость пропитала белую скатерть.

— Как ты могла изменить мне, Йеджиде?

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — ответила я и откусила кусок тоста.

Он рассмеялся.

— Значит, это непорочное зачатие? И как назовем ребенка? Маленьким Сатаной? Когда ждать демона, который обо всем сообщит мне во сне?

Я бросила хлеб на тарелку.

— Ах, теперь ты заговорил? Теперь тебе есть что сказать? Кто женился на другой? Кто женился на другой и привел ее в этот самый дом, скажи мне? Отвечай! Что за изменщик это сделал?

Он провел пальцем по коричневому пятну от кофе.

— Мы же об этом говорили. Мы все решили.

Я задыхалась от ярости. Встала, потянулась через стол, заглянула ему в глаза.

— Значит так. Теперь решим по-другому. Я хочу ребенка, а поскольку ты все время торчишь у новой жены и не можешь сделать мне ребенка, я имею право обратиться за этим к любому мужчине, к какому захочу.

Он встал и схватил меня за руки чуть выше локтей. У него вздулись вены на лбу.

— Не имеешь, — процедил он.

Я рассмеялась.

— Я могу делать что захочу!

Его ногти вонзились мне в руки сквозь рукава рубашки.

— Нет, Йеджиде, не можешь.

— Могу! Могу! Могу! — Я замотала головой.

Он встряхнул меня; голова дернулась вперед, стукнули зубы. Потом он резко меня отпустил. Я рухнула на стул, ухватившись за стол для равновесия.

Он взял стоявшее на столе блюдце и высоко поднял. Я испугалась, что сейчас он разобьет его о мою голову. Но он швырнул блюдце через кухню и сдернул скатерть со стола. Тарелки, чашки, блюдца, вакуумные контейнеры — все с грохотом полетело на пол. Мой муж никогда не проявлял агрессии. Человек, поднявший стул и грохнувший им об стол так, что стул сломался,

был мне незнаком.

В больнице Уэсли Гилд пахло антисептиком. Я дважды выбегала из комнаты, где проходили курсы по подготовке к родам, и меня выворачивало на улице. Вот уж не думала, что можно радоваться рвоте. Но сейчас при виде содержимого своего желудка в сточной канаве мне хотелось окликнуть прохожих и подозвать их, чтобы посмотрели. Неспособность удерживать в себе еду, повышенная чувствительность к прикосновениям и общее недомогание — все это казалось ритуальным испытанием для перехода к материнству, обрядом инициации в статус, о котором я всегда мечтала. Я наконец стала женщиной.

Медсестра на курсах объяснила, что происходит с нашими организмами. Мы выучили песенку про кормление грудью и обсудили питание и физические упражнения.

После занятия, когда все ушли, ко мне подошла медсестра.

— Мадам, поздравляю! Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, *ма*. Ну, сами знаете, — усмехнулась я. — Меня все время тошнит, ем мало. С прошлой недели — только ананасы и бобы, представьте себе такое сочетание, сестра. Ананасы и бобы на пальмовом масле. Пытаюсь съесть что-то другое,

но больше ничего не задерживается.

— *Аби,* что поделать. С младшим ребенком я могла есть только маниоковые шарики: без рагу, без овощей, без всего. Только маниоковые шарики и воду. Представьте. Стоило попробовать что-то еще, меня рвало через нос.

Мы рассмеялись.

— И спать тяжело, могу только на одном боку, — продолжала я. — Просыпаюсь всякий раз, когда надо переворачиваться.

Медсестра уставилась на мой живот.

— Но у вас еще живот маленький. — Она нахмурилась. — На таком маленьком сроке проблем со сном быть не должно. Надеюсь, все в по…

— Со мной все в порядке. Беременность проходит нормально.

— А давно у вас это? Давно неудобно лежать на боку?

— Тетушка, не беспокойтесь. Я же сказала, все хорошо; наверно, дело во мне.

— Ха-ха. Вы назвали меня тетушкой. Вы разве меня не помните? Я хожу к вам в салон делать прическу. Раз в две недели.

— О. Да, да. — Я попыталась вспомнить ее лицо и не смогла.

— Теперь вспомнили? — спросила она.

Я улыбнулась и кивнула.

— Конечно, — ответила я, хотя совершенно ее не помнила.

— Что ж, сестра, поздравляю. Мужчины ничего не понимают, но слава богу, теперь вы сможете поставить своих врагов на место. Все винят женщин. А бывает, что и мужчины виноваты. — Она крепко меня обняла, будто мы с ней состояли в одной команде, играли против невидимого соперника и только что забили ему гол.

Когда я вернулась из больницы, у входа в салон меня поджидала Фуми. После ее прошлого визита я запретила стажеркам пускать ее внутрь. Но сегодня сама обрадовалась, что она пришла. Сегодня я была бы рада увидеть всех своих мачех, выстроившихся в ряд у входа в салон. После курсов по подготовке к родам я преисполнилась безусловной любви ко всем живым существам.

— Заходи, дорогая, — сказала я.

Я принесла ей кока-колу, но она не притронулась к ней, пока я не забрала у нее бутылку и не отхлебнула сама, подтвердив, что не подсыпала ей яду.

— Я пришла умолять тебя, — сказала она.

Но стиснутые зубы свидетельствовали о том, что она пришла драться, а не умолять.

— Наш муж сегодня поссорился со мной из-за тебя. Сказал, что больше не станет приходить ко мне из-за тебя. Прошу, разреши ему приходить; я старалась ради тебя. Старалась держаться в стороне, хотя мое место — с семьей. Прошу. — Она говорила тихо, будто не хотела, чтобы нас подслушали, но при этом достаточно громко, чтобы стажерки и клиентки услышали все. Те специально замолчали, чтобы не пропустить ни слова. В тот момент я поняла, что Фуми — опасная женщина, та, что обзовет тебя ведьмой, чтобы нарваться на драку, чтобы упечь тебя за решетку за убийство.

В тот день я была в великодушном настроении. Готова была раздавать всем шампуни бесплатно. Я наконец забеременела. Ходила на курсы по подготовке к родам, и там со мной обращались очень бережно, твердили, что я должна есть фрукты, отдыхать и заниматься спортом. Больше ничего меня не волновало. Господь проявил ко мне щедрость; теперь мне было ни к чему жадничать и не пускать к ней мужа. Да и кому нужен муж, когда скоро у меня будет ребенок, мой собственный? У мужчины может быть много жен и любовниц, а мать у ребенка одна.

— Я с ним поговорю. Вы увидитесь уже на этой

неделе, — ответила я.

Фуми разинула рот — видимо, от удивления. Она пришла драться, думала, что у нее будет материал для истории, которую потом можно будет пересказывать снова и снова в доказательство того, что я — исчадие ада. Но она не получила ничего. Стараясь не выказывать разочарования, она встала и попрощалась. Уже на пороге я ее окликнула:

— Моя дорогая, пусть ты узнаешь первой: сегодня я ходила на первое занятие курсов по подготовке к родам. Господь меня услышал.

Она резко обернулась и вытаращилась на меня. В ее глазах вспыхнуло осознание, что теперь я представляю для нее угрозу, а не наоборот. Она схватилась за лоб и, не в силах изобразить радость, вышла.

Мои стажерки обезумели, бросились обнимать меня, смеяться, петь хвалебные песни. Даже клиентки присоединились ко всеобщему ликованию. Свершилось чудо; я своим примером подтвердила, что для добрых женщин вроде меня существует справедливость. Я сидела в кресле и не поднималась; мне казалось, что я стала выше, что, если встану, пробью головой потолок.

Слухи о моей беременности распространились

быстро, как я и планировала. Тем вечером ко мне явилась свекровь в сопровождении Фуми. Последняя, видимо, решила играть роль послушной молодой жены, ведь теперь мое положение в жизни Акина укрепилось. Когда я вернулась с работы, они ждали на крыльце.

Я улыбнулась, позволила муми себя обнять и несколько раз кивнула в ответ на ее вопросы:

— Это правда? Это правда?

Фуми так широко улыбалась, что от одного только взгляда на нее у меня заболели щеки.

— Роди нам близнецов. Двух упитанных мальчиков, двух пухлых маленьких мальчиков! Я знаю, так и будет, — заявила муми, войдя в дом и сев на стул с мягкой обивкой.

— Я рожу вам шестерню, если захотите, — ответила я.

— Начнем с малого — сначала близнецов, роди сначала двух мальчиков. А дальше твори любые чудеса.

— Чем вас угостить? — спросила я.

Муми покачала головой:

— Не сегодня. Ради таких новостей я готова несколько дней голодать. Вдобавок не хочу, чтобы ты лишний раз вставала. Ты должна отдыхать; не наклоняйся, не подметай, не поднимай

тяжесть. Не утруждай себя готовкой. Толченый ямс больше не готовь. Может, пригласить тебе помощницу по дому?

— Мне не нужна помощница, — ответила я. — Я справлюсь…

— Я могу приходить и помогать, — предложила Фуми.

— Что?

— Не надо никого нанимать. Я могу переехать к вам и помогать по дому. — Она улыбнулась. — Тебе нужно больше отдыхать.

— Она права, — ответила муми. — Думаю, так и надо сделать.

— Если ты не против, *ма*. — Фуми наклонилась ко мне. — Ты же не против?

Меня снова одурачили. Я почему-то решила, что эти двое пришли в мой дом, не продумав все заранее. Да, из-за беременности я один раз согласилась впустить Фуми в салон, но вовсе не собиралась впускать ее в свой дом! Я знала, что если она переедет под предлогом помощи, то мне уже никогда не удастся ее отсюда выгнать.

Я не знала, как отказать Фуми. Что бы я ни сказала, муми решила бы, что я проявляю неуважение. А я вопреки всему хотела, чтобы семья Акина меня любила. Я не хотела, чтобы мой ре-

бенок рос в семье, где его мать ненавидели, как было со мной. Меня должны любить, и, если я умру, эта любовь побудит оставшихся в живых заботиться о моем ребенке. Я собиралась стать матерью. Ставки удвоились; я должна была казаться спокойной и покорной, хоть и не была такой на самом деле. От этого зависела судьба моего нерожденного ребенка.

И я ответила, что спрошу Акина; ответила с улыбкой, хотя внутри кипела. Муми улыбнулась с удовлетворением, Фуми — предвкушая победу. А у меня от улыбки лицо заболело; я не могла дождаться их ухода, чтобы можно было наконец перестать. Если бы в тот момент кто-то нас сфотографировал, картинка получилась бы идеальная: все три женщины лучезарно улыбались.

9

Все началось с ультразвука. Аппарат показал, что никакого ребенка нет.

Первое УЗИ делала доктор Уче. Ее маленькие глазки слезились, но слезы не падали, а скапливались стоячей лужей. С блестящими от слез глазами она сообщила новость.

— Миссис Аджайи, вы не беременны.

— Я слышала вас в первый раз и во второй тоже, — ответила я.

Она так и продолжала смотреть на меня блестящими глазами, будто ждала моей реакции. Может, думала, что я заплачу? Закричу? Прыгну на стол и начну танцевать?

Она наклонилась ко мне.

— Когда вы забеременели?

— Вы же сказали, я не беременна.

Доктор Уче осторожно улыбнулась. Эта улыбка была мне знакома: я видела ее у отца. Едва заметная улыбка, готовая в любой момент смениться криком о помощи. Он улыбался так третьей жене, которая однажды пошла на рынок голой. Той, что говорила с невидимыми собеседниками.

— А можно мне результаты исследования? —

спросила я.

— Я хотела бы обсудить с вами эту беременность, — ответила она.

Видимо, решила, что я сошла с ума.

— Вы знаете «Косички и кудри»? — спросила я.

Она кивнула.

— А банк «Капитал»?

— Да, у меня там счет.

— Я хозяйка «Косичек и кудрей», а мой муж — управляющий банка «Капитал». У меня диплом Университета Ифе. Я не психичка с улицы. Зачем обсуждать беременность, если я не беременна, вы же сами только что сказали?

Доктор Уче прижала ко лбу ладонь.

— Мадам, простите, если вас обидел мой тон. Я просто беспокоюсь о вашем здоровье. Психическом здоровье.

Она произнесла «психическое здоровье» таким тихим шепотом, будто боялась сама себя услышать. Я задумалась, а сама-то она нормальная?

— Доктор, со мной все хорошо. Просто отдайте результаты. У вас там очередь.

Она протянула мне протокол.

— Это не редкость, такая… беременность. Такое случается с людьми, которые не могут… не могут иметь детей. Симптомы беременности есть, а

ребенка нет. Мы обе видим, что вы не беременны, так? Предлагаю еще раз сходить к гинекологу. В вашей карте указано, что вы сдавали анализы несколько раз, но, может, стоит их повторить?

— Я подумаю.

Я вышла в коридор, положив руку на слегка увеличившийся живот. Сомнения Акина и слова доктора Уче меня ничуть не убедили. Я парила, как воздушный шарик, полный надежды, и не сомневалась, что мой чудо-ребенок внутри. Казалось, вот-вот и я взлечу над коридорами больницы Уэсли Гилд.

Акин рассмеялся, когда я сказала, что Фуми хочет переехать к нам на время моей беременности. Мы готовились спать; я переоделась в белую ночную рубашку. Он все еще снимал офисную одежду.

— Эта девчонка? И что с беременностью? В больнице подтвердили? — Он с силой дернул ремень; тот щелкнул о кровать, как кнут.

— Я была у врача, но она ничего не понимает. Ей нужны очки — она не видит ребенка на УЗИ, а? Ребенка, который уже начал толкаться!

— Толкаться?

— Ну да, вот только что толкнулся. И хватит качать головой. Хотя нет, качай сколько влезет;

качай, пока она не отвалится. — Я залезла под простыню. — Когда я возьму ребенка на руки, тебе будет стыдно — тебе и всем, кто считал меня бесплодной. Даже эта дура врач сгорит со стыда.

— Ты в курсе, что со стороны кажется, будто ты спятила?

— О чем ты говоришь? — Я обхватила живот и стала ждать ответа.

Он разделся до трусов и лег рядом.

— Йеджиде, пожалуйста, убавь свет.

— Что ты до этого сказал?

Он перекатился на живот и отвернулся.

— Акин? Ты считаешь, я спятила?

— Ты не беременна, а Фуми не переедет. Можно мне теперь поспать? — Он натянул покрывало на голову.

Его слова расползлись по комнате и затаились, как муравьи-солдаты, а под утро, когда я проснулась и захотела в туалет в десятый раз за ночь, без предупреждения ужалили. Я села на кровати и глотнула воды из почти пустой бутылки, которая теперь всегда стояла у меня на прикроватном столике. Прокрутила в голове его слова. У меня возникли вопросы.

Я была на четвертом месяце беременности; живот рос день ото дня, но муж предпочитал

верить некомпетентному врачу и повторял, что я спятила. Он что же, ослеп? Не видел мой живот и опухшее лицо? Даже незнакомые люди их замечали. Повсюду меня приветствовали словами *«лоджо икунле а гбохун ийя а гбохун омо о»* — «да будет слышен голос матери и ребенка, когда ты родишь». Незнакомые люди желали мне добра, молились, чтобы мы с ребенком пережили роды. Мне уступали место в набитом такси; мне больше не приходилось стоять в очереди в банк, меня всегда пропускали вперед. Неужели Акин считал, что я ненормальная, что я подхожу к прохожим на улице и говорю, что беременна? Со дня нашей свадьбы я ни разу не говорила ему, что беременна, так почему ему было трудно мне поверить теперь?

Я лежала в кровати, сложив руки на животе. В голове ощущалось напряжение; начиналась мигрень. Акин пошевелился и потянулся во сне. Я смотрела на его чисто выбритый подбородок; мне хотелось его погладить, и я сжала кулак, борясь с искушением. Я все еще смотрела на него, когда он открыл глаза.

Он потер глаза руками.

— Ты не спала?

— Почему ты меня так ненавидишь?

Он почесал затылок.

— Ну вот опять. Поспи, Йеджиде.

— Если я сдам анализ и выяснится, что я беременна, ты мне поверишь? — Я попыталась дотянуться до его лица в рассветной дымке. И не смогла.

— Йеджиде, тебе надо выспаться. Еще рано.

Я обустроила детскую в пустой комнате рядом с кухней. Создала особое пространство, где могла быть со своим ребенком, где нам никто бы не помешал. Вообще-то я не планировала обустраивать детскую; я сделала это, потому что Акин перестал со мной разговаривать. Он больше не ходил к Фуми по вечерам, а садился в гостиной, смотрел вечерние новости, читал газеты, но обычно просто сидел молча и не говорил со мной, даже если я сидела рядом. На все вопросы отвечал хмыканьем, в ответ на оскорбления молчал.

Я перестала провоцировать его и убеждать со мной поговорить и начала проводить вечера в свободной комнате, а не в гостиной. Разложила на полу игрушки, купленные для ребенка, поставила мягкое кресло, брала себе газеты, чтобы было что почитать, дожидаясь, когда зазвонит кухонный таймер. В этой комнате в окружении плюшевых мишек и ярких погремушек я читала

о военных, которых обвиняли в планировании вооруженного переворота. Меня привлекло описание одного из них, подполковника Кристиана Оче, собиравшегося защищать диссертацию в Университете Джорджтауна в США, когда его вызвали в Генштаб. Я задумалась, как сложилась бы его жизнь, если бы он остался и защитил свою диссертацию. Возможно, сейчас он читал бы о событиях на родине в нижнем правом углу страницы какой-нибудь американской газеты. А еще мне стало любопытно, испытывал ли он обессиливающую грусть, садясь в самолет до Лагоса; думаю, да, но он ее проигнорировал, и вскоре она сменилась радостным волнением от возвращения домой.

В заметке также говорилось о человеке, чья судьба занимала всю страну, — генерал-лейтенанте Маммане Ватсе, действующем министре, лауреате поэтических премий и близком друге главы государства. Ватса и Бабангида были друзьями детства, в средней школе учились в одном классе, их призвали в армию в один день, а во время гражданской войны они командовали соседними батальонами. Бабангида был шафером на свадьбе Ватсы.

В то время я чаще всего сидела в детской, но

в день, когда прочитала, что Ватсу, Оче и еще одиннадцать человек приговорили к смертной казни, села с Акином в гостиной и попыталась обсудить события. Но Акин переводил разговор на мой округлившийся живот, поэтому я пошла в детскую и не стала спрашивать его мнения насчет встречи Воле Шойинки, Чинуа Ачебе и Джона Пеппера Кларка[16] с Бабангидой. Мне казалось вполне логичным, что писатели подали апелляцию, ведь никакой попытки переворота не было — Ватсу и прочих судили за намерения. На следующий день, узнав о казни десятерых военных, включая Ватсу и Оче, я заплакала. Ватса до самого конца не признавал свою вину, но лишь много лет спустя нигерийские военные поставят под сомнение улики, которые привели к вынесению смертного приговора. Тогда Нигерия все еще была очарована Бабангидой и, как невеста в медовый месяц, не задавала каверзных вопросов.

Когда министр обороны объявил о казнях, я не пошла в гостиную, но слышала его заявление: Акин увеличил громкость. Мне хотелось подой-

[16] Примечания: 16

Воле Шойинка (род. 1934) — нигерийский драматург, писатель и поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе; Чинуа Ачебе (1930–2013) — нигерийский писатель, известен романом «Распад» (Things Fall Apart), получившим Букеровскую премию; Джон Пеппер Кларк (1935–2020) — нигерийский поэт, драматург, публицист.

ти, пусть даже не разговаривать, а просто сесть рядом и чтобы он взял меня за руку. Но я боялась, что он молча уставится на мой живот с видом человека, увидевшего лужу рвоты.

В конце концов ледяное молчание Акина сменилось редкими теплыми словами. Несколько раз он даже заходил в детскую. Его слова занимали в комнате слишком много места, и мне становилось трудно дышать. С тех пор как я сказала, что беременна, он ни разу не спрашивал о ребенке, но в детской хотел говорить только об этом. Он пытался меня образумить, но облекал свои проповеди в форму вопросов, и вскоре я перестала на них отвечать. Пару раз он спросил, считала ли я своего ребенка спасителем; являлся ли мне этот ребенок в видениях; просил описать ангелов, которые мне являлись, хотя я в жизни не видела ангела, ни одного. Как-то вечером он спросил, считаю ли я, что мой ребенок будет обладать суперсилой, и тогда я решила: с меня хватит. Наутро я пошла в салон и сообщила стажеркам, что меня не будет до завтра, а потом отправилась в учебную больницу в Ифе.

Когда я приехала, в больнице не было электричества. Медбрат записал меня на прием и сказал, что генератор включат только в два часа,

а поскольку до меня еще очередь, врач сможет принять меня не раньше трех. Было одиннадцать. Я решила пойти на рынок и купить кое-что для салона — обычные шампуни и лосьоны для фиксации, которыми мы пользовались. Потом зашла в сувенирный магазин и купила деревянную вазу, подумав, что та будет хорошо смотреться в детской.

Я уже выходила с рынка, когда кто-то схватил меня за руку. Я обернулась — это была Ийя Тунде, четвертая жена отца. Мы не виделись с отцовских похорон.

— Йеджиде, это ты? Я тебя издалека заметила и решила: нет, не может быть, что это Йеджиде, Йеджиде не ушла бы с рынка, не заглянув в мой ларек. Значит, так теперь принято? Дочь приходит на рынок и не заглядывает к матери? — запричитала Ийя Тунде.

— Добрый день, Ийя Тунде. — Я не удержалась и напомнила, что она — Ийя Тунде, а не моя мать. — Как торговля?

— Молимся Господу и надеемся на хороший день. И благодарим Господа, что не голодаем.

После свадьбы с отцом Ийя Тунде несколько месяцев торговала фруктами в маленьком сарайчике за домом. Потом она забеременела, и

отец велел ей торговать в ларьке, который построил на рынке для Ийи Марты; мол, негоже беременной женщине сидеть на солнце без тени и тесниться в маленьком сарае. Он пообещал Ийе Марте, что построит ей новый ларек. Не знаю, как ей это удалось, но к концу года Ийя Тунде захватила ларек, а Ийя Марта со своим товаром переместилась в сарайчик. Ей отдельный ларек отец так и не построил.

— Передай всем привет, — сказала я. — Мне пора.

— Погоди, погоди, дай порадоваться за тебя! Вижу, ты теперь не одна, вас двое! Ты же беременна!

— Хвала Господу нашему.

— Видать, твоя матушка в раю не ленилась, а молилась за тебя! Значит, она хорошая мать, хоть и без роду без племени — по крайней мере, мы не знали никого из ее предков. — Ийя Тунде не могла не уколоть меня на прощание. Отец говорил, что мать была из фулани, кочевников, и, когда забеременела, отказалась кочевать со своим народом. Но мачехи, видимо, собирались до гроба называть ее женщиной «без роду без племени».

— Мне пора.

— Заходи к нам иногда, а то забудем, как ты

выглядишь. Это же дом твоего отца.

Всякий раз, когда отец брал новую жену, он говорил нам, детям: семья — люди, которые станут искать вас, если вас украдут. И добавлял, что готовит собственную армию на случай, если нас украдут. Это было совсем не смешно; никто, кроме меня, и не смеялся. Я смеялась над всеми его шутками. Кажется, он верил в миф о большой и дружной семье. Думал, что после его смерти я стану навещать мачех.

— До свидания, Ийя Тунде.

— До свидания. Передавай привет мужу.

Полиэтиленовые пакеты в моих руках вдруг потяжелели. Я села в автобус и с благодарностью кивнула кондуктору, который помог их занести. Я оставила машину у больницы, чтобы лишний раз не напрягать старый двигатель. Отгоняя мысли о своем одиноком детстве, я потерла живот и успокоилась. Бояться было нечего. Даже если Фуми заберет у меня Акина, скоро у меня будет свой человек, моя собственная семья.

Я вернулась в больницу вовремя.

После УЗИ доктор Джунаид кашлянул.

— Давно вы беременны?

— Шесть месяцев.

— А когда в последний раз делали УЗИ? — Он

написал что-то в открытой папке, лежавшей перед ним на столе.

— В три месяца, то есть три месяца назад. УЗИ проводила молодая врач, неопытная — думаю, поэтому она и ошиблась.

Он перестал записывать и взглянул на меня.

— Хм. Думаете, она ошиблась?

— Затем я и пришла. Подтвердить. Она сказала, что никакого ребенка нет. — Я похлопала по круглому животу. — Но вы же сами видите, и клянусь, я не от голода вспухла.

Я рассмеялась. Но доктор Джунаид не смеялся.

— Вы ходили к специалистам по бесплодию? До того, как… до того, как решили, что беременны? Вы сдавали анализы?

— Да, конечно. Я ходила к врачу в Илеше и сдавала анализы. Сказали, все со мной в порядке.

— А муж? Он ходил к врачу?

— Да.

Однажды мы вместе ходили в больницу. Акин сам отвечал почти на все вопросы. Когда врачи поинтересовались нашей половой жизнью, Акин взял меня за руку, погладил по большому пальцу и сказал: «С нашей половой жизнью все в полном порядке».

Доктор Джунаид захлопнул папку и наклонил-

ся ко мне чуть ближе.

— Значит, ваш муж тоже сдавал анализы? И что они показали?

— Сдавал, — ответила я. — Доктор, послушайте, как там малыш?

— Мадам, — он побарабанил пальцами по столу, — нет никакого малыша.

Я трижды хлопнула в ладоши и рассмеялась.

— Доктор, вы слепой? Не хочу вас обижать, но вы не видите?

— Позвольте объяснить. Такое случается. Иногда женщинам кажется, что они беременны, но это не так.

— Да вы себя послушайте. Это вам *кажется*, что я не беременна. Но я точно *знаю*, что беременна. У меня уже полгода не было месячных. Вы сами видите мой живот. Я даже чувствую, как ребенок толкается! Мне не кажется, что я беременна, доктор; я на самом деле беременна. Вы что, не видите? Я беременна!

— Мадам, успокойтесь, прошу.

— Я ухожу. То ли с вами что-то не так, то ли с вашим аппаратом.

Я вышла, хлопнув дверью.

На одиннадцатом месяце беременности я решила снова подняться на Победоносную Гору. Я

пошла туда, когда Акин с коллегами уехали на совещание в Лагос на служебной машине. Я взяла его машину и доехала до пустыря у подножия горы. Внизу, в тени миндального дерева, стоял всего один автомобиль, «вольво». Я узнала номерной знак миссис Адеолу.

Я поднялась на гору. Вокруг царила тишина. Подъем занял два часа; я время от времени останавливалась, садилась на камни и пила воду из бутылки, которую прихватила с собой. Солнце пекло нещадно. Пот градом катился по спине и затекал в щелочку между ягодиц. Я оттянула ворот платья и стала обмахиваться им как веером, чтобы хоть немного охладиться.

На вершине никого не оказалось. Я немного побродила и нашла деревянную табличку с нацарапанной надписью: «Пророк Джозайя уехал в путешествие. Возвращайтесь за чудесами через месяц». Не повезло пророку, подумала я, ощупав толстую пачку банкнот в кармане. Я хотела дать ему денег. В первый раз он денег не просил, но я решила, что нелишне будет сделать ему подарок. Моя бутылка опустела, в горле пересохло и в глазах потемнело. Я испугалась, что на обратном пути упаду в обморок, и обошла вершину кругом, надеясь найти забытую кем-нибудь бутылку

воды и молясь, чтобы та не оказалась заражена холерой. Тогда-то я и увидела сарай — четыре деревянных столбика, образующих неровный прямоугольник, с навесом из пальмовых веток.

Под навесом пророк Джозайя и миссис Адеолу занимались сексом. Я видела ее лицо: ее глаза были закрыты, вероятно, от наслаждения. Пророк был в своем колпаке, который грозил свалиться; накидка задралась до пояса, голый зад ходил туда-сюда. Его тощие ноги напоминали палочки.

Я ушла прежде, чем они меня увидели, и следующие два месяца просидела дома в ожидании родов. Перестала ходить в салон, а когда старшая стажерка приходила отчитываться о дневной выручке, отправляла к ней Акина. Я не готовила и не убиралась. Акин покупал еду у уличных торговцев, сидел со мной в детской и следил, чтобы я ела. Он покупал газеты, но я их не читала. Однажды утром я сказала, что берегу силы: когда ребенок захочет появиться на свет, я смогу тужиться. Он не стал говорить, что нет никакого ребенка, не стал спрашивать, почему я не родила после девяти месяцев беременности. Он лишь поцеловал меня в подбородок и ушел на работу, а вечером вернулся и сказал, что, если я хочу быть сильной и родить здорового ребенка, мне нельзя

все время сидеть дома. Он не упоминал о психиатрах, его слова не были похожи на шутку, он не высмеивал свою сумасшедшую жену. Он говорил со мной так, как я хотела, — как счастливый будущий отец. Я послушалась и на следующий день пошла на работу.

Как-то раз в субботу вечером я открыла дверь своего дома и обнаружила на пороге Фуми в окружении сумок и коробок. Таксист высадил ее и уехал, подняв облако пыли.

— Отойди, дай пройти, — велела она.

Я встала у двери, как охранник, а она зашла и по очереди затащила свое барахло. Ее сумки и коробки заполонили всю гостиную. На ней было темно-синее бубу[17], голову она обвязала шарфом того же цвета. Светлая кожа сияла в солнечном свете, струившемся в дверной проем.

— Где моя комната? — спросила она, затащив все сумки.

— В этом доме? Ты бредишь?

— Послушай, женщина, я пыталась с тобой поладить. Но с меня хватит. Это дом моего мужа. С какой стати я не могу жить в доме своего мужа? — Она размотала шарф и обвязала его вокруг

---

[17] Примечания: 17
Нигерийское платье с широкими рукавами.

талии. — С какой стати? Ты, ведьма, я просила тебя подвинуться, чтобы нам обеим хватило места сесть. Но если продолжишь в том же духе, я столкну тебя с кресла.

— Не я же на тебе женилась. Твоего так называемого мужа нет дома. Вот вернется и задашь ему свои глупые вопросы. — Я указала на дверь. — А сейчас выметайся из моего дома.

— Знаешь что? Я вижу, что ты шевелишь губами, но не слышу ни одного слова! И я уйду из этого дома, когда увижу одну вещь!

— Выметайся, я сказала! — Я кричала и с каждым словом хлопала по бедру.

— Я уйду, если ты поднимешь блузку и покажешь свой живот! Ты беременна уже больше года! Покажи живот, а то в городе говорят, что ты носишь под платьем тыкву-горлянку! Да-да, тебя раскрыли. — Она рассмеялась. — Но ты можешь доказать, что злые языки клевещут зря. Покажи живот, чтобы я увидела его своими глазами, и я оставлю тебя в покое. Богом клянусь.

Я подперла рукой подбородок и положила другую руку на свой огромный живот.

— Чего молчишь?

А что я могла сказать? Что я беременна на самом деле? Что у меня до сих пор не было месячных и,

подними я блузку, из-под нее не выпала бы тыква-горлянка или подушка. Фуми увидела бы мой круглый живот с натянутой кожей, крест-накрест покрытой растяжками. Я могла бы сказать, что не беременна, что на УЗИ ничего не видно, хотя ребенок толкается каждую ночь, не давая мне спать. Что мои стажерки решили, что я сошла с ума, а последний врач, у которого я побывала, направил меня к психиатру.

Но я не могла ей это сказать; я могла сказать лишь одно. То, чего она совсем не ожидала. Я закрыла дверь и повернулась к ней:

— Пойдем. Я покажу тебе твою комнату.

Я отвела ее в детскую.

Я не была дурой и понимала, что рано или поздно муми заявится и проверит, живет ли Фуми с нами. Если бы я начала с ней конфликтовать, стало бы только хуже. Муми попросила бы меня уйти, и, хотя Акин все время твердил, что любит меня, я больше ему не верила. Но мне хотелось ему верить. У меня не было ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер. Акин был единственным, кто стал бы меня искать, если бы меня украли.

Сейчас я понимаю, что именно поэтому смирилась со всеми последующими унижениями: мне нужен был кто-то, кто заметил бы мое отсутствие,

если бы я вдруг пропала.

Часть II

10

Илеша,

декабрь 2008 года

Я копаю отцовскую могилу. Вообще-то я не должен этого делать, но зять переоценил свои силы и не справился, хотя обещал. Первенцу положено копнуть первый раз и последний. Остальное делает зять, а если не может, нанимает рабочих. Я-то думал, Генри позовет могильщика; сейчас все так поступают.

Помнишь, Йеджиде, много лет назад я говорил, что эта традиция скоро отомрет? После смерти твоего отца, когда твои близкие готовились к похоронам, ты сказала, что я должен копать могилу, хотя тогда мы еще не были женаты. Твои мачехи не позволили, а ты плакала, пока белки твоих глаз не покраснели. Я пытался тебя утешить, говорил, что это неважно, ведь через несколько лет все станут нанимать рабочих и никто уже не будет копать сам. Не знаю, слышала ли ты меня тогда: ты плакала, пока не уснула.

Тогда мне было стыдно признаваться, но я во-

все не хотел копать могилу твоему отцу. Я верил в призраков и боялся кладбищ. Но если бы твои мачехи согласились и позволили мне копать, я бы это сделал, лишь бы ты была довольна. Что бы ты ни думала обо мне сейчас, знай: я готов на все, лишь бы ты была довольна. Теперь я уже не верю в призраков, ведь если бы они существовали, я не знал бы покоя. Теперь я стою по пояс в вырытой яме и помогаю Генри, чтобы успеть до поминок.

Генри, кажется, согласился копать могилу, чтобы выслужиться перед моими родителями. Три года они не соглашались отдать ему в жены единственную дочь, потому что он не йоруба. Они были непреклонны, пока сестра не забеременела от Генри, положив конец спорам. Родители, клявшиеся, что скорее умрут, чем разрешат ему жениться на их дочери, сами предложили выбрать любую дату свадьбы, и как можно скорее, до того, как живот станет заметен. Генри выучил язык йоруба и знает о наших традициях больше, чем я. И вот мы молча обливаемся потом под палящим солнцем, потому что Генри хочет доказать моим родителям, что достоин их дочери. Он заявил, что «сделает все как положено», но, судя по его тяжелому дыханию, задумал прыгнуть выше головы.

Солнце палит так нещадно, будто за спиной у меня печь. Руки болят всякий раз, когда я поднимаю лопату, но я продолжаю. Работая, я думаю о Дотуне и впервые за эти годы скучаю по нему. Будь он рядом, нарушил бы наше молчание и развеселил нас с Генри. Он звонил мне утром около семи. Не представился, да в этом и не было необходимости. «Доброе утро, брат Акин», — сказал он, и я сразу узнал его голос. Он звонил из отеля возле аэропорта; он получил мое письмо с сообщением о похоронах и в полдень должен был выехать из Лагоса, чтобы успеть в Илешу к бдению. Наш первый разговор за десять лет длился меньше минуты. Повесив трубку, я не разозлился, хотя думал, что разозлюсь. Вместо этого у меня возникло внезапное желание лечь спать и проспать целый день. Звонок Дотуна заставил меня засомневаться, приедешь ли ты. Придешь ли на бдение? Согласишься ли сидеть рядом со мной и петь псалмы?

Чем глубже, тем тверже земля. Продолговатая яма в земле не похожа на могилу. Я покашливаю.

— Думаю, надо позвать рабочих, чтобы закончили.

Генри улыбается и садится в яме, привалив-

шись спиной к земляной стенке. Кажется, он с утра ждал, чтобы я это предложил. Он хмурится.

— Аринола…

Я жду, что он договорит, но он молчит. Я смотрю в его хмурое лицо и пытаюсь понять, что значит его молчание.

— Не хочешь, чтобы я рассказал ей, как мы все бросили?

— Она так расчувствовалась, когда я сказал, что буду рыть могилу.

— Ладно, скажем, что ты сам ее вырыл. — Это в некотором роде действительно так. С натяжкой, но так. А без этих натяжек от любви бы ничего не осталось. Кто полюбил бы нас, если бы мы не притворялись лучшей версией себя и не делали вид, что другой, худшей версии не существует?

Тими говорит, что муми отказалась спускаться на бдение. Я не понимаю почему, а потом до меня доходит, что мать, вообще-то, может горевать из-за смерти отца. Но это смешно. Поднимаясь по лестнице и перепрыгивая через две ступеньки, я осознаю, что причина в другом. Кажется, они никогда даже не любили друг друга. Терпели до тех пор, пока мы с братьями и сестрами не уехали из дома. Потом у муми кончилось терпение, и она начала вымещать на отце давно копивший-

ся гнев и обиды. Отец не сопротивлялся: у него было еще четыре молодых жены, а после них не оставалось сил. Думаю, сейчас, после его смерти, муми должно быть немного грустно, но вместе с тем она наверняка торжествует, ведь она его пережила. Наверху я сворачиваю налево и оказываюсь в гостиной муми. Дверь в ее спальню распахнута. Она сидит на кровати, скрестив руки на груди, вся в белом, как положено вдове.

— Муми, Тими говорит, ты не хочешь спускаться, почему?

Она вздыхает:

— Акинйеле.

Раз она назвала меня полным именем, хорошего не жди. Я подхожу к ней, сажусь в кресло и жду, что она скажет.

— Правда всегда нагонит ложь, даже через двадцать лет, даже через сто. — Она поднимает правую руку, вытягивает указательный палец и тычет им в потолок. — Сегодня правда настигла тебя, Акин. Я знаю, что ты наврал насчет Дотуна. Разве ты не говорил, что он звонил утром? Он должен был уже приехать. И где он? Где мой сын, Акинйеле?

Я тянусь к карману брюк, достаю телефон и набираю номер, с которого Дотун утром звонил.

Прикладываю телефон к уху: «Номер недоступен. Пожалуйста, перезвоните позже».

— Вот видишь, мама, я ему звоню. Номер недоступен.

— Хватит меня обманывать. Думаешь, у меня нервный срыв случится, если я узнаю правду? Даже если правда меня убьет, я уже старая, мне не жалко умереть.

— Мама, ты должна мне верить. — Мне надоело убеждать ее, что я не вру, мне просто хочется, чтобы Дотун наконец приехал, а она перестала тревожиться.

— Хотя меня скорее убьет осознание, что вы с братом так и не помирились после той ссоры и Дотун умрет, так тебя и не простив! — вздохнула она. — Надо было вас вразумить, но нет, вы так и не сказали, из-за чего поссорились.

— Мы уже давно помирились. Еще до его отъезда.

На самом деле это Дотун должен просить у меня прощения, а не наоборот. Но он, кажется, до сих пор придерживается противоположного мнения. Если я перед кем и виноват, так это перед тобой, Йеджиде. Впрочем, увидев первые слезы, выступившие на глазах матери после смерти мужа, я забываю о наших с Дотуном разногласиях и пере-

стаю думать, кто из нас должен кого простить. Эти слезы не имеют отношения к моему отцу — мама плачет из-за Дотуна, своего ненаглядного сына.

— Как можно утверждать, что мой сын жив, раз он даже не приехал на похороны родного отца? Акин, ты меня обманываешь; теперь я уверена, что ты обманывал меня все это время. — Голос муми дрожит, но она не всхлипывает, просто слезы льются из глаз.

— Прошу, муми, вытри слезы. Давай спустимся, все ждут тебя, чтобы начать бдение. Уже четыре часа, все сидят внизу. Дотун скоро приедет.

— Если ты не приведешь его ко мне, я не спущусь. — Она снимает шарф, складывает его квадратиком и кладет на прикроватный столик.

— Муми, ты зря расстраиваешься. Он скоро приедет.

Она ложится на кровать и отворачивается к стене.

Опоздание Дотуна наводит меня на мысль, что он ничуть не изменился с тех пор, как уехал из страны, ничего никому не сказав. Мой брат вполне мог явиться уже после поминок, не извиниться, а пошутить, ожидая, что всем будет смешно.

— Муми, пожалуйста, не плачь. Дотун не

умер. — Я смотрю на часы. Без пяти четыре. — Муми, надеюсь, ты меня слышишь. Если к пяти Дотун не приедет, начнем бдение без него.

— И без меня?

— Я попрошу священника отложить церемонию на час. Больше часа он ждать не станет, *ма*.

— Без меня он не начнет.

— Я попрошу Тими зайти и позвать тебя без пяти пять. — Я встаю. — Не тревожься, муми.

Я спускаюсь и выхожу во двор, где расставили навесы. Кланяюсь, приветствуя знакомых, проталкиваясь сквозь шумную толпу в первый ряд и повсюду высматриваю тебя.

Добравшись до первого ряда, говорю со священником, затем шепотом сообщаю мачехам, что бдение начнется в пять. Ухожу, не объяснив, почему муми не спускается. Мне нужна тишина, я собираюсь позвонить могильщику и подтвердить, что могила готова.

Я выхожу из-под навеса и вижу, что позади него останавливается желто-черное лагосское такси. На заднем сиденье Дотун; он приехал один. Он выходит из машины, осматривается и замечает меня. У него тоже лысина, лицо постарело с нашей последней встречи.

Я стою и смотрю на него, сунув руки в карманы

брюк. Он немного постоял у машины, а теперь идет мне навстречу, и впервые за десять с лишним лет мы с братом оказываемся лицом к лицу.

Я думаю, что делать и что сказать. Но он меня опережает, встает на колени и касается лбом красного песка. А поднявшись, произносит два слова:

— Брат мой.

Не знаю, кто первый протягивает руки, но это неважно; вскоре мы обнимаемся и смеемся. Кажется, он плачет.

Йеджиде, надеюсь, когда ты приедешь, мы так же будем обниматься и смеяться. *Если* приедешь.

11

Однажды я вернулся из Лагоса и обнаружил за обеденным столом Фуми. Та сидела и ела рис вилкой. Когда я вошел, она перестала есть и с улыбкой подошла ко мне, обняла за шею и поцеловала в подбородок. От нее пахло чесноком.

— Добро пожаловать, мой муж. — Она взяла мой портфель. — Как съездил?

— Хорошо, — ответил я. Тогда я не насторожился. Решил, что она просто зашла в гости. — Йеджиде наверху? — спросил я.

Фуми налила мне стакан холодной воды, надула губы, вздохнула и потянула меня в гостиную.

— В Лагосе, наверно, пробки, как обычно, *аби*?

— Да нет.

Мы сидели молча. Я пил воду.

Фуми часто пыталась со мной разговаривать, но с этим были проблемы. У нас с ней не было ничего общего, кроме того, что мы были мужем и женой. Оставаясь с ней, я почти всегда молчал.

— Принести тебе поесть? — спросила она.

— Нет, спасибо.

— Я приготовила жареный рис, но, если хочешь что-то другое, я могу сделать… Хочешь толченого

ямса?

Ей, видно, сказали, что, если как следует меня кормить, мои чувства к ней изменятся. Она постоянно предлагала мне то еду, то воду.

— Перед отъездом из Лагоса я обедал у Дотуна. Еще не успел проголодаться.

— О. Ну хорошо. Тогда потом, *аби*?

Я кивнул, поставил пустую чашку на табурет и хотел встать. Фуми положила мне ладонь на колено.

— Хочу тебя кое о чем попросить, — сказала она.

— В чем дело?

— Дорогой, я хочу, чтобы ты провел со мной ночь.

Когда она называла меня «дорогой», это всегда звучало как-то странно. Она не хотела так меня называть и сама не верила, что я ее «дорогой». Но повторяла, будто думала, что, если много раз что-то сказать, это сбудется. Я даже думал попросить ее не называть меня так, но не хотел, чтобы она обиделась.

— Фуми, ты знаешь, что я могу приходить к тебе в квартиру только по выходным.

— Нет, дорогой. Теперь я живу здесь.

— Что?

— Я переехала. Два дня назад. Тетя Йеджиде показала мне мою комнату. Она совсем не против; она даже обрадовалась.

Моим первым побуждением было сказать Фуми, чтобы собирала вещи и немедленно уезжала. Я знал, что у меня не получится найти компромисс в отношениях, если Йеджиде и Фуми станут жить под одной крышей, что напряжение окажется слишком сильным и что-то обязательно случится. Но я отбросил это побуждение, потому что знал, что Фуми догадывается о моих намерениях, и, если бы я попросил ее уехать, начался бы скандал. Теперь надо было дождаться нужного момента, чтобы выставить ее из дома.

— Мой дорогой, — сказала Фуми, взяв меня за подбородок, — ты злишься, что я не спросила твоего разрешения, прежде чем переехать? — Она опустилась на колени. — Прошу, не сердись.

— Я не сержусь. Все в порядке, встань. Это ни к чему.

Она улыбнулась и прижалась головой к моим коленям. Я решил поймать нужный момент и выставить ее. И не только из дома, но и из своей жизни. Я совершил ужасную ошибку, женившись на ней. Она принялась снимать с меня туфли, и тогда я понял, что должен как можно скорее

решить это уравнение.

Я не сомневался, что идеальный момент для развода с Фуми не заставит себя ждать. Однажды мне уже выпал идеальный момент — когда я женился на Йеджиде. В 1981 году убили студента Университета Ифе Буколу Арогундаде. Тогда протесты в университетах еще не были обязательными и «парни из профсоюза» — так их называли — не приходили и не гнали первокурсников на демонстрации. Протест 1981 года с требованием справедливости для Арогундаде был стихийным: его вызвала коллективная ярость, кипевшая в нашей крови, безмолвная уверенность, что, если мы пойдем ко дворцу и будем громко кричать, кто-нибудь да обратит на нас внимание.

Тогда я ухаживал за Йеджиде и каждый день после работы ездил в Ифе, просто чтобы надышаться ее запахом. В тот день ее слова меня околдовали и заразили горячечным гневом. Прежде я никогда не видел, чтобы она вела себя так, как в тот день. Я завороженно смотрел на взбухшие вены у нее на шее, когда она говорила. Я соглашался с каждым словом; она будто читала мои мысли. Ни одна девушка прежде не разделяла моей страсти и грез о лучшем будущем для нашей страны, и это было странно, ново и волнующе. Я окончательно

убедился, что нашел вторую половину. Я взял на работе отгул и присоединился к протестующим, которые требовали тщательного и прозрачного расследования убийства.

Мы с Йеджиде маршировали рядом, пели и выкрикивали лозунги. В небе сгущались тучи, но это не умерило наш пыл. Когда процессия вышла за университетские ворота, мы даже не устали, даже дыхание не сбилось. Распевая во все горло, мы шагали по улицам города. Когда пошел дождь, я решил, что это благословение свыше, знак Божьего одобрения. Я промок насквозь, но верил, что протест принесет результаты и всколыхнет всенародный бунт. Смахивая дождевые капли, застилавшие глаза, я представлял, как страну охватит восстание и начнется оно с университетов. Студенты и преподаватели выйдут на улицы и станут требовать перемен, бесперебойного электричества, новых дорог, антикоррупционных мер. Я представлял это как наяву. Хотя мы шли в другую сторону, я вообразил, что процессия докатится до Ибадана, подхватит жителей этого города, как наводнение, и мы вместе дойдем до Лагоса, до здания правительства. Это казалось реальным, как капли дождя на моих губах и лозунги, которые мы скандировали:

СО-О-О-О-лидарность НА-А-А-АВ-сегда
СО-О-О-О-лидарность НА-А-А-АВ-сегда
СО-О-О-О-лидарность НА-А-А-АВ-сегда
МЫ БУДЕМ ВСЕГДА БОРОТЬСЯ ЗА НАШИ ПРАВА
СОЛИ СОЛИ СОЛИ
СО-О-О-О-лидарность НА-А-А-АВ-сегда

Полицейские ждали нас в Мэйфере. Послышались выстрелы. Демонстранты стали разбегаться в разные стороны и с криком скрывались в буше, прокладывая тропинки сквозь бурелом. Поначалу я растерялся. Бесцельно бегал взад-вперед, как курица с отрубленной головой. Потом тоже бросился в буш и словно очутился в аду. Люди вокруг кричали, молились, сыпали проклятиями, спотыкались и падали. Поднимались и снова бросались бежать. Передо мной упала девушка в узких джинсах и затихла. Я перепрыгнул через нее, как через канаву, и побежал дальше. Мне казалось, что я бежал несколько лет, а буш тянулся бесконечно. В глаза и в рот лезли ветки.

Потом я снова выбежал на улицу. Только ступил на асфальт, как мне захотелось вернуться в буш. На улице было негде укрыться, я был у всех на виду. Но все выбегали из буша на дорогу; я не

мог стоять и не шевелиться — меня бы растоптали. И я побежал дальше. Вскоре я понял, что каким-то образом добрался до кампуса, и бросился к парковке общежития Мореми, где оставил машину под миндалем.

Только в машине я подумал о Йеджиде. Горло судорожно сжалось от страха. Где она? В толпе она стояла рядом и держала над головой мокрый картонный транспарант. Я попытался вспомнить, были ли на ней джинсы. Не через нее ли я перепрыгнул в буше? В тот момент я осознал, что не могу даже вспомнить, носила ли она кудри. На парковке царил хаос, студенты бегали взад-вперед, скрывались в дверях общежития или бежали дальше. Я не знал, где ее искать.

А потом она постучала по стеклу. Я в жизни никому так не радовался; мне захотелось пристегнуть ее ремнем безопасности и поселиться в этой машине, никогда не выпуская из виду мою Йеджиде. Я обнял ее. Ее сердце билось быстро, как мое собственное. Мы не произнесли ни слова. Я не мог говорить, слова и чувства застряли в горле и обездвижили мои голосовые связки. Даже сейчас мне кажется, что надо было что-то сказать — например, что мне невыносима мысль, что я мог ее потерять; и за несколько секунд до ее

появления я чуть с ума не сошел от этой мысли, а теперь мне хотелось привязать себя к ней, чтобы она всегда была в безопасности, а я рядом, куда бы она ни пошла.

Но я ничего не сказал до следующего дня, когда мы узнали, что в протестах погибли трое студентов.

— Выходи за меня, — выпалил я. — Жизнь может оборваться в любой момент; зачем ждать окончания университета? Я отдам тебе свою машину, сможешь ездить в Ифе из Илеши и даже ночевать в общежитии, если захочешь. Но только давай скажем твоему отцу, что готовы.

Я знал, что она согласится, потому что момент был выбран правильно. В других обстоятельствах она бы ответила, что не хочет быть замужней студенткой. Но в тот июньский день она взяла меня за руку и кивнула.

В первый год брака мне часто снились погибшие студенты. Они лежали на асфальте бесконечным рядом, и на всех были узкие синие джинсы. Вдали, за вереницей тел, стояла Йеджиде. Я пытался до нее докричаться, но нас разделяло слишком много трупов.

12

За две недели до того, как нам написали бандиты, возле моего салона открылся новый. Он принадлежал Ийе Болу, неграмотной толстухе, страдавшей отрыжкой. Когда Ийя Болу говорила «доброе утро», сразу становилось ясно, что она ела на завтрак, а еще она плевалась слюной. Дети сплошным потоком выплескивались из дверей ее салона, как вода из фонтана, и заполоняли переулок, разделявший нас. Ползали, сидели, лежали на земле. Все ее дети были девочками с грязными волосами. Старшей было около десяти, младшей — примерно четыре. Шесть дочерей-погодок. Уже за первую неделю после ее появления на нашей улице я прониклась к ней такой неприязнью, что даже думала переехать в другое место.

Ийя Болу вечно орала на дочерей. Ее несчастные клиентки — а их было немного — уходили домой все оплеванные. В день к ней приходили две клиентки, а иногда и ни одной. Она пыталась переманить моих своей неутихающей болтовней и широкими улыбками, но их отпугивал фонтан слюны, брызжущий у нее изо рта. Вскоре она начала приходить ко мне и проводить у меня

много времени. Появлялась около полудня, чтобы послушать новости на моем радиоприемнике. Приемник был не просто старый — он начал капризничать. Иногда, чтобы добиться внятного звука, Ийя Болу вставала рядом и придерживала антенну. После окончания выпуска новостей садилась в кресло, скрипевшее под ее весом, и раздавала непрошеные советы по уходу за волосами.

Она-то и принесла мне письмо от бандитов, которое прислали ее семье. Ийя Болу тоже жила в нашем квартале; мы все тогда получили письма от воров. Когда клиентки и мои сотрудницы ушли, она попросила меня прочитать ей письмо.

Оно было таким же, как то, которое прислали нам, отличались только обращение и адрес.

> Дорогие мистер и миссис Адио!
>
> Привет от нас и наших пистолетов.
>
> Спешим сообщить, что навестим вашу семью до конца этого года.
>
> Приготовьте для нас посылку — минимум тысячу найр[18]. Мы даем вам время собрать деньги. Мы напишем снова и

---

[18] Примечания: 18
Денежная единица в Нигерии.

сообщим точную дату визита.

— И это все? — спросила Ийя Болу.

— Да.

Она нахмурилась:

— Надо подумать. А откуда мы возьмем такие деньги? Сумма большая. Хватит на машину.

— Думаю, это шутка. Дурацкий розыгрыш, *джаре*[19], — ответила я.

Вскоре эти письма стали обычным делом. Но тогда я еще не представляла, что в один прекрасный день нигерийские грабители обнаглеют настолько, что станут писать письма своим жертвам, чтобы те успели подготовиться к нападению, или сидеть в гостиной и требовать, чтобы их накормили толченым ямсом и супом с семенами эгуси после того, как они изнасиловали женщин и детей. При этом они смотрели видео, а затем отключали видеомагнитофон и уносили его с собой.

Йия Болу была одной из немногих, кто верил, что письмо — не шутка. Я тогда решила, что она поверила в силу своей наивности, потому что была неграмотной. Сама я не придала письму

---

[19] Примечания: 19
Здесь: дорогая (*йоруба*).

значения и даже не показала его Акину. В то время моя голова была занята другим. Когда Фуми начала жить с нами, я стала по средам ходить к психиатру. Я никогда не слышала о ложной беременности, и, хотя мне казалось, что такого быть не может, я каждую неделю посещала врача, и постепенно мое тело начало обретать прежние очертания.

Психиатр порекомендовала больше двигаться, и я начала ходить на работу и с работы пешком. Вскоре я поняла, что меня успокаивают эти короткие прогулки, путь от Фуми и обратно к ней. Я пыталась думать о салоне, но было трудно не замечать перестановки в моей собственной гостиной. Она передвинула кресла и поставила на кофейный столик вазу с пластиковыми цветами. Я старалась не встречаться с ней и почти все время проводила наверху. Акин много работал и обычно возвращался, когда я уже крепко спала, но по выходным ему хотелось обсудить со мной лечение. Чтобы его успокоить, я отвечала, что больше не считаю себя беременной, нет ни дня, ни даже минуты, когда я бы верила в это.

Ийя Болу поселилась в моем салоне. В рабочие часы она спала и храпела с открытым ртом, пока ее дочери шныряли вокруг. Она вставала, лишь

чтобы послушать выпуск новостей по радио.

Каждому в районе пришло второе письмо от бандитов, и дни ускорились, как видеокассета на перемотке. Вторые письма отличались от первых. Они были разными и не выглядели розыгрышем скучающего подростка. В этих письмах упоминались личные подробности; становилось ясно, что написавшие их люди следили за нами, изучали нашу жизнь и, возможно, жили среди нас.

Так, воры поздравили семью Агунбиаде с рождением двойняшек, а Оджо — с приобретением универсала «Пежо 504». Выразили сожаление семейству Фатола, которое утратило титул вождей[20], и посоветовали Адио (семье Йия Болу) начать предохраняться. Пообещали прийти через три недели и посоветовали не уезжать из квартала; пригрозили выследить тех, кто посмеет уехать. Они так много о нас знали, что мы действительно поверили: если попытаемся сбежать, нас найдут. Наши сердца перестали биться ровно и заколотились громко, как набат. Мы вздрагивали, завидев пробегающую крысу, и перестали

[20] Примечания: 20

Почетный титул в социальной иерархии Нигерии, необязательно передающийся по наследству. Вожди причастны к политической элите и составляют социальную прослойку, которую мы бы назвали «верхним средним классом».

гулять по вечерам. Притихли даже дети.

Местный комитет нанял охотников для охраны. До писем с угрозами у нас не было даже комитета. В квартале, застроенном дуплексами с двумя отдельными входами, жили образованные современные люди. Мы приветствовали друг друга клаксонами, встречаясь на дороге. Ходили в гости только в случае крайней необходимости — на церемонии имянаречения, дни рождения и редкие похороны. Но мы не посылали друг другу толченый ямс и суп с эгуси в эмалевых лотках на Рождество и не раздавали жареную баранину на Илейю[21]. Мы желали друг другу счастливого Рождества и Рамадана с крыльца своего дома и махали, садясь в машину или заходя в дом.

Но когда пришли вторые письма от бандитов, жители сформировали местный комитет. В него вошли все. На первом собрании было шумно, но мы договорились нанять пятерых полицейских и группу охотников вдобавок к имеющейся охране. Мы также согласились внести по три найры с семьи в охранный фонд. Акин и мистер Адио поехали в полицейский участок Айесо и потребовали, чтобы к нам прислали полицейских.

---

[21] Примечания: 21
Так в Нигерии называют Курбан-байрам.

На следующий день комитет получил от грабителей письмо. Те писали, что полиция у них в кармане. Мы посмеялись над этим и на следующем собрании согласились с мистером Фатолой (бывшим вождем Фатолой), который заявил, что мы перехитрили грабителей и последнее письмо это подтверждает. На следующей неделе полицейские вышли на смену. При виде полицейских с автоматическими пистолетами и охотников с винтовками мы успокоились и вскоре забыли про письма.

А потом Ийя Болу созвала «женское собрание».

Тогда я впервые побывала у нее дома. Там оказалось на удивление чисто и опрятно. Прежде я видела Йию Болу только в салоне и не удивилась бы, если бы ее дом оказался завален грязными подгузниками и пропах мочой. Но в нем витал аромат чего-то свежего и пряного, чего-то вроде лайма. Другие женщины удивленно озирались, и я поняла, что они тоже не надеялись увидеть в доме порядок. Во время собрания ее дети ни разу нам не помешали. Я все время думала, что она с ними сделала: заперла в комнате? В чулане?

Ийя Болу дождалась, пока все сядут, и начала собрание.

— Нам надо подготовиться к встрече с бандита-

ми. Эти люди насилуют, в том числе детей. Надо вооружиться прокладками. — С каждым словом она все больше таращила глаза, и наконец я испугалась, что они выскочат и закатятся под стул.

— Вооружиться прокладками? Из них теперь стреляют? — спросила миссис Фатола и покачала головой.

Одна женщина рассмеялась, потом другая, и вскоре мы все начали смеяться — все, кроме Ийи Болу, которая выглядела так, будто вот-вот заплачет.

— Да заткнитесь вы! — выкрикнула она. — У меня шесть дочерей, вы понимаете, что это значит? И у старшей уже грудь растет! У вас тоже дочери, и у многих начались месячные. С этими бандитами надо быть готовыми ко всему, да и вы сами скажите — кто из ваших мужей согласится защитить вас от насильников и словить пулю? Ваши мужья сейчас наверняка ищут укромное место, где спрятаться.

— Не будет никаких бандитов, нас охраняют полицейские, — сказала миссис Оджо. Она год училась в Англии и всегда говорила с притворным британским акцентом даже на йоруба.

— Ни к чему пугаться без причины, — поддержала я.

Миссис Фатола захлопала в ладоши. Больше никто не хлопал.

Ийя Болу прошипела:

— Дайте договорить. Замочите прокладки в красном вине или в зобо — отваре из листьев гибискуса. И надевайте на ночь на случай прихода бандитов. Если они придут, то решат, что у вас месячные.

— Она спятила? Даже если она права, как могут быть месячные одновременно у всех жительниц квартала? Никто в это не поверит, — сказала миссис Оджо на английском с напускным британским акцентом.

Миссис Фатола покачала головой и встала.

— Она необразованна, вот и несет всякие глупости, — продолжала миссис Оджо.

— Мне некогда слушать эти бредни. Мне надо на работу, — присоединилась к ней миссис Фатола.

— О чем они говорят? — спросила меня Ийя Болу.

— Не о чем волноваться, расслабьтесь, — ответила я на йоруба. — Нас охраняет полиция.

— Разве полиция помогла Деле Гиве[22]? — спро-

---

[22] Примечания: 22

Деле Гива (1947–1986) — нигерийский журналист, редактор журнала Newswatch. Убит в собственном доме 19 октября 1986 года.

сила Ийя Болу.

Миссис Фатола рухнула в кресло, будто слова Ийи Болу толкнули ее в грудь. В гостиной повисла тишина; миссис Оджо огляделась, словно боясь, что нас подслушивают спецслужбы.

После убийства Деле Гивы его имя боялись произносить еще несколько месяцев. Никто из присутствовавших в гостиной Ийи Болу женщин не работал главным редактором новостного журнала, но нам все равно казалось, что каждая из нас может повторить судьбу Гивы, потому что убившую его бомбу доставили к нему домой посылкой. Мы все получали посылки; было легко представить, как мы сидим дома за столом и вскрываем картонную коробку. Хотя я не думала, что кто-то пришлет мне коробку с наклейкой, на которой будет красоваться нигерийский герб и надпись «Из штаб-квартиры главнокомандующего», как и сын Гивы, в прошлом я получала посылки от главы государства для отца и всякий раз не колеблясь относила их в его кабинет. Когда Гива, возле которого находился его коллега, получил посылку, он сказал: «Должно быть, это от президента» — и распечатал посылку сразу после того, как его сын вышел из кабинета. Позже в тот день он умер в больнице, хотя его раненый

коллега выжил.

— Честно скажу, — сказала миссис Фатола, — я теперь прошу служанку распечатывать письма даже от так называемых бандитов.

Я не принимала никаких мер предосторожности в отношении полученных писем. Когда убили Деле Гиву, я сидела дома и берегла силы для родов. Я не обращала внимания на новости. Вернувшись на работу, я узнала, что после смерти Гивы Нигерия стала бояться своих руководителей. Но, вероятно, потому, что я узнала обо всем задним числом, я не боялась сама распечатывать письма.

В салоне Ийя Болу допытывалась, что написано в моем письме. Она всех расспрашивала, что написано в их письмах, а потом сидела у меня в салоне и гадала, что бандитам нужно от каждой семьи. Она как будто взяла на себя задачу уберечь нас всех от неминуемой судьбы. Это дело ее очень занимало.

Я рассказала, что было написано в письме, которое прислали нам с Акином. Грабители предупреждали, чтобы мы не думали поехать в квартиру Фуми и отсидеться там.

— Откуда они знают, что у твоей соперницы есть квартира? Говорю же, это не шутка, они

придут.

Ийя Болу так боялась, что иногда меня трогала ее тревога, а иногда ее страхи раздражали. Неужели она не видела полицейских, охранявших квартал?

13

Брат моего мужа мог переспорить кого угодно, потому что громче и дольше всех орал, даже если выкрикивал полные глупости. В пылу ссоры он поворачивал голову почти на сто восемьдесят градусов, как будто готов был сломать себе шею, если оппоненты с ним не согласятся. Большинство соглашались. Мне всегда казалось, что они позволяли ему сказать последнее слово, потому что не хотели отвечать за его смерть.

Деверь мне не нравился, но раз я вышла за Акина, приходилось мириться с Дотуном. Когда тот приезжал в гости, я радовалась, что он живет в Лагосе и наведывается к нам редко, давая мне возможность отдохнуть от его общества. Он рассказывал странные анекдоты, ни капли не смешные. И сам над ними смеялся, хохотал во весь голос. Общаться с ним было утомительно; приходилось смеяться, хотя мне совсем не было смешно. Я сидела и выгадывала момент, когда лучше рассмеяться: у его шуток не было логичной кульминации. Его нельзя было воспринимать всерьез: в промежутке между анекдотами он много чего обещал, но никогда не держал слово.

Так, Дотун однажды пообещал нам ребенка: сказал, что пришлет одного из своих сыновей жить с нами, пока я не смогу зачать. Я тогда встала на колени и поблагодарила его. Муми уже давно предлагала мне найти ребенка, малыша лет двух, который пожил бы с нами, чтобы я быстрее смогла зачать. Сказала, что дети призывают других детей в мир и что, если в моем доме будет постоянно звучать голос подопечного ребенка, мои собственные дети его услышат и поторопятся прийти. Единственная проблема заключалась в том, что у меня не было родных братьев или сестер, а со своими сводными я не разговаривала уже много лет. У меня не было родственников, которые согласились бы доверить мне ребенка. И я забыла об этой идее, пока о ней не услышал Дотун. Он пообещал отправить к нам своего младшего сына.

Мальчика звали Лайи; ему было два года. Я подготовила ему комнату наверху. Купила игрушки, книжки с картинками, раскраски и карандаши. И стала ждать. Игрушки запылились. Я терпеливо ждала и протирала пыль с игрушек и книжек мягкой тряпочкой. Попросила Акина позвонить брату и напомнить о данном обещании. Пыль накапливалась. Акин сказал, что Дотун передумал.

Я собрала игрушки и раздала их знакомым.

И все же я обрадовалась, когда однажды утром в субботу, едва солнце выглянуло из-за туч после ливня, Дотун появился у нас на пороге. Фуми уехала к родственникам, а Акин по пятам ходил за мной и расспрашивал, как идет лечение. Он, кажется, подозревал, что в глубине души я все еще считала, что врачи ошибались. Тем утром он так донимал меня расспросами, что я в итоге закричала на него и ответила, что да, вполне возможно, что я одна права, а остальные ошибаются.

— Ты должна говорить врачу, что на самом деле у тебя на уме, — сказал он. — Не говори то, что он хочет услышать.

Я обрадовалась, что Дотун приехал, потому что он мог отвлечь внимание Акина на себя. Им нравилось общаться; они часами могли говорить по телефону и спорить о спорте, политике и погоде. Бывало, когда Акин думал, что я не слышу, они принимались обсуждать, какие женщины лучше — с большой грудью или круглым задом. Я решила, что при Дотуне Акин перестанет меня донимать.

— Я здесь, — крикнул Дотун, когда я открыла дверь. Он оттолкнул меня в сторону и бросился

к брату. Они обнялись, а потом Дотун отошел и поклонился. — Брат мой.

Акин был очень высокого роста, и ему всегда приходилось нагибаться, когда он проходил в дверной проем. Его бронзово-коричневая кожа на солнце становилась глянцевой. Дотун был такого же высокого роста, но светлокожий, поджарый, с впалыми щеками, которые точно выскребли ложкой. Я села на колени в знак приветствия. Мы были ровесниками, но к родственникам мужа надо было относиться как к старшим. Я считала его полнейшим *онирану*[23], совершенно безответственным человеком, но, когда он приходил, относилась к нему с уважением.

— Добро пожаловать, сэр. Надеюсь, ты хорошо доехал, — сказала я.

Дотун сел в кресло и положил ноги на кофейный столик красного дерева.

— Жена передает привет: в выходные у нее ночная смена. Один я с мальчишками не справлюсь, они так дерутся, что если бы я взял их с собой, то въехал бы в дерево. Они остались в Лагосе. И как только мать с нами справлялась? Это расплата за все мое детство. Мальчики остались с теткой,

---

[23] Примечания: 23
Мусор (*йоруба*).

моей свояченицей. Йеджиде, слышал, вас теперь двое и ты проглотила младенца! Подойди, я как следует тебя рассмотрю.

Я встала перед деверем и повернулась вокруг своей оси. Улыбка, что не сходила с лица Акина с тех пор, как приехал Дотун, моментально стерлась.

— Она не беременна, — сказал Акин. — Она болеет и ходит к врачу.

— Но муми сказала… — начал было Дотун.

— Я беременна, — ответила я и схватилась за живот, моля, чтобы ребенок толкнулся и доказал мне и всем в этой комнате, что он существует. Чтобы Акин наконец мне поверил.

— Брат мой, поверь, женщине лучше знать, беременна она или нет, — ответил Дотун.

— А ты спроси ее, давно она беременна, — сказал Акин.

Дотун уставился на мой живот и прищурился, словно я вдруг уменьшилась и ему стало трудно меня разглядеть.

— Акин, ты не можешь приказать мне не чувствовать того, что я чувствую.

Он встал и схватил меня за плечи.

— Тебя прогнали с курсов по подготовке к родам, Йеджиде. Ты делала УЗИ пять раз у пятерых

разных врачей в Илеше, Ифе и Ибадане. Ты не беременна, ты бредишь! — В углах его рта скопилась слюна. — Йеджиде, ты должна прекратить. Пожалуйста, умоляю. Дотун, прошу, поговори с ней. У меня уже язык скоро отвалится с ней говорить. — Он больно вцепился мне в плечи.

Дотун открывал и закрывал рот. Прежде он никогда не терял дар речи.

— Да что они знают, эти врачи? — сказал он наконец, когда к нему вернулся голос. — Женщине лучше знать, беременна она или нет.

Он мне верил. В его взгляде не было издевки и сомнения. Он смотрел мне прямо в глаза. В его взгляде читалось то, чего я уже очень давно не замечала в глазах Акина. Вера в меня, в мои слова, в то, что я не безумна. Мне хотелось обнять Дотуна и прижимать его к себе, пока его вера не восстановит мою меркнущую надежду и не прогонит разъедавшее меня привычное отчаяние.

— У тебя мозги расплавились, Йеджиде, — сказал Акин. — Совсем расплавились! Дотун, мне надоело пытаться вразумить эту безумную женщину. Я пошел в клуб, ты пойдешь со мной?

Он никогда раньше так со мной не разговаривал. Потом я несколько недель проигрывала в голове его слова и съеживалась всякий раз.

«У тебя мозги расплавились, Йеджиде. Совсем расплавились!» Дотун начал говорить что-то в мою защиту, но я не слушала. Я схватилась за живот и пошла наверх. Глаза застилали слезы. На пороге спальни я услышала, как отъезжает от дома машина Акина.

Порой мне кажется, что из-за тех обидных слов я и позволила деверю себя утешить. Они ослабили меня, и, став слабой, я прижалась к нему и заплакала у него на плече, а он стал целовать мочки моих ушей и снял с меня одежду. Не успела я моргнуть, как все кончилось; он полил меня семенем и оставил с сухой болью между ног. Мне стало жаль свою невестку — неужели он всегда делал это так быстро? Неужели это все, что она получала от Дотуна? Я рассчитывала на большее, думала ощутить хотя бы покалывание — вопреки себе, ведь это противоречило всему, во что я верила до этих выходных.

— В следующий раз будет лучше; я могу лучше. Ты слишком красива… ты… я всегда думал… — Дотун поспешно надел штаны. И хотя тогда я не хотела себе в этом признаваться, я знала, что следующий раз будет. С Дотуном все было как-то иначе, ярче. Мне хотелось попробовать снова. Первым побуждением было рассказать все Аки-

ну, но как сказать мужу «хочу, чтобы ты трахался как твой брат»?

Оставшиеся выходные я пряталась в комнате. Я оставила дверь открытой и слышала, как Акин с Дотуном смеялись или спорили на повышенных тонах. Потом они замолчали, и наступила тишина. Тишина поднялась по лестнице и ударила меня в живот; я захлебнулась виноватыми слезами, и моего чудо-ребенка смыло их потоком.

В воскресенье вечером Акин зашел в спальню и обнаружил, что я лежу на кровати, свернувшись калачиком. «Мой малыш, мой малыш», — причитала я.

Он замер на пороге. Я не сомневалась, что он не станет подходить и выйдет из комнаты. Мне казалось, что руки его брата оставили на моей коже следы; сколько бы раз я ни мылась под горячим душем, их было не смыть, и во флуоресцентном свете лампы они светились, муж их видел.

Акин закрыл дверь, снял рубашку и майку, аккуратно свернул их, положил в изножье кровати и лег рядом со мной. Он распрямил мне руки и ноги, проводя по ним кончиками пальцев.

— Мне очень жаль, — прошептал он, — мне очень жаль.

Он шептал мое имя: «Йеджиде, Йеджиде». Он

произносил его очень нежно; сочетание звуков ласкало слух. Я хотела, чтобы он узнал о том, в чем я не могла признаться: моего ребенка больше не было, моя беременность прервалась. Моя утроба снова была пуста.

Он покрывал поцелуями мое лицо, и я начала постанывать и шептать его имя.

Мне захотелось броситься вниз, к Дотуну, и крикнуть: «Вот видишь! Видишь, что я чувствую с Акином, а ведь он всего лишь целует мое лицо!»

Он шептал мое имя, обжигая кожу горячим дыханием. Я поежилась и прильнула губами к его губам. Он скользнул губами ниже и начал целовать мою шею; я закрыла глаза. В этот раз я не смогла утонуть в покалывающих ощущениях, возникавших, когда он касался меня пальцами и языком. Удовольствию мешала отчаянная надежда, что сейчас идеальный момент, что сейчас я наконец смогу зачать.

В понедельник утром Дотун уехал. Прощаясь, он положил руку мне на плечо и держал ее дольше обычного. Мы стояли и махали вслед его удаляющейся машине, и мне показалось, что Акин скрипит зубами.

14

Когда бандиты наконец явились, они вели себя как группа заблудившихся людей, которые пришли к нам спросить дорогу. Их английский был безупречен; они сели в кресла, как гости, и попросили принести им попить («никакого алкоголя, пожалуйста, мы же на работе»). Потом они наставили на нас пистолеты и попросили принести все электронные приборы.

Сначала это действительно напоминало визит, а не нападение. Один грабитель даже сказал «спасибо», допив бутылку лимонада. Мы погрузили электронику в фургон, вернулись в дом и через несколько минут услышали выстрел, а потом крик, прорезавший ночную тишину. Раздались еще выстрелы и гулкое эхо, которое запомнится жителям нашего квартала надолго и еще несколько месяцев будет преследовать их в кошмарах, заставляя просыпаться в холодном поту и с пересохшим горлом.

После первого выстрела Акин толкнул меня на пол и накрыл собой. Так мы и лежали, стараясь дышать как можно тише. Фуми тоже была где-то в гостиной; она скулила, пока Акин на нее не

шикнул. Мы лежали на полу до рассвета; Акин ни разу не шевельнулся, даже когда Фуми спросила, не собирается ли он и ее закрыть от пуль.

Утром мы встали, и Фуми заплакала.

— Ты меня не любишь, — сказала она Акину. — Тебе совсем на меня плевать.

Акин не ответил. Он спросил меня, цела ли я, и пошел проверить, как там наши соседи. Я поднялась в комнату, а Фуми осталась в гостиной одна.

Оказалось, стреляли в мебель, стены и окна автомобилей. Никто не пострадал, хотя мистер Фатола упал в обморок, увидев бандитов на пороге. Он пришел в себя, когда они уже ушли: жена плеснула ему в лицо ледяной воды. Местный комитет направил петицию в полицейский участок Айесо: охотники, которых мы наняли, сообщили, что в день ограбления никто из полицейских не вышел на дежурство. Услышав об этом, миссис Оджо сказала, что среди грабителей ее дома был один из полицейских. Она, как всегда, говорила с британским акцентом. Но никто не обратил на нее внимания. Полиция явно была причастна к ограблению, но не станут же они в нас стрелять? Мы не верили, что все настолько плохо.

Пока Ийя Болу волновалась из-за грабителей,

мои мысли были заняты другим. В моем животе рос ребенок, и в этот раз даже УЗИ-аппараты со мной соглашались. Я заткнула глянцевый снимок УЗИ за зеркало в деревянной рамке в верхнем углу, чтобы видеть его по утрам, когда причесывалась. Я ела фрукты, а по вечерам Акин готовил мне тушеные овощи. В его рагу часто попадались камушки, но я не жаловалась. Я отказалась менять гардероб: хотела, чтобы моя добеременная одежда обтягивала живот. Я ходила в старой одежде, пока одно мое платье не порвалось от подмышки до колена, когда я встала на воскресной службе помолиться вместе со всеми.

С тех пор меня прозвали «беременной в лопнувшем платье» и продолжали звать так даже после родов. Но мне было все равно, что в церкви на меня показывали пальцем и смеялись, прикрывая ладонью рот, когда все исполняли псалмы или читали Никейский символ веры. Я обрела бессмертие и стала частью бесконечной жизненной цепи. Во мне шевелилась новая жизнь, и вскоре должен был появиться ребенок, которого я назову своим. У меня наконец будет что-то свое — не мачеха, не сводный брат, не отец, один на двенадцать детей, не муж, которого мне приходилось делить с Фуми, а только мой ребенок.

Эти мысли приносили столько счастья, что мне становилось страшно. Не верилось, что человек может быть таким счастливым и везучим. На ранних сроках беременности я не раз выпускала руль и клала обе руки на живот, расставив пальцы и пытаясь обхватить его целиком. Мне казалось, что живот может лопнуть, а ребенок — просто выпасть на пол «фольксвагена», так как за бесконечной радостью прошедших месяцев должна прийти волна неудач.

Другие автомобилисты принимались сигналить и кричать, и я понимала, что если буду и дальше держаться за живот, то скорее потеряю ребенка в аварии. Но, к моему удивлению, в аварию я ни разу не попала. Это окончательно убедило меня, что несчастье скоро постучится в дверь. Что нельзя быть такой счастливой и скоро меня ждет расплата. Тогда я стала пытаться предусмотреть все, что может пойти не так. Я стала ласковой с Фуми, рассказывала ей, что любит Акин: от его любимого цвета помады, ярко-красного, который на ней выглядел бы вульгарно, до способа приготовления бобов — побольше воды и перца. Я была готова с ней делиться. Мужчина не вещь, его нельзя забрать себе целиком; у мужчины может быть много жен, но мать у ребенка

всегда одна. Одна.

Беременность протекала хорошо, хотя я ждала худшего. Врачи радовались, когда я приходила на прием. К третьему триместру я перестала тревожиться и начала наслаждаться беременностью. Я наслаждалась болью в пояснице. Хвасталась тем, как у меня раздулись стопы, и бесконечно жаловалась на невозможность найти нормальное положение для сна. Это было лучшее время в моей жизни.

15

Мы назвали дочь Оламидой, но у нее было еще двадцать имен. Ее кожа при рождении была светло-желтой, но становилась ярко-розовой, когда она плакала, а плакала она почти всегда, когда не сосала грудь. Ее уши были того же оттенка коричневого, что кисти Акина. Муми сказала, что Акин тоже родился таким и скоро наша девочка потемнеет и вся станет такого же оттенка, что и уши.

Церемония имянаречения собрала толпу. Оламида родилась в субботу — самый удобный день недели. Через семь дней состоялась церемония имянаречения, на которую явились сотни людей, так как она не совпадала с рабочими часами и воскресной службой. Мои мачехи приехали в пятницу; их улыбки скрывали затаившееся во взгляде разочарование. Они заглядывали в колыбель, где лежала Оламида, будто рассчитывая увидеть не младенца, а подушку, завернутую в шаль. При этом, как положено, повторяли, что счастливы, и вспоминали пасторов и жрецов, к которым ходили молиться и просить, чтобы я скорее зачала. Я с благодарной улыбкой вы-

слушивала их ложь и выпроваживала из своей спальни, чтобы они, не дай бог, не дотронулись до моего ребенка.

Приехал Дотун из Лагоса с женой и детьми. Они прибыли накануне церемонии, когда диджей шептал в микрофон «раз, два, раз, два, проверка, проверка». Я была в спальне, сидела над ведром с горячей водой, квасцами и антисептиком и думала, почему все распорядители церемоний всегда говорят именно «раз, два». Муми стояла у двери и следила, чтобы я досидела до конца и моя вагина впитала достаточно пара и сузилась.

— Скоро Акин снова полезет тебе под юбку в темноте, — сказала она и рассмеялась.

Мне бы этого очень хотелось, но я не стала делиться этим со свекровью, чьи непрозрачные намеки на секс меня смущали.

Раньше я бы обрадовалась, что зашла жена Дотуна и избавила меня от гипотез муми о сексуальной прыти ее сына, а также от пара, который жег вагину так, будто туда сунули стручок острого перца. Но сейчас все внутри меня загорелось пуще прежнего, когда я встала и обняла свою плачущую невестку. Аджоке заплакала, уткнувшись в мое голое плечо, и я взяла ее за руку, испугавшись, что она слетит с катушек и выльет мне на

голову кипяток с квасцами. Я не сомневалась, что она в курсе, и боялась опозориться в счастливейший день своей жизни.

Но Аджоке отпрянула и рассмеялась утробным смехом, который, казалось, зарождался в глубине ее существа и, сотрясая все тело от кончиков пальцев ног, наконец вырывался изо рта.

— Как милостив наш Господь! Как милостив наш Господь, — улыбалась она, и беспримесная радость и облегчение в ее глазах напомнили мне то, что я сама испытала, впервые взяв на руки свою дочь. На семейных сборищах Аджоке никогда не говорила со мной о детях; она вообще мало разговаривала, что со мной, что с остальными. При виде столь несвойственного ей проявления эмоций я удивилась. Мне стало стыдно. Я снова обняла ее, чтобы она не видела мои глаза. Муми присоединилась к нашему объятию. Меня окружил смех, их и мой собственный. Радостные возгласы Аджоке вонзались мне в сердце, будто его кололи вилкой.

Всю церемонию имянаречения Оламида орала, и, если бы не микрофон, никто не услышал бы викария, называвшего ее двадцать одно имя. Я поднялась в комнату, покормила ее, и она уснула. Праздник внизу продолжался до раннего утра.

Сначала играла живая группа, но и когда они ушли, продолжили подавать угощения, а пиво текло рекой, пока большинство гостей не уснули прямо на синих металлических стульях. Я не участвовала в торжествах, даже когда пришел пьяный Акин, начал распевать любовные песни и попытался утащить меня вниз. Я не была готова оставлять ребенка с кем-то еще, даже со свекровью. Я думала о матери. Будь она жива, я оставила бы Оламиду с ней, а сама пошла вниз танцевать.

На следующее утро Оламида проснулась первой. Меня разбудил ее плач. Я искупала ее и покормила грудью. Вскоре она опять уснула на груди. Я подождала, пока ее ротик перестанет крепко цепляться за сосок, и примотала ее к спине покрывалом. Потом спустилась вниз завтракать.

Ступив на верхнюю ступеньку лестницы, я закричала. Спотыкаясь, побежала вниз, продолжая кричать и держась за перила. У подножия нашей лестницы лежало безжизненное тело Фуми. На ней была розовая ночнушка, подобных которой я никогда не видела: она держалась на одной бретельке, левой, и обнажала правую грудь. Вот, значит, как легко переманивать мужчину из супружеской постели, подумала я, продолжая кричать и приподнимая голову Фуми, лежавшую

в луже крови. Всего-то нужна розовая ночнушка да голая желтая сиська.

Тело Фуми уже остыло. Я затрясла головой и выкрикнула ее имя. Свекровь сбежала вниз по лестнице, кое-как завязывая покрывало на груди. Акин и Аджоке бежали следом.

— Что случилось? — воскликнула муми, хотя стояла рядом со мной и видела все то же, что и я.

— Фуми? — Акин, прищурившись, смотрел на жену, будто не узнавая ее. Он дохнул на меня чесноком и перегаром.

Муми села на колени рядом со мной, взяла руку Фуми, отпустила ее, и та безжизненно упала на пол. Она попыталась просунуть палец сквозь стиснутые зубы Фуми, окликая ее по имени, но безуспешно.

— Ах, какая незадача, какая незадача! — проговорила муми и встала. Всплеснула руками и начала приплясывать. Потом ударила себя по голове, прошлась влево и вправо, согнула колени и несколько раз вскрикнула. — Я никогда за это не расплачусь; ах, горе мне, горе! Фуми, что мне сказать твоей бедной матери? Какая незадача!

Аджоке догадалась проверить пульс и сердцебиение. Она склонилась над Фуми, а я прильнула к Акину и впилась ногтями в его руку. Муми про-

должала бить себя по голове, но затихла, когда Аджоке подняла голову и посмотрела на нас.

— Она умерла, — тихо произнесла Аджоке.

— Ах! Мне конец! Фуми! Ах! Теперь мне никогда не расплатиться! Я в вечном долгу, — закричала муми и снова начала приплясывать.

— Что происходит?

Мы повернулись к лестнице. Наверху стоял Дотун в одних трусах.

Я зажмурилась. Почему она выбрала именно сегодняшний день, чтобы умереть? Почему не сделала этого в другой день, не связанный с моей Оламидой и ее церемонией имянаречения? Я понимала, что так думать нехорошо и мне должно быть грустно. Но мне не было грустно. Я чувствовала лишь досаду от причиненного мне неудобства и злость оттого, что Фуми перетянула на себя внимание.

Кровь Фуми не отмывалась, и в итоге мы переложили плитку в гостиной. Иногда я вставала под лестницей, где нашла ее тело, и смотрела вверх. Ждала, что она появится на лестничной площадке и продефилирует вниз по ступенькам в туфлях на каблуках, которые носила дома. Когда она цокала по плитке, казалось, будто кто-то забивает гвозди в бетон. Я все ждала, что она появится на

пороге и вытянет руку, чтобы я полюбовалась ее новым маникюром. Бывало, я терла окру в миску с водой и чувствовала ее взгляд на своем затылке, но, когда оборачивалась, позади никого не было, лишь дверь кухни раскачивалась взад-вперед. Не было ее и в комнате, где она спала с моим мужем. Даже ее одежда пропала из шкафа: остались лишь пустые вешалки, которые ее сестра не забрала с собой, когда приезжала за ее вещами.

Сестра Фуми оказалась ее точной копией, разве что на полголовы выше. Я трижды взглянула на ее шлепанцы и лишь тогда убедилась, что передо мной не Фуми на каблуках. Она ни с кем не разговаривала, молча собрала вещи и затащила их в машину. Я испытала облегчение, когда она уехала. Я ждала скандала и даже пощечин за то, что пережила соперницу. Думала, меня наверняка заподозрят в скоропостижной смерти Фуми. Я боялась, что кто-нибудь предположит, что это я спустила бедную девушку с лестницы, но, кажется, никто так не думал. Все сошлись во мнении, что ночью после церемонии имянаречения Оламиды Фуми, сонная и, вероятно, пьяная, споткнулась на лестнице и разбила голову.

На похороны я не пошла; муми считала, что родственников Фуми это разозлит. Акин ходил

один и, не считая одного угрюмого вечера и нескольких выпитых бутылок пива, кажется, совсем не горевал о ее смерти. Не сидел, глядя в одну точку, не срывался на дикторов телевидения или табуретку на проходе, не напивался в барах и не блевал в коридоре, ввалившись домой под утро.

Вечерами он пел Оламиде песенки, которые придумал сам, и читал вслух газеты. Дочери не исполнилось три месяца, а она уже знала все о работе комитета по конституционным изменениям и учредительном собрании. Я обожала смотреть, как муж рассказывал дочери то, чего она совсем не понимала. Эта картина казалась такой идеальной и сюрреалистичной, что мне хотелось нажать паузу и остаться в этом моменте навсегда.

Постепенно я забыла о Фуми как о кошмарном сне.

Вскоре Акин полез мне под юбку ночью, как и предсказывала муми. Потянувшись ко мне через спящую Оламиду, он сжимал мою грудь и шептал, что нам надо завести еще ребенка. Но хотя муми вставила три пальца в мою вагину и заявила, что та сузилась достаточно и можно перестать сидеть над квасцами, я была не готова возобновить сексуальные отношения. Я сказала

об этом Акину, но тот проигнорировал мои слова и соблазнил меня грезами о прекрасной жизни с еще одним ребенком.

Как всегда, я не устояла перед его хриплым голосом.

Оламида вырастет, и кожа ее потемнеет и станет не коричневой, как у Акина, а черной, как у меня и моей матери. Ее кожа будет черной как ночь, а под жгучими солнечными лучами будет казаться, что она излучает неземное сияние. Она получит все награды, и в школе во время церемоний награждения я буду вставать и аплодировать, чтобы все вокруг сразу понимали: это мой ребенок. Естественно, она поступит в университет, станет врачом или инженером, изобретателем, лауреатом Нобелевской премии по медицине, химии или физике.

Я видела все это в ее глазах, когда кормила ее грудью, и гордилась ею заранее.

16

Примерно через месяц после рождения Оламиды я пошел в церковь впервые со дня женитьбы на Йеджиде. Я перестал ходить на воскресные службы еще в университете, но до свадьбы старался не пропускать пасхальные и рождественские богослужения. Потом я решил, что не могу позволить себе тратить час в неделю на слушание проповедей, и с тех пор не был в церкви ни разу. Но через две недели после рождения дочери у меня снова начались кошмары. Мне снились трупы студентов, как после протестов 1981 года. Я снова видел девушку в узких джинсах под дождем, но теперь это была Фуми. И я пошел в церковь.

Я не стал садиться в заднем ряду, где обычно сидели мужчины, которых жены упреками затащили на службу. Эти мужчины спали с открытым ртом или читали газеты. Я сел как можно ближе к кафедре. Нашел место в первых рядах, откуда ясно просматривались витражные окна позади алтаря. Витраж изображал Тайную вечерю, Христа и двенадцать апостолов. Одиннадцать сидели за столом; двенадцатый, Иуда, шел к выходу, повернувшись к Христу спиной.

Когда викарий поднялся на кафедру, сидевшая рядом со мной старушка склонила голову как для молитвы. Вскоре она принялась похрапывать. Викарий начал проповедь, зачитав «Отче наш» из толстой Библии, которая всегда лежала на мраморной кафедре. На словах «но избави нас от лукавого» он остановился и тяжело задышал в микрофон. Он заговорил шепотом и повторил эту строчку несколько раз, делая паузу после каждого слова и повышая голос с каждым повторением, пока не выкрикнул в микрофон: «НО ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВОГО!»

Задремавшая старушка вздрогнула, огляделась и снова уронила голову на грудь.

— Мы часто обращаемся к Господу с просьбой избавить нас от лукавого, — сказал викарий. — И правильно делаем. Но мы также должны понимать, что часто сами навлекаем на себя невообразимое зло. Что делает сам человек, чтобы избавить себя от ужасного зла? Почему он всегда рассчитывает на Господа, а сам творит зло своими же руками? Почему мы перестали думать о зле, что сами приносим в этот мир? Этот список бесконечен, но позвольте напомнить хотя бы несколько пунктов: супружеская измена, лень, зависть, ревность, обида, гнев, пьянство…

Викарий скользил взглядом по рядам. На слове «пьянство» его глаза остановились на мне, будто он знал что-то обо мне и разгадал мой секрет. Он пристально посмотрел на меня; наверно, хотел, чтобы мое сердце дрогнуло. Я медленно покачал головой, как, по моему разумению, должны были делать праведники, услышав о грехах человечества.

Дело в том, что я не пьяница. Я пью совсем немного. Бывает, по несколько месяцев не беру в рот ни капли алкоголя, даже одного бокала вина. Чтобы сосчитать, сколько раз в жизни я бывал по-настоящему пьян, хватит пальцев одной руки. Впервые напился еще подростком. Отец каждый вечер посылал меня за свежим пальмовым вином в тыквенной бутыли. Дотун часто ходил со мной. По пути домой мы отпивали немного вина, а потом жевали сырые листья джута, чтобы избавиться от запаха. Однажды мы решили выпить всю бутылку и наврать отцу, что на нас напали бродяги и отняли вино. Больше отец нас за вином не посылал.

Муми рассказывала, что мы с Дотуном шли по улице пьяные, били в тыкву-горлянку, как в барабан, и распевали церковные псалмы. Мы прошли мимо нашего дома и отправились в

соседний квартал, призывая заблудшие души покаяться. Муми во всем винила отца, сказала, мол, нечего посылать детей за вином. Отец винил мать — мол, вырастила слабаков, которые даже пить не умеют. Они спорили об этом целый год, то забывали, то снова вспоминали в самый неожиданный момент, и муми начинала кричать, а Баба — угрюмо молчать.

Каждый день в течение недели муми била нас палкой и с каждым ударом заставляла поклясться, что до самой смерти мы не притронемся к спиртному. Мне досталось вдвое больше ударов, чем Дотуну, потому что я первенец, ее опора и от меня ждали большего. На следующей неделе я впервые попробовал пиво. Тогда отец пиво не пил, и муми не знала, как оно пахнет. Мы с Дотуном наливали пиво в пластиковые стаканчики и пили прямо у муми под носом, притворяясь, что пьем солод.

В то воскресенье на службе я записал в блокнот, что надо купить ящик пива к следующему приезду Дотуна. Через пару недель он должен был поехать в Абуджу[24] и по пути планировал остановиться в Илеше на несколько дней. Я сделал

[24] Примечания: 24
Столица Нигерии.

запись, поднял голову и посмотрел не на викария, а на витраж. Впервые заметив опущенные уголки губ Иуды, подумал, жалел ли он о том, что собирался сделать. Тем утром я жалел, что напился после церемонии имянаречения Оламиды. Я начал пить еще до церемонии, часов в десять, когда Дотун с семьей приехали из Лагоса. Зашел в кладовку возле кухни, где никому не пришло бы в голову меня искать, и выпил подряд три бутылки теплого пива. Теперь мне было проще улыбаться, выйдя навстречу толпе гостей, собравшихся, чтобы отпраздновать имянаречение нашей дочери. Несмотря на выпитое, я ни разу не сбился, повторяя двадцать одно имя Оламиды.

Каждый член семьи придумал имя. Даже мачехи Йеджиде поучаствовали в имянаречении. Имя «Оламида» выбрала Йеджиде, но все решили, что я, потому что это было первое имя, которое я назвал. Но я не дал этому ребенку ни одного имени. От выпитого пива мои слова звучали так, будто я, отец девочки, долго думал над значением этих имен, прежде чем включить их в список, который теперь зачитывал вслух. Три бутылки пива существенно облегчили отцовскую задачу.

Все бросились меня поздравлять. Меня называли Бабой Абуро, Бабой Икоко, Бабой Бэйби,

повторяя все данные ребенку имена, и, наконец, Бабой Оламиды. Коллеги хлопали меня по спине и говорили, что следующий ребенок должен быть мальчиком. Друзья твердили, что я позволил Йеджиде начать с простого, с девочки, значит, в следующий раз должен быть мальчик. А лучше два, три или четыре мальчика — на сколько хватит сил. Потом кто-то вспомнил о Фуми и добавил, что я теперь выполняю двойные обязанности.

Коллеги и друзья решили, что мне нужно подкрепление. Всякий, кому предстоит задача наделать много сыновей с двумя красивыми женщинами, нуждается в подкреплении. Пора готовиться, сказал кто-то из друзей. Мы сидели за большим металлическим столом под брезентовым навесом, где проходила церемония. Пили пиво, ели жареное мясо и разговаривали. Мои друзья были пьянее меня, но потом Дотун предложил мне выпить несколько бутылок «Одеку»[25], готовясь к предстоящему испытанию.

Дотун принес ящик стаута и протянул мне бутылку из коричневого стекла. Другие мужчины за столом принялись скандировать: «Одеку,

---

[25] Примечания: 25
Нигерийский пивной бренд.

Одеку, Одеку!» Они вставали и протягивали мне бутылки, как дар, как вклад в укрепление моей мужской силы, благодаря которой дом наконец наполнится детьми в компенсацию за годы, когда жена никак не могла забеременеть. Одна бутылка, потом другая — друзья подбадривали меня всякий раз, когда я ставил на стол пустую бутыль из коричневого стекла, будто я был вождем, вернувшимся с битвы с головой соперника.

Я уже не помню, как Фуми оказалась за этим столом и тоже начала участвовать в пьяном дебоше, устроенном якобы с целью населить наш дом дюжиной детишек. Но вскоре мы с ней уже пили вместе и хохотали как идиоты. Прежде я никогда не видел, чтобы Фуми пила пиво. Пьянство никогда не было проблемой, ни моей, ни моих женщин. В то воскресенье, через месяц после смерти Фуми, когда викарий закончил проповедь, я решил, что бороться с пьянством мне ни к чему.

— Когда мы просим Господа избавить нас от лукавого, мы на самом деле просим его избавить нас от самих себя. — Викарий вытер лоб белым платком. — Сегодня я призываю вас избавить себя от всякого зла, которое вы сами приносите в свою жизнь своими же руками. Склоним же

головы и помолимся.

Я зажмурился и пытался молиться, но не мог перестать думать о Фуми. Разглядывая витраж, я видел ее лицо как наяву, слышал ее последний крик и смотрел, как она пыталась ухватиться за перила после того, как я столкнул ее с лестницы.

17

В детстве мои мачехи укладывали спать своих детей и перед сном рассказывали им сказки. Но это всегда происходило за закрытыми дверями. Меня никогда не приглашали; я стояла в коридоре и переходила от двери к двери или от окна к окну, пытаясь определить, чей голос лучше слышно.

Я утешала себя тем, что ребенок без матери может сам выбирать сказку. Если мне не нравилась одна история, я переходила к другой двери. В отличие от сводных братьев и сестер, мне не приходилось сидеть за запертой дверью и дослушивать сказку до конца. Я была свободна. Иногда я забывала посмотреть под ноги, прежде чем усесться под дверью или окном, и садилась в куриное или козье дерьмо. Не все мои мачехи были чистюлями; некоторые даже не убирались в своей части коридора перед сном.

Больше всего мне нравились загадки, так как я знала все ответы. Тонкая нить между небом и землей? Дождь. Кто ест с царями, но не убирает за собой тарелки? Муха. Сидя в коридоре, я беззвучно проговаривала ответы задолго до того, как

мои братья и сестры произносили их вслух. Когда других детей просили похлопать в ладоши тому, кто первым ответил, я улыбалась и чувствовала, как краснею, будто хлопали мне.

В некоторых сказках были песенки, и я подпевала, но всегда очень тихо. Если бы мой голос услышали, если бы кто-то из мачех вышел и обнаружил меня в коридоре, мне бы досталось. Меня схватили бы за ухо и оттаскали как следует. В нашей полигамной семье считалось, что подслушивающие — не просто невежливые люди, а злостные нарушители. У всех были секреты, и эти секреты берегли как зеницу ока. Я научилась ступать неслышно и слушать шаги, приближающиеся к двери с другой стороны. Слушать сказку и при первых признаках опасности убегать в свою комнату, как мышка.

Больше всего мне нравилась сказка про Олуронби и дерево ироко. Мои мачехи рассказывали эту сказку иначе, и поначалу я им не верила. В их версии Олуронби была рыночной торговкой, пообещавшей отдать дереву ироко свою дочь, если оно поможет ей продать больше товара. В конце сказки дерево забирало девочку. Я ненавидела эту версию, потому что не верила, что мать способна обменять своего ребенка на что-то

другое. Сказка казалась бессмысленной, поэтому я придумала для нее другой конец. Всякий раз, когда кто-то из мачех принимался ее рассказывать, я потихоньку добавляла что-то от себя и в конце уже не слушала, а сама себе сочиняла эту сказку.

Оламида узнала мою, переделанную версию истории про Олуронби. Я начала рассказывать ей сказки после отъезда муми. Та сочла бы это странным, ведь младенец даже не понимает смысла слов. Но я всю жизнь ждала ребенка, моего собственного ребенка, чтобы рассказывать ему сказки, и не собиралась больше ждать ни минуты. Я рассказывала сказки днем, когда мы с Оламидой оставались дома одни, и придумывала новые вдобавок к тем, которые слышала в детстве. Но чаще всего в нашем доме звучала моя версия сказки про Олуронби. Думаю, Оламида любила ее не меньше моего.

В моем варианте Олуронби родилась очень давно, когда люди еще понимали язык деревьев и животных. Семья ее любила; она была всеобщей любимицей. Олуронби была как вода, в семье у нее не было врагов. Мать так сильно ее любила, что каждый день брала с собой на рынок. Так Олуронби научилась торговле и уже в детстве умела управлять лавкой. Она была послушной и

очень красивой девочкой, никогда не лгала, не воровала и не убегала по ночам болтать с мальчишками за забором.

Олуронби жила не тужила, а потом однажды ее отец собрал много ямса на своей ферме. Ферма находилась возле леса. Отец попросил мать Олуронби и всех детей пойти с ним на ферму и ему помочь. Но Олуронби захотела остаться и поработать на рынке. Вечером, вернувшись с рынка, она приготовила большой обед для семьи, которая весь день провела на ферме. Она ждала их возвращения; солнце закатилось, но они не вернулись с фермы. Наутро солнце взошло, и Олуронби опять пошла на рынок. Она решила, что ее родные остались переночевать на ферме. Но когда она пришла домой, там по-прежнему никого не было. Было еще светло; Олуронби поспешила в лес и пошла на отцовскую ферму. Там никого не оказалось. Она все обошла вдоль и поперек, выкрикивала имена своих родных, но ей никто не ответил.

Когда Олуронби наконец вернулась в деревню, уже стемнело. Она отправилась домой и, никого там не обнаружив, начала ходить от дома к дому и спрашивать, не видел ли кто-нибудь ее родных. Солнце ушло на покой, а Олуронби обошла все

дома в деревне и повсюду спрашивала, не видел ли кто-нибудь ее семью. Но никто не знал, где ее родные.

Солнце взошло и поднялось на небосклоне. Олуронби решила пойти в царский дворец и доложить царю о странном происшествии. Тот направил в лес отряд на поиски пропавших. Олуронби пробыла в царском дворце два дня до возвращения поискового отряда. Поиски ни к чему не привели.

— Может, твоя семья решила уехать из деревни? — предположил царь.

Олуронби стала умолять, чтобы он отправил в лесную чащу самых храбрых охотников. Царь согласился, но через пять дней охотники вернулись с пустыми руками. Они так и не нашли семью Олуронби. Царь посоветовал девочке жить дальше, ведь делать было нечего.

— Может, твоя семья решила уехать из деревни? — повторил он.

Олуронби ему не поверила. Она знала, что семья никогда ее не бросит, и решила снова отправиться искать их в деревню. Каждый день она заходила глубже в лес и спрашивала у деревьев, видели ли те ее родных. Но деревья не отвечали.

Потом однажды она пришла к лесному царю

— дереву ироко.

— Я знаю, где твоя семья, — ответило дерево.

— Они живы? Скажи, они еще живы? — взмолилась Олуронби.

— Да, живы, — ответило дерево. — Но я не знаю, долго ли они еще продержатся.

Олуронби закричала:

— Ироко, скажи, где они, и я их спасу!

— Нет, — ответило дерево.

— Прошу, ироко, скажи, и я сделаю все, что захочешь. Все, о чем попросишь.

— Нет уж, — ответило дерево.

— Пожалуйста, ироко, я отдам тебе все, что захочешь, все, о чем попросишь. Просто скажи, где они.

— Все, что захочу? — спросило дерево.

— Да. — Олуронби опустилась на колени.

— Отдай мне своего первенца, — сказало дерево.

— Но у меня нет детей, ироко, — ответила Олуронби. — Попроси что-то другое. Хочешь корову?

— Нет, — сказало дерево, — мне нужен твой первенец.

— Может, лучше козу? Могу привести тебе очень большую козу.

— Да нет же, — ответило дерево. — Принеси

мне своего первого ребенка.

— Но у меня нет детей, — повторила Олуронби, — я даже не замужем.

— Можешь выполнить обещание, когда у тебя появятся дети, — сказало дерево.

Олуронби долго молчала. Она стояла на коленях перед Ироко и думала о своей семье: отце, матери, братьях и сестрах, которые все исчезли.

— Ладно, — согласилась Олуронби. — Так и быть, отдам тебе первенца.

— Поклянись, — сказало дерево ироко.

— Клянусь отдать тебе своего первенца.

— Иди и поклянись в присутствии царя своей деревни, — сказало дерево. — А когда вернешься, я скажу, где твоя семья.

Олуронби побежала в деревню и в присутствии царя поклялась, что отдаст ироко своего первенца, если дерево расскажет, где ее пропавшая семья.

Вернувшись в лес, Олуронби обнаружила под деревом свою семью.

Она обрадовалась и обняла всех по очереди.

— Где вы были? — спрашивала она. — Что случилось?

— Мы не помним, — отвечали они.

— Как ты их нашел? — спросила она у дерева.

— Это лесной секрет, — сказало дерево. — Ты не должна его знать.

— Спасибо, — поблагодарила Олуронби дерево.

— Не забудь о своем обещании.

— Никогда не забуду.

Олуронби с семьей вернулась в деревню. Вспоминая о данном обещании, она очень боялась. Даже перестала ходить в лес и собирать хворост для приготовления еды и травы, чтобы продать их на рынке.

Прошло много лет; Олуронби не заходила в лес и не видела дерево ироко.

Но всякий раз, когда кто-то из ее земляков шел в лес, дерево справлялось о ней.

— Как дела у Олуронби? — спрашивало оно.

— Завтра она переезжает в дом мужа. Я как раз пришла за хворостом, чтобы разжечь огонь и приготовить угощение на свадьбу, — отвечала соседка.

— Как там Олуронби? — спрашивало дерево. — Ей нравится в доме мужа?

— Ей очень повезло: она вышла за самого замечательного человека на свете. И уже беременна. Она очень счастлива. Вот бы мне такого мужа, как у нее! И зачем я вышла за своего дурака?

— Как там Олуронби? — спрашивало дерево.

— А ты не знаешь? Она на днях родила девочку. Ее назвали Апонбьепо.

— И какая она, Апонбьепо?

— О, это самый красивый ребенок во всей деревне. У девочки светлая кожа без единого пятнышка. В жизни не видела ничего подобного. И сразу ясно, кто ее мать: они с Олуронби похожи как две капли воды. Ах, если бы моя дочь была такой хорошенькой, я была бы так счастлива!

Апонбьепо росла, и мать предупреждала ее никогда не заходить в лес. По утрам Олуронби наказывала ей не приближаться к лесу.

Но однажды Апонбьепо играла с друзьями, и те решили пойти в лес.

— Пойдем с нами, — сказали они.

— Мама не разрешает мне заходить в лес, — ответила Апонбьепо.

— Но там столько красивых деревьев со сладкими плодами!

— Мама мне запрещает.

— Почему?

— Не знаю.

Дети стали над ней смеяться.

— Ты что же, ни разу не была в лесу?

— Нет.

— Ни разу в жизни?

— Нет.

Дети покатились со смеху.

— Она никогда не видела леса!

— Не видела.

— И оленей не видела?

— Нет.

— И ироко, царя деревьев?

— Нет.

— Значит, ты ничего в жизни не видела и ничего не знаешь, — сказали дети. — Пока, мы уходим в лес. Сначала мы пособираем хворост и наедимся сладких плодов, а потом пойдем на встречу с ироко, царем деревьев.

— Погодите, я тоже пойду, — передумала Апонбьепо. — Позвольте мне пойти с вами. Хочу посмотреть на царя деревьев.

Дети пошли в лес, и больше Апонбьепо никто не видел. Другие дети вернулись в деревню с хворостом. Они даже не заметили, что Апонбьепо среди них нет, пока Олуронби не вышла и не спросила: «Где моя дочь?» Обыскали всю деревню, но девочки нигде не было. Тогда Олуронби пошла на поиски в лес.

В лесу дерево ироко отказалось с ней разговаривать. Олуронби умоляла, но дерево молчало. Олуронби больше никогда не видела свою дочь,

и с тех пор деревья с людьми не разговаривали.

Причины, которыми мы руководствуемся, не всегда совпадают с оценкой окружающих. Иногда мне кажется, детей рожают для того, чтобы оставить после себя кого-то, кто мог бы объяснить, кем мы были при жизни. Если Олуронби жила на самом деле, не думаю, что после исчезновения Апонбьепо у нее были другие дети. Будь у нее дети, они бы проследили, чтобы она не предстала такой жестокой в сказке, которую я слышала от мачех, чтобы ее запомнили иначе. Рассказывая сказки Оламиде, я надеялась, что однажды она поведает миру и мою историю.

18

Мать должна быть бдительной. Иметь желание и возможность просыпаться десять раз за ночь и кормить младенца. Несмотря на прерывистый сон, просыпаться наутро и сохранять ясность разума, чтобы сразу подметить неладное. Сознание матери не должно быть спутанным. Она должна слышать, что ребенок плачет громче или тише обычного, чувствовать, не поднялась ли у него температура. Мать не должна пропускать важные сигналы.

Я до сих пор убеждена, что пропустила важные сигналы.

После рождения Оламиды я решила, что буду кормить ее грудью минимум год. В утро, когда я пропустила важные сигналы, до года оставалось еще много времени; ей было пять месяцев. Тем утром я плохо выспалась: накануне ночью я просыпалась пять раз и кормила Оламиду. На рассвете приняла душ, искупала дочь, укачала и уложила в кроватку. Потом снова легла в кровать, надеясь проспать пару часов. Я не сомневалась, что скоро меня разбудит ее плач.

Я проснулась примерно в полпервого и с об-

легчением увидела, что Оламида все еще спит в кроватке. Я спустилась позавтракать и провела на кухне около получаса, а затем поднялась в комнату. Я думала, что к тому времени Оламида уже проснется; она не всегда плакала, когда просыпалась, иногда просто лежала в кроватке, агукала и сама себя развлекала.

Склонившись над кроваткой, я заметила, что Оламида как-то странно притихла. И лишь через минуту поняла, что она не дышит. Я подхватила ее и стала звать по имени. Встряхнула, потом попыталась послушать сердце. Продолжая кричать, я побежала вниз с ребенком на руках и принялась носиться по гостиной как ошпаренная в поисках ключей от машины. Я искала их несколько минут, но эти минуты казались годом. Проверив все столики и комоды и скинув с кресел подушки, я ненадолго замерла в центре комнаты, прижимая к груди обмякшее тельце ребенка.

Помню, как сняла трубку и позвонила в офис Акина. Я точно с ним говорила, но что сказала, не помню до сих пор. Я бросила трубку, вышла из дома, выбежала на улицу и поймала такси, которое и отвезло меня в больницу.

19

Когда я приехал, Йеджиде сидела в коридоре. Не на скамейке, а прямо на цементном полу. Я увидел ее еще с парковки. Сначала не узнал: она была босиком. По одному только этому признаку надо было сразу понять: случилось что-то очень плохое.

Я подошел к ней, сел на корточки, положил руку ей на плечо и помахал знакомой медсестре.

— Вставай, — сказал я. — С ней все будет в порядке. Что сказал врач?

Я решил, что Оламиду положили в больницу, что врачи уже выяснили, что с ней, и доложили об этом Йеджиде еще до моего приезда.

— Мы должны что-то заплатить? Йеджиде, прошу, встань. Не надо сидеть на полу. Расслабься, с ней все будет в порядке. Младенцы очень крепкие, так говорят. *Ойя*, вставай.

Она таращилась на меня широко раскрытыми глазами. Рот тоже был открыт.

— Йеджиде?

Она заморгала и сглотнула.

Я схватил ее за плечи и встряхнул; она явно была не в себе. Волосы растрепались; я положил

руку ей на голову и пригладил ее кудри.

— А что случилось? Ты говорила с врачами?

— Оламиду увезли в морг.

Моя рука соскользнула с ее плеча, и я рухнул на колени.

— Что значит в морг? — выдохнул я.

— Прости меня, — проговорила Йеджиде и уронила голову на руки, словно боясь, что тоненькая шея не выдержит ее вес. — Прости меня, Акин. Это случилось быстро. Я проголодалась. Решила приготовить завтрак. Не знаю, как это произошло. Прости.

— Нет, — я был уверен, что просто неправильно ее понял. Оламида и морг в одном предложении — такого просто быть не могло. — Погоди, погоди. Успокойся. Оламида… где Оламида?

Она провела рукой по волосам, хлопнула себя по голове и развела руками.

— Ее унесли в морг, Акин. Сказали, что она умерла. Врачи сказали, что моя дочь умерла. Оламида умерла. Они сказали…

Я встал и протер глаза тыльной стороной ладони, потому что все вдруг поплыло. Отошел в сторону и остановился там, где уже не мог слышать ее голос, потом повернулся и посмотрел на нее. Она била себя по голове, но не плакала.

Не кричала, просто била себя по груди, бедрам, лицу.

Не знаю, долго ли я стоял в том коридоре и смотрел на нее, пытаясь осмыслить, что после всего, что нам с Йеджиде пришлось пережить, пытаясь завести ребенка, мы вот так внезапно потеряли Оламиду. Я не думал, что мир может измениться так внезапно. По коридору ходили люди, стучали каблуки, кто-то разговаривал и проталкивался мимо меня. Но я чувствовал себя таким одиноким, будто за те десять секунд, что Йеджиде произнесла «Оламиду увезли в морг», перенесся на необитаемую планету.

В конце концов я вернулся к Йеджиде, взял ее за руки, проводил до машины и посадил на пассажирское место.

До сих пор не понимаю, как мне хватило сил зайти в отделение скорой помощи. Помню, как подошел к дежурной медсестре.

— Я мистер Аджайи, — представился я. — Несколько часов назад привезли мою дочь, Оламиду.

Сестра увела меня из приемной в отдельный кабинет, предложила сесть и выдвинула ящик с картотекой. Положила передо мной документы и спросила, хочу ли я увидеть тело, прежде чем

подписать заключение. Я не сразу понял, что под «телом» она имеет в виду Оламиду. Я покачал головой, потому что говорить не мог, и начал подписывать документы. Я их не читал, просто искал место для подписи на каждой странице и ставил подпись.

Когда я встал, медсестра выразила соболезнования и заверила меня, что врачи сделали все возможное, но ребенок был уже мертв по приезде в больницу. Я пожал ей руку и поблагодарил за работу.

В машине Йеджиде сидела неподвижно, как камень; лишь когда она моргнула, я понял, что она жива. Надо было сказать что-то, чтобы облегчить ее боль, произнести слова утешения. Мне раньше приходилось выражать соболезнования и разговаривать с коллегами, потерявшими супругов и родственников. Мне всегда удавалось найти нужные слова, сказать, что все будет в порядке.

Я сунул ключ в зажигание, вцепился в руль и посмотрел прямо перед собой в лобовое стекло. За окном на залитой солнцем парковке ходили люди, как в любой другой день. Я все пытался придумать, что сказать жене, даже мысленно составил пару фраз. И поскольку хотел, чтобы мои слова возымели действие и утешили ее в горе,

которое я пока сам не мог до конца осмыслить, я повернулся и посмотрел ей в глаза.

Тогда я заметил пятно от грудного молока на ее зеленой блузке. На ней не было бюстгальтера, и пятно расползалось вокруг правого соска. Оно было свежее, маленькое, размером примерно с ладошку младенца. С ладошку Оламиды. И я забыл, что хотел сказать. Глядя, как расползается пятно, я понял, что почву только что выдернули у нас из-под ног и мы повисли в воздухе. Под нами разверзлась бездна, и что бы я ни сказал, предотвратить падение было уже невозможно.

20

Муми сказала, что Оламида была плохим ребенком, злой девочкой, которая предпочла умереть. Я чуть не влепила ей пощечину за эти слова.

Так она пыталась меня успокоить, внушить мне, что Оламида на самом деле хотела умереть и никакая мать не смогла бы это предотвратить. Ее методы утешения не действовали, и она это знала. Я постоянно думала об Оламиде; казалось ужасно несправедливым, что она теперь навсегда останется светлокожей, ее лицо никогда не потемнеет и не будет коричневым, как ушки.

Мне были безразличны опущенные лица скорбящих, заполнивших мою гостиную. Но меня убивало их молчание, почти абсолютное и нарушаемое лишь тихими словами, призванными утешить и ободрить. Мое сердце сжималось от этого молчания. Если бы моя Оламида выжила, вышла замуж и перед смертью успела родить, если бы умерли мы с Акином, скорбящие не стеснялись бы и причитали в голос. Никто бы не закусывал губу и не просил меня забыть, потому что у меня будут еще дети.

Мое нутро сжималось оттого, что я не слышала

криков и причитаний. Все было так организованно. Ни хаоса, ни падающих стульев и вилок; никто не катался по полу, не рвал волосы на голове. Даже муми не приплясывала. Никто не подыскивал слова. Все знали, что сказать: «Не переживай, скоро родишь еще».

На столике с журналом соболезнований не было даже фотографии.

Казалось, никто по ней скучать не будет. Никто не жалел, что Оламида умерла. Они жалели меня, ведь я потеряла ребенка, но до нее им не было дела. Как будто, раз она прожила так мало, ее смерть была неважна — Оламида была неважна. Все вели себя так, будто умерла наша любимая собачка. Я в ужасе сжималась оттого, что люди вели себя так спокойно, будто никакой существенной утраты мы не понесли. Эти чересчур спокойные люди твердили, что, если бы Оламида умерла позже, например накануне выпускного или свадьбы, это было бы намного хуже. Слушая эти рассуждения, я жалела, что не могу закричать, завыть и покататься по полу — одним словом, скорбеть по ней так, как она того заслуживала. Но я не могла. Часть меня, которая могла, осталась в холодильнике морга с Оламидой, чтобы составить ей компанию и умолять простить меня

за то, что пропустила сигналы.

Через пять дней состоялись похороны. Нам с Акином прийти не разрешили; мы так и не узнали, где ее похоронили. Свекровь твердила, чтобы я не смела выведывать, где она похоронена, и шептала, что я никогда не должна видеть ее могилу, потому что тогда мои глаза увидят зло и я испытаю худшее, что может испытать родитель, — узнаю, где похоронен мой ребенок. Я ничего на это не отвечала. Все утро похорон я пролежала на диване в гостиной абсолютно неподвижно в ожидании момента, когда ее маленький гробик опустят в землю. Думала, если замру, то почувствую, когда это произойдет. Я лежала и смотрела на часы, пока циферблат не начал расплываться перед глазами. Время тянулось как в тумане. Смутно помню, как Акин взял ключи от машины и что-то мне сказал. Я осталась лежать, а потом поняла, что уже два часа. Похороны должны были закончиться в полдень. А я за весь день ничего не почувствовала. Лежала неподвижно, как камень, и все равно оказалась недостаточно бдительна. Тогда у меня вырвался крик, короткий и пронзительный, сменившийся кашлем. Я хотела бы кричать дольше, да не смогла. И не смогла пролить ни одной слезинки.

Муми тут же подскочила и погладила меня по голове.

— Ты скоро опять забеременеешь, вот увидишь. Тебе станет лучше, — сказала она, как будто я заболела простудой и мне надо было лишь немного отдохнуть, чтобы поправиться. Я тогда подумала: вот бы она умерла вместо Оламиды. Я отвернулась и не стала говорить, что уже беременна. Стены боли смыкались со всех сторон; я пыталась оттолкнуть их, но они были сделаны из стали и бетона. От меня остались лишь плоть и несчастные кости.

Акин намекал, советовал, уговаривал и наконец настоял, чтобы я вернулась в салон на полный день. Я еще не говорила ему, что беременна.

На самом деле я так ему и не сказала. Когда живот вырос и на него стало невозможно не обращать внимания, он однажды прислонился к дверному косяку на кухне и спросил:

— Ты беременна?

Я достала нож из сушилки.

— Опять? — добавил он, будто вспомнил, что я уже бывала беременна раньше.

Я резала листья талинума[26], крепко вцепившись в нож и напрягая все мышцы, будто разрезала клубень ямса.

— Йеджиде?

Я воткнула нож в деревянную разделочную доску и повернулась лицом к этому человеку, который был моим мужем. Сцепила руки на животе.

— А ты как думаешь, Акин? Скажи, почему, по-твоему, у меня такой живот.

— Почему ты просто не ответишь на вопрос?

— Думаешь, я прячу под платьем тыкву? Поэтому у меня такой живот?

Он почесал бровь и отвернулся, устремив взгляд куда-то поверх моей головы. Я отвернулась.

Он откашлялся.

— Значит, ты беременна?

Он все еще сомневался. Он, видимо, считал, что я совсем повредилась в уме, настолько, что вполне могла спрятать тыкву под платье. Потому он и повторял вопрос: он мне не верил. Было очень жарко, и на мне была длинная футболка до середины бедер. Может, показать ему живот? Даже чуть-чуть разрезать кожу, чтобы он точно

---

[26] Примечания: 26
Суккулентный кустарник, листья которого используют в пищу.

удостоверился, что я не вру? Я выдернула нож из доски и опустила руки. Кивнула.

— Да, — сказала я.

У него вырвался звук, смысл которого я не совсем поняла. Он как будто подавился или пытался сдержать рыдания и вместе с тем был рад. Я посмотрела в окно. Бедра касалось холодное лезвие ножа.

— Мне жаль, что ребенок умер, — сказал он через некоторое время.

— Ее звали Оламида, — выкрикнула я и повернулась, готовая произнести и остальные двадцать имен, что мы дали дочери. Но он уже ушел. На пороге никого не было.

Выйдя на работу, я попросила одну из девушек меня постричь. Та отказалась и посмотрела на меня так, будто я попросила ее отрезать мне голову. Все категорично отказались браться за ножницы, даже Ийя Болу.

— Ты же беременна, — сказала она.

Тогда я сама себя постригла — неровно, кусками. Клиентки в ужасе смотрели на меня. Если бы умер Акин, никто не удивился бы, что я отрезала волосы. Так почему сейчас все разглядывали меня так, будто я сошла с ума?

Мою машину в тот день отдали в сервис, и,

закрыв салон, я пошла домой пешком. Я еле волочилась, ноги казались налитыми свинцом. Я не хотела возвращаться к пустой кроватке, что все еще стояла возле нашей с Акином кровати.

Когда я пришла, Акин был дома. Он работал за обеденным столом. Разложил перед собой листы с белыми таблицами и вносил цифры в калькулятор.

— Что с твоими волосами? — спросил он и отодвинул калькулятор.

— Птица отгрызла, пока я шла домой. А почему еще у женщины могут стать волосы короче?

Он снова взялся за калькулятор.

Я села в кресло, повернувшись спиной к столу.

— Как ты хочешь постричься? — спросил Акин.

— Под ежик, — ответила я, пытаясь отковырять свечной воск с ковра большим пальцем ноги. Ковер был весь в пятнах; я не подметала несколько недель.

Внезапно Акин положил руку мне на голову. Он запустил пальцы в мои неровно подстриженные волосы, и я услышала, как щелкают острые ножницы. Обрезанные волоски падали мне на лицо и прилипали к мокрым от слез щекам. Они щекотали кожу, но я их не смахивала. Я так и

легла спать с прилипшими к лицу волосками и терпела, хотя кожа чесалась и саднила, будто я натерла ее кусочком сырого ямса.

— Иди прими душ, — сказал Акин, когда закончил стричь.

Я не могла встать. Рыдания застряли в груди, и мне стало трудно дышать.

Акин сел рядом со мной на колени и положил голову мне на живот, одной рукой вцепился мне в платье, а другую, в которой все еще сжимал ножницы, свесил с подлокотника кресла. Он никогда бы не признался, что плакал, но в тот день я чувствовала его слезы; они вторили моему горю, пропитали платье, и оно прилипло к животу. Я откинула голову и зарыдала в голос. Я изрыгала проклятия. Кричала. И плакала. Я просила у дочери прощения за свою неосторожность, молилась, чтобы она меня услышала, где бы она ни была. Я рыдала всю ночь и выплакала все глаза. Зато следующую ночь проспала как младенец. Мне не снились тела, разлагавшиеся под землей. Мне вообще не снились сны. Проспав шесть часов, я проснулась, и мне показалось, что слезы смыли мою боль и вину. Тогда я еще не знала, что это невозможно.

21

Сесан родился в среду. Я была на работе, когда отошли воды, и в больницу меня везла Ийя Болу. Ее муж только что купил себе новую подержанную машину и отдал ей свою старую «мазду». Она училась водить и пока знала только дорогу от дома до салона и обратно, но отказывалась вешать табличку «Ученик» на номерные знаки или в другое место. Я села на переднее сиденье и в перерывах между схватками подсказывала, как вести машину. Можно было взять такси, но я разрешила ей себя отвезти. Думаю, подсознательно я считала, что заслуживаю наказания за то, что случилось с моей дочерью.

На имянаречении Сесана людей было мало. Всего несколько гостей собрались в нашей гостиной. Они сидели на стульях, которые мы одолжили у соседей, ели рис с овощами и ушли домой через час после церемонии. Муми даже не пришла. Ее дочь Аринола переехала в Энугу и примерно в то же время родила; за неделю до рождения Сесана муми отправилась в Энугу. Из Лагоса и Ифе не приехал никто. Не было ни живой группы, ни брезентового навеса, ни микрофона, ни ведущего.

Никто не танцевал.

Сесану дали второе имя Иге[27], потому что он родился ножками вперед. Ножки у него были что надо; через несколько недель после его рождения никто не сомневался, что с ножками у моего сына все в порядке. Как всегда бывает, когда в семье появляется ребенок с сильными ногами, с рождением Сесана нашей семье привалила удача. Акин купил четыре участка земли за половину рыночной цены, потому что прежний хозяин оказался весь в долгах и распродавал имущество. Бедному хозяину, конечно, не повезло, но, как часто бывает в жизни, крах для одного оборачивается удачей для другого.

С Сесаном я никогда не теряла бдительности. Акин даже решил, что у меня паранойя. Предупредил, что мой сын никогда не повзрослеет и не женится, так как будет слишком ко мне привязан. Я же недоумевала, как можно быть не привязанным к той, кто кормит тебя грудью, ведь от этого зависит твоя жизнь. Мне казалось, что главная опасность для ребенка — быть недостаточно привязанным к матери или совсем не привязанным. Я была готова пристегнуть Сесана замком к

---

[27] Примечания: 27

Это имя на йоруба, собственно, и означает «родился ногами вперед».

завязкам своего передника и везде таскать его за собой, если понадобится, до скончания дней.

Сесан был спокойным ребенком. Плакал, только когда был голодным, и даже тогда его крики перемежались вежливыми паузами. Иногда я вставала проверить его среди ночи и видела, что он не спит и хохочет, играя ручками и ножками и вполне довольствуясь обществом самого себя. Он никогда не требовал внимания.

Мы купили дом на улице Имо, недалеко от прежнего квартала. При покупке вокруг дома не было забора, но перед переездом мы его построили. Забор был выше крыши; по верху тянулась колючая проволока. Вооруженные ограбления стали частой проблемой в стране, и все в городе возводили заборы. Некоторые были выше тюремных стен. Во всех кварталах теперь улицы по ночам патрулировали дозорные и время от времени палили в воздух из пистолета, чтобы жителям было спокойнее спать. Но грабители пробирались в дома днем и уносили все, что могли, пока их жертвы были на работе. Уходя, я начала оставлять включенным радио, чтобы грабители решили, что дома кто-то есть. Потом заметила, что большинство наших соседей стали делать то же самое, и во всех домах с утра до

вечера радио гудело безостановочно, пока ночью не прекращалось вещание.

Еще до того, как в нашем новом доме выветрился запах краски, я расширила салон и докупила пять сушильных колпаков к имеющимся пяти. Вскоре мы с Акином накопили денег и выкупили двухэтажное здание, где находился салон. И хотя Сесан принес нам удачу, по ночам, засыпая, я думала об Оламиде. А просыпаясь по утрам, прежде чем открыть глаза, видела ее. Она была жива и смотрела мне в глаза, а я кормила ее грудью, и, казалось, она знала меня еще до начала времен.

22

Вскоре после того, как мы переехали в новый дом, Дотун потерял работу в Лагосе и переехал к нам. Точнее, не то чтобы переехал: женатый мужчина с четырьмя детьми не переезжает в другую семью, если только не разводится с женой. Просто однажды он приехал и не вернулся в Лагос. Заявил, что ему нужно время разобраться в себе, прежде чем искать новую работу.

А на самом деле он потерял работу еще год назад и потратил все сбережения на пекарню, которая разорилась через несколько месяцев. После этого он попытался снова устроиться на работу, но требовались только охранники и курьеры, а у Дотуна имелась степень магистра делового администрирования, и он не хотел быть охранником и курьером. Когда последняя пара ботинок протерлась до дыр, он продал свою машину и машину жены, взял деньги в долг и попытался реанимировать пекарню. Но в этот раз его обманули мошенники при обстоятельствах, в которых ему было стыдно признаваться. Все это он сначала рассказал мне и только потом Акину.

В Илешу он приехал, скрываясь от кредиторов.

Но даже когда Акин отдал ему часть своих сбережений, чтобы он расплатился с кредиторами, Дотун не уехал. В первые недели он выпил три ящика местного пива. Он ничего не делал, только выуживал куски мяса из кастрюли с рагу и ни с того ни с сего заявлял, какая я сексуальная, пока я стояла у плиты и готовила ужин мужу, который должен был вернуться с работы.

Целыми днями он пел мне хвалы, подтачивая мое терпение и постепенно обрушивая защиты, пока я не поняла, что мои стальные стены на самом деле — тонкая фанерка. Если бы он просто сказал, что я красивая, я бы удержалась. Акин постоянно это повторял, и, несмотря на годы, в его голосе по-прежнему звучали восхищенные нотки. Но Дотун восторгался идеальным контуром моей груди, круглыми ягодицами и соблазнительным взглядом.

— Ты такая сексуальная, когда у тебя подгорает рагу, — сказал он однажды, сидя с бутылкой пива и глядя на меня.

Я выходила из кухни. Я только что сожгла кастрюлю овощного рагу, которое собиралась подать с рисом на ужин.

Дотун поставил бутылку на пол.

— Особенно когда ты наверху. Ты бежишь вниз,

и грудь колышется вверх-вниз. А я все время вспоминаю те выходные, когда заехал к вам по дороге в Абуджу.

Я не любила вспоминать эти выходные. Это случилось примерно через два месяца после рождения Оламиды. Акину пришлось срочно уехать в командировку в Лагос. Мы с Дотуном остались одни с Оламидой на два дня. Дом был большим, мы редко сталкивались. В субботу мы завтракали, он потянулся и убрал растрепавшиеся волосы с моего лица, потом коснулся моего уха и уже не отпускал. В этот раз все случилось иначе, чем в первый, не украдкой, и он не кончил слишком быстро. Остаток выходных я промучилась от вины и держалась от него подальше, пообещав себе, что это не повторится.

— Я постоянно вспоминаю эти выходные, — сказал он.

Мое сердце забилось быстрее, а соски напряглись. Я порадовалась, что на мне был лифчик с толстым поролоном.

— Послушай, этого больше не повторится.

— Не борись с собой, — ответил он. — Иметь желания нормально.

Я попятилась, хотя знала, что Дотун никогда не осмелится коснуться меня первым. Я должна

была сделать первый шаг; он никогда не станет меня домогаться.

— О чем ты говоришь?

— Когда будешь готова, скажи. Я всегда готов, — ответил он и снова взял бутылку.

Я тогда сказала себе, что он осмелел от выпивки. Он был уже пьян, язык заплетался.

Хорошо, что он говорил об этом спокойно, как о сделке; это помогло мне разобраться, потушило огонь, тлевший в низу живота, и высушило влагу, растекавшуюся между ног.

Надо было сказать, чтобы перестал так со мной разговаривать. Перестал замечать, что грудь у меня осталась упругой, хотя я выкормила двоих детей. Он бы перестал, а если бы я пригрозила обо всем рассказать Акину, точно прекратил бы. Но я не хотела, чтобы он прекращал. Мне нравилось слушать его слова; от них тепло растекалось по телу. Я не доносила Акину о его похотливых речах и не требовала выгнать его из нашего дома; я просто притворялась, что не обращаю на него внимания. А по ночам, пока Акин лежал рядом на животе и храпел с открытым ртом, проигрывала в голове эти слова и вспоминала хриплый голос Дотуна. Я отвозила Сесана в садик и спешила домой.

Голова налилась тяжестью. С каждым шагом, приближавшим меня к комнате Дотуна, тяжесть усиливалась. Он жил в комнате моего нерожденного ребенка, которую я когда-то отдала Фуми. Когда я вошла, он сидел на полу спиной к двери и заполнял анкету о приеме на работу. На полу валялись конверты, почти все были запечатаны и подписаны. Я и не догадывалась, что он пытался устроиться на работу. Думала, он целыми днями только и делает, что пьет пиво и ест мясо из моей кастрюли. Акин сказал, что Дотун останется с нами, пока снова не встанет на ноги.

Почему же он рассказывал Акину о своих грандиозных планах и ничего не говорил об анкетах, которые заполнял каждый день? Я пожалела, что зашла. Мне казалось, что я застала его за очень личным делом; я не хотела такой близости. Он поднял голову. Теперь я уже не смогла бы уйти незаметно. Он смел конверты в кучу, не сводя с меня глаз.

— В чем дело? *Се ко си?* — спросил он.

— Я… ни в чем… ни в чем.

Он встал.

— Что-то случилось? Ты в моей комнате.

— Я пришла… я пришла… Как с работой? Никто еще не ответил?

Он сел на кровать и уронил голову на руки, глядя на кучу конвертов. Он молчал. Наверно, ждал, пока я сниму блузку или сделаю что-то еще, показав, что готова заняться с ним сексом. Я чувствовала себя глупо. Зачем я пришла? Я не умела соблазнять мужчин. Даже тех, которые меня хотели. До замужества я была девственницей.

— На прежней работе меня втянули в мошенническую схему, поэтому уволили. Обо мне пошла дурная слава, теперь никто не возьмет меня на работу. Никто. — Он тараторил, слова будто жгли ему язык.

Я пожалела, что невольно стала свидетелем его терзаний, и ничего не ответила. Я не хотела ничего знать о его тайных муках и боли. Мне было все равно. Я хотела от него только одного.

— Брату я ничего не сказал. И ты не говори. Пожалуйста, — ответил он.

Я кивнула.

— Я ничего не сделал. Просто по глупости поставил свою подпись на документах. А мошенничество организовала женщина, с которой я спал. — Он посмотрел на меня печальным умоляющим взглядом.

Я кивнула. Меня не удивило, что он спал с кем-то с работы: его жена рассказывала, что он

переспал со всеми соседками.

Он вздохнул.

— Жена мне не верит. Считает, что я где-то спрятал деньги и только и жду, чтобы потратить их с какой-нибудь красоткой. — Он рассмеялся. — Хотел бы я, чтобы это было так. Не говори брату Акину, прошу. Ничего ему не рассказывай. Может, мне стоит во всем ему признаться… — Он лег на кровать и закрыл лицо руками. — Мне конец. Мой бизнес разорился. Никто не берет меня на работу. Мне конец.

— Все будет хорошо, — сказала я. Мне хотелось, чтобы он замолчал, хотелось скорее уйти и не слушать, как он изливает душу.

Я села рядом с ним на кровать.

— Ты с отличием окончил университет. Ты что-нибудь придумаешь.

Он рассмеялся. Потом перестал. В тишине раздавались лишь его тяжелые вздохи.

— Спасибо, — сказал он.

Когда я выходила из комнаты, у меня дрожали ноги.

Мы с Сесаном собирались пойти на причастие,

когда я узнала о перевороте Оркара[28]. Сесан недавно начал ходить, но уверенно стоял на ногах и хотел сам спуститься по лестнице. Я вела его за руку и услышала новость по радио, которое мы никогда не выключали. Голос диктора сообщил о свержении режима Бабангиды; я подхватила Сесана на руки, шикнула на него, когда он начал вырываться, и бросилась в гостиную.

Дело было ранним утром, около восьми. Акин спал наверху, а Дотун — в своей комнате, скорее всего, крепким похмельным сном. Мы с Сесаном послушали повтор выпуска новостей, в котором диктор зачитывал сообщение о свержении правительства. Он перечислял обвинения в адрес Бабангиды, и я согласно кивала, но, когда он объявил об отделении от государства пяти северных штатов, я испытала такой сильный шок, что стала ждать повторного объявления, чтобы убедиться, что не ослышалась.

Заиграл военный марш; я развязала платок на голове. Идти в церковь уже не было смысла. Не успела я сложить платок, как вырубили электричество. Я вздохнула: отключение могло продлиться несколько часов и дней, предска-

[28] Примечания: 28

Гидеон Оркар (1952–1990) — нигерийский военный офицер, пытавшийся свергнуть Бабангиду 22 апреля 1990 года.

зать, когда электричество снова появится, было невозможно.

Я отнесла Сесана наверх и попыталась снять его бабочку. Он недовольно закричал, и Акин проснулся.

— Что с ним?

Я отпустила Сесана. Тот подбежал к отцу и встал с его стороны кровати.

— Ты разве не пошла в церковь? — Он прищурился и посмотрел на часы. — Уже почти девять.

— Бабангиду свергли, — сказала я. — Военный переворот.

Акин вскочил и сел на кровати.

— Серьезно?

— По радио передавали, а потом отрубилось электричество.

— Говорил же я Дотуну, что его свергнут! Мутное это дело, с Деле Гивой. — Он опустил стопы на пол. — Невозможно доказать, что это Бабангида, но все это понимают. И разве он не обещал в этом году устроить выборы и восстановить демократию? И где эта демократия?

— Новые говорят то же самое: мол, если бы они его не свергли, он до конца жизни был бы президентом.

— В Нигерии это невозможно. — Акин встал,

а Сесан обнял его за ногу. — Это не какая-то там банановая республика.

— Но кое-что показалось мне странным. — Я подошла к Акину и взяла Сесана за руку; малыш хныкал, пока я снимала с него рубашку. — Что несколько северных штатов выходят из федерации. Сокото, Борно, Кано — других не помню, но их было больше.

— Серьезно?

— Я не поняла. Это же невозможно, так?

Зазвонил телефон. Мы подскочили. После переворота телефон обычно отключался на весь день, мы это уже проходили. Акин снял трубку. Я прислушивалась к его словам и пыталась додумать, что говорила его сестра. Они общались недолго; Акин заверил ее, что в городе нет беспорядков и у нас все хорошо. Как только он опустил трубку, телефон снова зазвонил. Это была Аджоке, жена Дотуна.

— Просит нас помолиться, — сказал Акин, закончив разговор. — В Лагосе стычки. С улицы слышны выстрелы.

— Господи, у нее же дети. Они целы?

— Да, но она боится. Стреляют громко. — Акин прижал ладонь ко лбу. — Думаю, с ними все будет в порядке. Вряд ли они станут стрелять в

гражданских.

Я села на кровать, представив Аджоке с детьми, в страхе забившихся в угол.

— Да поможет им Бог.

— Если они все еще сопротивляются, Бабангида никуда не уйдет.

— Скажи Дотуну, что Аджоке звонила.

— Да, сейчас. — Он усадил Сесана на спину, и они вышли из спальни.

— На кухне завтрак, — крикнула я вслед. — Я сделала мойн-мойн[29].

Я осталась в спальне, тревожась о том, что ждет нас в ближайшие несколько дней. Чем больше я об этом думала, тем сильнее надеялась, что Бабангида удержит власть: не потому, что мне нравилось, как он правил страной, а потому, что свой черт ближе. Если к власти придут очередные военные и отделят северные штаты, не пройдет и нескольких недель, как опять начнется гражданская война.

Акин что-то крикнул, и я вышла на лестницу.

— Что ты сказал?

— Дотун привез с собой радиоприемник, — сказал он. — Он не может его найти. — Акин стоял в

---

[29] Примечания: 29

Бобовый пудинг, одно из самых популярных нигерийских блюд.

центре гостиной; Сесан сидел у него на плечах и пытался дотянуться до потолка.

Я спустилась. Дотун, как обычно, копался и никак не мог найти приемник и батарейки нужного размера. Когда он наконец его включил, на всех каналах играла инструментальная музыка, то есть ничего еще не выяснилось и никто не решался возобновить обычное вещание. Дотун выбрал радиостанцию с классической музыкой. Мы сидели молча, слушали музыку и ждали новостей. Внезапно музыка затихла, и я решила, что сели батарейки, но потом раздалось потрескивание, и мы услышали обращение:

> Говорит генерал-лейтенант Ганди Тола Зидон. Сообщаю, что восстание подавлено. Сохраняйте спокойствие и ждите дальнейших объявлений. Спасибо.

Дотун позвонил Аджоке и детям и поговорил с ними. Потом мы продолжили слушать радио, пока не сели батарейки. Последовали новые объявления, речи и передачи, и мы узнали, что пролилась кровь, но в стране ничего не изменилось.

Ийя Болу теперь платила мне за аренду. Когда

я выкупила здание, она решила не закрывать салон, и в первый день месяца ее муж исправно вносил плату. У нее почти не было клиенток, и без помощи мужа она не смогла бы позволить себе аренду. Но закрывать салон она не хотела.

— Не могу же я просто сидеть дома, — говорила она, когда я предлагала ей расстаться с убыточным предприятием. — Позволь мне просыпаться и приходить сюда, пока я не найду другую работу.

Она по-прежнему все время просиживала у меня, и я даже стала запрещать клиенткам садиться в ее кресло, а про себя называла его «креслом Ийи Болу». Днем ее дочки приходили из школы, обедали в ее салоне и там же делали уроки. Если заходили ко мне, она всякий раз прогоняла их одними и теми же словами: «Идите читайте книжки».

— Эта Болу станет врачом с Божьей помощью, — говорила Ийя Болу, когда ее дети недовольно выходили в коридор.

Мои клиенты обычно говорили «аминь», когда Болу с сестрами скрывались за дверью. Но однажды моя постоянная клиентка тетя Садия вместо «аминь» рассмеялась, когда Ийя Болу в очередной раз выпроводила дочь и заявила, что

та станет врачом.

— Чего смеешься? — нахохлилась Ийя Болу. — Что смешного?

Я снимала тете Садии наращенные локоны и острым лезвием отрезала нити, на которых держались длинные искусственные кудри. Глядя в зеркало, она ответила:

— Твоя желтокожая дочь? Ты что, не видишь? Скоро она станет красоткой. Думаешь, парни оставят ее в покое?

Она произнесла слово «красотка», будто речь шла о дурной привычке Болу, о чем-то, граничившем с преступным поведением, за что однажды девочка должна была понести наказание по справедливости.

Ийя Болу подошла и встала рядом со мной, раскинув руки.

— И что же теперь, если Болу красива, ей и читать нельзя? Нельзя пойти в университет?

Тетя Садия улыбнулась, глядя в зеркало.

— Скоро ее груди нальются, как сладкие апельсины, и у всех мужчин при виде нее будет стоять солдатиком. Вот увидишь, скоро она забеременеет. Тогда поймешь, о чем я говорю.

— Боже упаси, только не моя дочь. — Ийя Болу наклонилась к тете Садии и повысила голос: —

Моя дочь пойдет в университет.

Я смотрела на тетю Садию и ждала, что та извинится или скажет что-нибудь, чтобы успокоить Ийю Болу. Но та молчала.

— Ничто не мешает девушке быть красивой и учиться, — наконец проговорила я и похлопала Ийю Болу по плечу. Я закончила снимать кудри и подозвала стилистку, чтобы та расплела тете Садии косички.

Я подошла к углу салона, где Сесан спал в колыбельке, взяла его ручку и несколько секунд ее подержала, ощущая успокаивающий ритм его пульса.

— Я просто говорю, что никто не устоит перед солдатиками. Вот даже ты, ее мать, не родила бы ее, если бы устояла. — Тетя Садия развернулась вместе с креслом и улыбнулась Ийе Болу. Других извинений от нее было не дождаться.

Ийя Болу покачала головой:

— Моя дочь станет врачом. После этого может развлекаться с солдатиками сколько душе угодно.

— Что ж, тогда пусть становится врачом прежде, чем солдатики до нее доберутся. Впрочем, если они доберутся до нее сначала, а потом она станет врачом, мир не рухнет. — Тетя Садия рассмеялась

и хлопнула Ийю Болу по руке. — Слава богу, эти солдатики не убивают.

Ийя Болу расхохоталась.

— Если бы эти солдатики убивали, кое-кто из нас давно бы умер. Слава богу, что пестик не убивает ступку. Иначе как мы смогли бы наслаждаться чудесным толченым ямсом?

— Наш Господь велик, Ийя Болу. Знаешь, когда солдатик спит, весь такой мягкий, он совсем не вызывает уважения. Но когда он встает, — тетя Садия встала и вытянулась по швам, показывая, как он встает, — и твердеет — вот так, — я благодарю Господа, что сделал его таким.

Ийя Болу захлопала в ладоши.

— За эту твердость мы ценим его и уважаем, о *джаре*.

— Ну не правда ли? — Тетя Садия села. — Что делать с мягким пестиком? Он даже ямс толочь не может.

От этих разговоров мне стало не по себе. Я вспомнила прошлый раз, когда мы с Акином занимались сексом, и захотела расспросить об этом тетю Садию. Мне казалось, что она похлопает меня по руке и ответит прямо. Но я закусила губу; я была не из тех, кто обсуждает свою личную жизнь с женщинами в парикмахерской.

Стилистка расплела тете Садии косы. Я подошла и расчесала ей волосы.

— Что вам сегодня сделать? — спросила я.

— Мадам, почему у вас такое лицо? Вас не кормили ночным толченым ямсом?

— Не обращай на нее внимания — вечно она строит из себя невинность. Но все она умеет, и вот доказательство. — Ийя Болу кивнула на колыбельку Сесана.

— Мадам, какую прическу вам сделать? — повторила я.

Тетя Садия пристально на меня посмотрела, по-прежнему улыбаясь краешком губ. Я занервничала под ее взглядом и испугалась, что она и дальше будет говорить о сексе.

— Ладно, — сказала она, — сделай локоны и зачеши все назад.

Я начала намазывать ее волосы помадой, радуясь, что она сменила тему. Перебирая мягкие пряди ее волос, постаралась не думать о вопросах, которые хотела задать.

Я разделяла волосы на пряди, а она улыбалась мне в зеркале.

— Знаю я таких, как ты. Строят из себя Деву Марию, а за закрытой дверью спальни вспыхивают огнем.

Я закусила нижнюю губу и ничего не ответила.

23

Примерно через месяц после того, как Сесан начал ходить в начальную школу, Акин повез его в больницу на плановые анализы. Таким уж Акин был человеком: на каждый день рождения Сесана покупал ему несколько сотен акций, завел детский сберегательный счет и каждый месяц со дня нашей свадьбы вносил на него деньги на образование, а раз в год ходил на диспансеризацию и к зубному. Поэтому я ничуть не удивилась, когда сын пришел домой и с гордостью продемонстрировал невидимое пятнышко на пальце, откуда у него брали анализ крови. Было больно, но он не плакал. Я поцеловала палец и сказала, что он самый храбрый мальчик на свете. Сесан побежал в комнату Дотуна, чтобы похвастаться и перед ним.

Когда пришли результаты анализов, Акин как раз уехал в Лагос провести несколько встреч и должен был вернуться через две недели. Я сама отправилась в больницу за результатами. Больницы я ненавидела уже тогда. Запах антисептика въедался в ноздри и потом долго не давал мне покоя. Жуткие белые халаты и платья напоми-

нали похоронные саваны. Повсюду можно было наткнуться на кровь, даже там, где не ждешь. Крики боли и горя разносились по коридорам. Хотелось скорее уйти.

— Мадам, где ваш муж? — спросил доктор Белло, не успела я сесть.

— Уехал. Он в Лагосе, — ответила я.

В крошечном кабинете пахло йодом.

— Думаю, лучше обсудить это с ним.

— Что?

— Я сказал, лучше обсу…

— Я слышала. Это мой сын — и вы не отдадите мне результаты его анализов? Почему?

— Хорошо, мадам, сядьте, пожалуйста, — сказал он и подвинул свое кресло. — Но вы должны сказать мужу, чтобы он потом пришел ко мне.

— Хорошо, — ответила я и в тот момент поняла, что он не собирается рассказывать мне все.

— Итак, мадам, по поводу анализов вашего сына… Вы знаете, что такое красные кровяные клетки?

Я поискала в закромах памяти и попыталась вспомнить школьные уроки биологии. На ум пришел только мистер Олаийю, учитель биологии; штаны были ему велики и несколько раз падали, внося разнообразие в скучные уроки. Но

про кровяные клетки я ничего не помнила — ни про красные, ни про зеленые, ни про синие. Я покачала головой.

— Красные кровяные клетки доставляют кислород к…

— *Ога*[30], доктор, просто скажите: что-то не так? Что-то не так с моим сыном? — Я не собиралась выслушивать урок биологии. Да и сердце билось так быстро, что, казалось, я умру, прежде чем врач доберется до сути проблемы; ему стоило поторопиться.

— Вы слышали о серповидноклеточной анемии?

Сердце замерло. Мысли замерли. Все органы в моем теле замерли. В кабинете стало нечем дышать.

— Да.

— У вашего сына серповидноклеточная анемия.

— Нет, — выдохнула я, — боже, нет. — Следующие сутки я повторяла эту фразу — то сквозь зубы, то шепотом.

— Мне очень жаль. Но заболевание не смертельное. Однако вы должны кое-что знать. Во-первых,

---

[30] Примечания: 30

Уважительное обращение к старшему мужчине: «вождь», «начальник» (*йоруба*).

нужно привести его на полное обследование…

Губы врача продолжали шевелиться и произносить слова, но те огибали уши и не проскальзывали внутрь. Когда он замолчал, я встала и вышла из кабинета. Несколько раз роняла ключ, прежде чем отперла машину. Было два часа дня. Я поехала за сыном во францисканскую начальную школу, находившуюся тут рядом, через дорогу.

Я вывела его из класса. Он хотел сам дойти до машины, но я понесла его на руках, крепко прижимая к груди, пока он не вскрикнул. Тогда я прижала его еще крепче. Всю дорогу домой я оглядывалась на него, надолго отрывая глаза от дороги, хотя это было опасно. Он рассказывал что-то про школу; он все еще путал слова. Школа ему нравилась. Он улыбался, размахивал руками, рисовал круги в воздухе. Подпрыгивал в креслице и болтал. Я пыталась его слушать, пыталась понять, о чем он так увлеченно говорит, но ничего не слышала. Я могла только смотреть на него. На его грязные ноготки, коричневые щечки с ямочками, желтые шортики и рубашку с пятнами от травы. Он был самым прекрасным в мире малышом. Мне хотелось спрятать его обратно в живот и беречь от жизни, больниц, накрахмаленных белых шапочек и медицинских халатов.

— Мама, что случилось? — спросил Сесан и протянул мне связку ключей. Он выглядел недовольным.

— Ничего, — ответила я, когда мы зашли в дом.

Я покормила его обедом, помогла сделать уроки. Он стал смотреть телевизор, а я — на него. Потом я покормила его ужином и искупала. Села на ковер и смотрела, как он сидит перед телевизором, пока он не уснул на диване в гостиной. Тем вечером я не заставляла его лечь спать пораньше.

— Почему ты плачешь? — спросил Дотун. Он только что вернулся домой.

Я дотронулась до щек. Они были мокрые. Долго ли я плакала?

— Он тоже умрет. Сесан умирает. — У меня чуть не вырвался нервный смешок. Я сжала губы, чтобы этого не случилось. Начав смеяться, я бы уже не смогла остановиться.

Дотун подбежал ко мне, приложил ухо к груди Сесана, сел возле меня и нахмурился.

— С ним все в порядке. — От него пахло алкоголем и сигаретами.

— У него серповидноклеточная анемия. — Меня прорвало. Я не засмеялась, а заплакала. Слезы застилали глаза и забивали нос. Я слышала лишь

свои всхлипы. Они заглушали мягкое посапывание Сесана. А я должна была слышать это посапывание. В этих звуках была вся моя жизнь. Я подползла к дивану и прислушалась. Но мои всхлипы оказались громче, а из-за слез я ничего не видела. Я почти не видела сына. Всхлипы заглушали посапывание Сесана, поглотив меня целиком.

— Все в порядке. С ним все в порядке. — Дотун погладил меня по шее. Его прикосновения успокаивали.

Потом он обнял меня за талию. Я падала, тонула в своих рыданиях.

Он обнял меня, его губы шептали, что все будет в порядке.

Я поцеловала его и проглотила это «в порядке». Успокаивающие слова слетели с его губ, а я их подхватила, проглотила и сохранила внутри себя, в том месте, где после смерти Оламиды осталась зияющая пустота. Я нуждалась в этих словах. Я получила их. А потом мне захотелось большего, я поняла, что нуждаюсь в большем, лихорадочно жажду большего. Еще. Еще. Еще.

Я жаждала его языка, его рук, жаждала снова ощутить в себе его твердость.

Когда он обмяк, мне все еще было мало. Жажда

только усилилась.

Он скатился с меня. Я подползла к дивану, опустила щеку рядом с головкой сына. Тот лежал с закрытыми глазами.

Видел ли он нас? Как я могла сделать это у него на глазах? Видел ли он нас? Если видел, пусть решит, что это сон, взмолилась я. Боже, прошу, пусть он так решит. Пожалуйста. Умоляю.

Я сидела с ним до рассвета, так и не одевшись, слушала его сопение и ненавидела себя за то, кем стала.

24

Меня всегда учили: главное, что я могу дать сыну, — лучшее образование, которое можно купить за деньги. Я свято в это верила и была готова ущемлять себя во всем, лишь бы дать Сесану хорошее образование. Я благоговела перед учеными степенями и их обладателями. Мне казалось, что образования не может быть слишком много. Как только я почувствовала, что Сесан готов учиться, я записала его в лучшую начальную школу в городе — католическую, где ему, помимо всего прочего, привили бы страх перед Богом.

На следующий день после того, как мне сообщили о его диагнозе, мне захотелось оставить Сесана дома в кровати, кормить его, обмахивать веером и всячески за ним присматривать. Мне вдруг стало плевать, что мой сын не будет знать, сколько будет дважды два, что он никогда не заговорит по-английски без сильного иджешского[31] акцента, от которого так и не сумели избавиться некоторые его тети и дяди. Мне стало все равно, что он не выучится на инженера, адвоката или

---

[31] Примечания: 31
Иджеша — субэтнос народа йоруба, проживающий в Илеше.

бухгалтера, как его отец. Теперь меня интересовало лишь одно: чтобы он выжил; решила, что, даже если до скончания дней он будет сидеть без работы, меня это вполне устроит.

Ночью Дотун укрыл меня покрывалом. Потом ушел из дома, не сказав куда. Я и не спрашивала. Когда в щель между шторами просочился солнечный свет, я завязала покрывало на груди и разбудила сына. Пора было готовиться к школе. В тот день я его отпустила, хотя не хотела терять из виду, потому что мать поступает не так, как хочет, а так, как лучше для ребенка.

По дороге в школу я держала руль трясущимися руками. Стоя на парковке, смотрела, как он бежит в класс. Сын даже не обернулся.

Я выехала на окружную, припарковалась у здания суда возле королевского дворца и пошла в публичную библиотеку. Там не было ни одной книги по серповидноклеточной анемии. Я стала читать учебники по биологии. Прочла о составе крови, красных кровяных клетках и гемоглобине. Я читала учебники почти до двух часов, когда настало время забирать Сесана из школы. Вечером я переселила его из его комнаты в нашу с Акином спальню. Решила, что он будет спать рядом со мной и находиться под моим постоян-

ным присмотром.

Дотун пришел в субботу вечером, хотя обычно по субботам выпивал в спортивном клубе, пользуясь членской карточкой Акина. Он не постучал, просто вошел, будто сквозь дверь разглядел, что я сижу на кровати, прислонившись спиной к стене. Я не видела его с того вечера, когда он несколько раз довел меня до оргазма, пока сын спал на диване. До возвращения Акина оставалось несколько дней.

Глаза Дотуна налились кровью, радужку окружали красные белки.

— Давай поговорим, — сказал он, стоя у полуоткрытой двери.

— Уйди, пожалуйста. — Мне не хотелось с ним разговаривать.

Он сел у моих ног. Вид у него был виноватый, извиняющийся и немного напуганный. Он даже не мог смотреть мне в глаза. Он смотрел на мой лоб, будто там показывали кино. Я и не думала, что бессовестный Дотун способен испытывать вину. Я надеялась, что он хотя бы немного раскаивается, ведь я была женой его брата. Но по опущенным уголкам его рта я догадалась, что ему стыдно. Он не производил впечатления человека, который может испытывать стыд; казалось,

это чувство было ему незнакомо, ведь он на все отвечал задорной улыбкой, вечно отпускал неуместные шуточки, при всех ковырял в носу и чесал яйца.

— То, что мы сделали…

— Больше не повторится, — ответила я.

— Я просто… не знаю, что на меня нашло… бес попутал… Акин…

Кажется, он впервые назвал брата по имени без добавления слова «брат» или почетного титула, как полагается при обращении младшего брата к старшему. Не «брат мой», не *«эгбон ми»*[32], не «брат Акин», а просто по имени. Как будто в какой-то момент на этой неделе муж стал ему ровесником; возможно, когда Дотун лежал со мной в гостиной на ковре.

Я наклонилась вперед и взяла его за подбородок.

— Твой брат никогда не должен об этом узнать.

Его губы с опущенными уголками задрожали; он выглядел так, будто вот-вот заплачет. Я зашипела на него, сильнее схватила за подбородок, пока ногти не врезались в кожу, и произнесла:

---

[32] Примечания: 32
Мой старший брат (*йоруба*).

— Хватит трястись, как юбка из бус, о *джаре*.

Возможно, он заговорил из чувства вины или из необходимости оправдать желание, вспыхнувшее в его глазах, как только моя рука коснулась его подбородка; острую потребность, которую он пытался сдержать. Или решил, что я знаю все, что он собирается сказать, все тайны, что Акин прятал от меня, старательно подпитывая мою неуверенность в себе.

Мне не хотелось верить Дотуну, но я не могла отрицать правду, не могла ничего противопоставить его словам и не выглядеть дурой. Дотун не переставал извиняться; я улыбалась и твердила, что все в порядке. Наконец он закрыл рот и вышел из комнаты, повесив голову, как осужденный преступник.

Его слова подействовали на меня как удар по голове — перед глазами поплыло, я перестала понимать, где нахожусь. Я бормотала их про себя, пытаясь сложить обрывки фраз во что-то осмысленное. Пыталась сопоставить то, что узнала, с моим собственным представлением о нашем браке и отношениях с Акином с тех пор, как его увидела. Прошлое пролистывалось перед глазами, как старый семейный альбом; мелькали знакомые картинки и подсвечивали то, что

всегда было на виду, просто я никогда этого не замечала. Или не желала замечать.

25

Мы с Акином познакомились, когда я училась на предпоследнем курсе в Университете Ифе. Тем вечером я пошла в кинотеатр «Одудува Холл» смотреть кино с парнем, который купил мне билет и мясо на палочке перекусить во время сеанса. Тогда мы с этим парнем встречались почти каждый день.

Я заметила Акина в очереди за билетами. Он стоял перед нами. С ним была девушка; она что-то сказала, и он улыбнулся. Его темно-розовая нижняя губа контрастировала с коричневой кожей. Мне захотелось коснуться его губ и выяснить, не накрашены ли они. Это желание зародилось где-то глубоко внутри, в месте, о существовании которого я до того дня даже не подозревала.

В кинотеатре мы оказались через кресло друг от друга. Между нами сидела девушка, с которой он пришел, но тем вечером ее словно не существовало, она была как воздух; не существовало даже ее кресла. Я чувствовала присутствие Акина, будто он сидел рядом. Я ела мясо, прожевывая острые кусочки говядины и не запивая их напитком, который захватил мой заботливый кавалер.

— Как ты можешь есть, не запивая, там же столько перца? У меня бы весь рот загорелся, — сказал мой спутник.

Я взглянула на него перед тем, как выключили свет и началось кино, и попыталась вспомнить, кто он и почему со мной разговаривает. Я старалась сосредоточиться на экране, но это было невозможно. Меня тянуло взглянуть на Акина, будто он был металлом, а мои глаза — магнитами; сопротивляться притяжению было невозможно. Он тоже смотрел на меня в тусклом свете киноэкрана. Я всякий раз отводила взгляд, боясь утонуть в его глазах, нацеленных прямо на меня. Скоро кино кончилось; я встала и потащилась за своим спутником, так и не вспомнив, как его зовут; я шла опустив голову и украдкой поглядывала на Акина.

Мой спутник собирался в лекторий и планировал заниматься весь вечер; я сказала, что провожать меня до комнаты необязательно. Он направился к зданию факультета гуманитарных наук, а я — в общежитие Мореми.

Акин пошел за мной. Только ступив на тротуар, я почувствовала, как он коснулся моей руки.

— Тебя подвезти? — спросил он.

— На спине меня понесешь?

Он рассмеялся.

— Не откажусь. Но моя машина припаркована у кинотеатра. Могу подъехать, а можем вместе дойти. Но если предпочитаешь на спине, я не против.

— Нет, спасибо. — Я весь вечер на него заглядывалась, но мозги у меня имелись. Уже перевалило за полночь, он мог быть похитителем.

— Меня зовут Акинйеле, но все называют меня Акин, — сказал он.

Мои ноги почему-то приросли к тротуару.

— Меня зовут Йеджиде.

Он почесал бровь.

— Йе-джи-де. Красивое имя.

Внезапно я утратила способность говорить сложными фразами.

— Спасибо.

— Ты, наверно, заметила, что из-за тебя я не мог смотреть фильм.

— Хочешь, чтобы я вернула тебе деньги за билет? — А! Ко мне вернулся дар речи.

Он улыбнулся:

— Я не против компенсации, но мне нужны не деньги, а номер твоей комнаты. Хочу снова тебя увидеть. Навестить.

— А твоя подружка тоже придет?

— Моя… А, Бисаде. Она была моей подружкой, но между нами все кончено.

Я склонила голову, пряча улыбку.

— И давно?

— С тех пор, как я тебя увидел. С сегодняшнего вечера.

— А Бисаде в курсе?

Он почесал кончик носа.

— Скоро узнает.

— Ф-101, корпус Мореми. Это номер моей комнаты. — Слова сами слетели с языка.

Он потер ладони и улыбнулся.

— Пойдем, я тебя подвезу, — сказал он.

Я пошла с ним к машине — у него был «Фольксваген-Жук», тот самый, что стал моим после свадьбы. Он придержал дверь, а я села.

— Знаешь анекдот про мужчину йоруба, который открывает для жены дверцу машины? — спросил он, когда мы сели.

— Что?

— Говорят, если мужчина йоруба открывает для жены дверцу машины, значит, или машина новая, или жена.

— О, — ответила я как дура.

Мы подъехали к парковке общежития.

— Ф-101, — повторил он и выключил мотор.

Я кивнула, пытаясь не пялиться на его губы. Ничего не вышло. Мои губы разомкнулись. В машине стало тихо. Я шумно дышала ртом. Когда он коснулся моего подбородка и повернул к себе мое лицо, вопросительно посмотрев мне в глаза и прося разрешения, я могла бы убрать его руку. Но я не убрала. Меня затянуло его силовое поле. Его губы коснулись моих.

Это был мой первый поцелуй.

Нет, я и прежде глотала слюну мальчишек, беспощадно впивавшихся в меня губами, и недоумевала, почему под каждым деревом в кампусе по вечерам студенты подвергают друг друга губной пытке. Но только теперь, когда губы Акина коснулись моих, я поняла, зачем они это делали. Его губы остановили время. Его язык поддразнивал мой, пока они не сплелись в танце. Когда он отпрянул, я забыла свое имя; я забыла обо всем на свете.

— Завтра тебя навещу, — пообещал он.

Пошатываясь, я вышла из машины и поднялась по крыльцу общежития Мореми.

Назавтра он приехал, сел на мою кровать, отклонился назад и уперся затылком в деревянную панель вдоль стены. Он выглядел как у себя дома, будто каждый день приходил сюда и садился

на мою кровать. Мне стало неловко. Он молчал и смотрел на меня, на его губах играла улыбка. Мне хотелось заполнить молчание словами. Молчание казалось бездной, способной всех нас проглотить. Я считала своей задачей заткнуть эту смертельную бездну словами и спасти мир. Я рассказала ему о себе, хотя он не спрашивал. Он выпрямился и наклонился вперед, впитывая каждое слово. Он слушал меня так, будто я произносила вечные истины.

Акин умел слушать и концентрировать взгляд и слух на говорящем так, что тому казалось, будто он произносит что-то очень важное, даже жизненно важное. В десять вечера — слишком скоро — ему пришлось покинуть общежитие вместе с другими гостями мужского пола. Я проводила его до машины и поняла, что он провел в моей комнате четыре часа, а я так о нем ничего и не узнала, кроме его имени. Но мне почему-то казалось, что я знаю его хорошо.

Позже я поняла, что Акин умел прятаться, выуживая из окружающих всю подноготную. Многие считали его лучшим другом. Люди, называвшие его лучшим другом, зачастую даже не знали его, но сами об этом не догадывались. Я понимала, что Акин никому не позволял себя

узнать, и поэтому чувствовала себя особенной.

Мы сблизились, и теперь уже он говорил по четыре часа без остановки. Мне казалось, что меня пригласили в эксклюзивный клуб, куда лишь мы с Дотуном имели доступ. Лишь потом, много позже, я поняла, что Акин умеет разговаривать часами, толком ничего о себе не рассказывая, и таким образом внушает человеку убеждение, что тот принадлежит к его близкому кругу.

Я рассказала Акину о своем плане. Этот план возник у меня в первый день обучения в средней школе. Ийя Абике, на тот момент самая молодая и любимая жена отца, взглянула на меня в новой школьной форме и сказала, что ходить в школу мне смысла нет, так как я стану шлюхой, как моя мать, и залечу от мужчины, который никогда на мне не женится. Другие жены молчали, и я понимала, что Ийя Абике, имевшая статус любимой жены, выражала всеобщее мнение и была уверена, что, если я нажалуюсь отцу, ей все сойдет с рук. До того дня я хотела стать парикмахером и после окончания средней школы пойти в ученицы к местной хозяйке салона. Но в тот момент решила, что пойду в университет, останусь девственницей до брака и после брачной ночи отправлю отцу простыню с пятнами крови

в подтверждение своей невинности. Даже тогда этой традиции мало кто придерживался, но я решила поступить именно так и утереть мачехам нос этой простыней, когда время придет. Этот план стал моим манифестом, условием, о котором я говорила всякому, кто хотел быть со мной, и отступать от этого условия я не собиралась. Но с Акином мне самой пришлось просить пощады. Хотя мы поцеловались всего пару раз до того, как он предложил мне стать его девушкой, я уже тогда поняла, что не устою перед его розовыми губами.

Он согласился подождать.

Но оказалось, все было зря. Незадолго до нашей свадьбы мой отец умер. Мачехи под каким-то предлогом в церковь не пришли, хотя от традиционной свадебной церемонии отвертеться не получилось: она проходила на семейном участке. Когда я вернулась домой после свадебного приема и стала ждать гостей со стороны Акина, которые должны были за мной прийти, я обнаружила, что в доме пусто. Никто из родственниц не сопроводил меня в Илешу, никто из сводных сестер не составил компанию в первый вечер супружеской жизни. Я как будто была сиротой; как будто у меня не было никого.

Вечером, когда Дотун зашел ко мне в спальню, не постучавшись, и сказал то, что всегда было на виду, но я этого не замечала, а потом ушел, повесив голову, как осужденный преступник, я снова ощутила полное одиночество, как в день своей свадьбы.

Я разбудила Сесана.

— Расскажи мне про школу, — сказала я.

— Уже пора в школу, мама? — сонно спросил он.

— Нет, я просто хочу поговорить. — Мне надо было услышать его голос — голос сына, единственного человека, который был всецело моим. Наше родство было неизменным и непоколебимым. Я — его мать; я знаю его, он не сможет предать меня, как Акин. Не сможет обмануть меня, а даже если обманет, я всегда останусь его матерью.

— Я спать хочу.

— Садись. — Я усадила его на колени и крепко обняла. — Скажи, с кем ты больше всех дружишь в классе?

— Мама, не хочу, — закапризничал он и вырвался с удивительной силой. Перекатился на бок и уснул.

Одиночество накрыло меня покрывалом.

26

Когда Йеджиде сообщила, что у Сесана серповидноклеточная анемия, я был в номере отеля в Лагосе где-то в районе Икеджа. Если бы я мог, я уехал бы в Илешу в ту же минуту, но на следующие дни у меня были назначены деловые встречи. Когда Йеджиде сказала, что доктор Белло хочет со мной поговорить, я решил, что он хочет обсудить варианты лечения. Тогда я мало знал об этой болезни и не испугался, как Йеджиде: по телефону ее голос казался очень встревоженным. Я верил в медицину и думал, что за деньги все можно вылечить. Я готов был заплатить сколько угодно, все, что у меня было.

Вернувшись в Илешу, я в тот же день пошел на встречу с доктором Белло. Даже домой не заехал, а сразу отправился в больницу. Доктор только что вернулся с обхода; я ждал его у кабинета.

— Вы меня не помните? — спросил он, отпирая дверь.

Я попытался вспомнить, где мы могли видеться, но не смог.

— Нет, — ответил я, зашел вслед за ним в кабинет и сел на предложенный стул.

Он снял больничный халат и накинул его на спинку стула.

— В прошлом году я приходил в ваш банк за кредитом; вы очень мне помогли, — ответил он. — Точно не помните?

— Простите, нет, — ответил я.

Он закатал рукава.

— Ну ничего. Ваша жена сказала, что вы были в Лагосе. Как съездили?

— Отлично, очень хорошо. Спасибо, что спросили.

Он глубоко вздохнул.

— Полагаю, жена сообщила, что у Сесана серповидноклеточная анемия?

Я кивнул и решил, что он сейчас расскажет, что можно сделать, вооружит меня знаниями о болезни и выдаст список правил, которым нужно следовать.

— Не буду ходить вокруг да около, сэр. Думаю, вам надо поговорить с женой. — Он снял очки и начал протирать носовым платком стекла. — В тесте на генотип, который мы провели вашему сыну, обнаружились некоторые… расхождения.

Я подвинулся на край стула и приготовился слушать; на миг даже понадеялся, что доктор нашел ошибку в результатах анализов с тех пор,

как Йеджиде у него побывала, и сейчас скажет, что наш сын здоров.

— Позвольте сначала объяснить, что такое серповидноклеточная анемия. Это наследственное заболевание, которое проявляется у ребенка, если у обоих родителей присутствует хотя бы один ген серповидных клеток. Например, у вашей супруги так называемый AS-генотип, то есть у нее присутствует ген серповидных клеток, но всего один, поэтому у нее самой нет этого заболевания, но она является носителем гена. Она может передать его детям, но ребенок заболеет лишь в том случае, если второй родитель — отец — тоже является носителем. Другими словами, нужны два родителя с AS-генотипом или один с AS-генотипом и второй с SS-генотипом, чтобы родился ребенок с SS-генотипом. Вы что-нибудь поняли?

Я кивнул.

— Тут-то я и обнаружил расхождение. Я посмотрел вашу карточку, когда анализы Сесана пришли из лаборатории, и выяснил, что только у вашей супруги AS-генотип. Ваш генотип — AA, то есть ваш ребенок не может заболеть серповидноклеточной анемией. Сэр, я говорю вам это как мужчина мужчине, потому что вы очень помогли мне, когда я пришел к вам за кредитом.

Понимаете, что я имею в виду? Сесан — не ваш сын. Это совершенно точно.

У меня подкосились колени. Я закрыл лицо руками и придал ему приличествующее выражение, чтобы встретиться с сочувственным взглядом доктора.

— Это правда? — спросил я. — Вы не сомневаетесь? Значит, она мне изменяла? Вы серьезно? Ошибки быть не может? О боже! Я ее убью. Богом клянусь, — я повысил голос и стукнул кулаком по столу.

— Успокойтесь, сэр, будьте мужчиной. Успокойтесь, прошу. Будьте мужчиной. Вам надо быть сильным.

Я изобразил ярость, чтобы не вызвать подозрений у доктора Белло. Вел себя так, как и положено вести себя мужчине, узнавшему, что ребенок не его. Ударил кулаком в стену, закричал и вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Но я знал, что Сесан — мой сын. Я любил его. Планировал его будущее, приобрел акции на его имя. Я даже представлял день, когда куплю ему первую бутылку пива. Мечтал, как научу его играть в настольный теннис в спортклубе. Я знал, что это должен делать именно я и никто другой. Никто, кроме меня, не стал бы этого делать. Не-

которые вещи не видно на анализах, а отцовство не просто донорство спермы. Сесан был моим сыном, и никакие результаты анализов никогда бы этого не изменили.

Кроме того, я и так знал, что донором спермы выступил Дотун. Я именно так его и воспринимал — как донора спермы. Дотун никогда не стал бы претендовать на отцовство; именно поэтому я обратился к нему, когда наконец понял, что мне нужен кто-то, кто поможет моей жене забеременеть.

— Брат, что ты такое говоришь? — воскликнул Дотун, когда я изложил ему свой план.

— Всего два дня, брат. В следующие выходные у нее овуляция.

— А Йеджиде? Она согласилась? — У него было такое лицо, будто его сейчас стошнит на зеленый ковер в гостиной его дома.

— Да. — На самом деле я не говорил об этом с Йеджиде, но хотел, чтобы он согласился на мой план; тогда я мог бы спокойно лечь спать и забыть об этом разговоре.

Он встал, подошел к окну и уставился в темную ночь, не освещенную ни звездами, ни фонарями. Его лица я не видел; свеча на столе быстро прогорала.

— Брат Акин… при всем уважении, ты говоришь чепуху. А что, если… Нет. Нет. Я не могу. И не сделаю этого. Это неправильно. — Говоря это, он повернулся ко мне лицом и принялся размахивать руками, как делал всегда, когда волновался.

Я чуть не рассмеялся. Надо же, Дотун рассуждает о том, что правильно и неправильно. Какого черта. Однажды он одновременно встречался с матерью и дочерью, он изменял своей бедной жене направо и налево, в том числе с ее коллегой. И этот человек говорит мне, что правильно и неправильно?

— Я же не прошу ее изнасиловать. Просто переспи с ней один раз, чтобы она забеременела, и дело с концом. Я объяснил, в чем моя проблема. Хочешь, чтобы я умолял?

— Это мерзость. Она твоя жена. Черт, она твоя жена, ты правда хочешь, чтобы я переспал с женой брата? С женой старшего брата? Нет, не могу, должен быть другой выход.

— Дотун, кроме тебя, я не знаю, к кому обратиться. У меня больше нет братьев. Хочешь, чтобы я пошел с этой просьбой к постороннему человеку?

Он ударил кулаком по бедру, стене и выключенному телеэкрану. Его внезапная совестливость

меня удивила. Я не рассчитывал, что он сразу согласится, но никогда бы не подумал, что он будет так терзаться и бояться. А чего он, собственно, боялся? Я не узнавал своего брата.

— Допустим, она забеременеет. А ты разве не захочешь еще детей?

— Если все получится, одних выходных будет достаточно, чтобы сделать одного ребенка. По-хорошему, трех детей мне хватит.

Он заглянул мне в глаза, вгляделся в мое лицо и рухнул в кресло.

— Ты все продумал. Ты уже давно это задумал, да? — в его голосе слышалось обвинение.

— Это ради нее.

— Даже если и так, я не могу. Может, правда лучше обратиться к кому-то постороннему.

Не знаю, зачем я ему все рассказал. Возможно, в глубине души предвидел, что страдания Йеджиде тронут его, а по их объятиям и взглядам — всегда чуть дольше положенного — догадался, что, если бы она сначала познакомилась с Дотуном, а не со мной, все могло бы сложиться иначе. Наверно, я даже тогда подозревал о том, чего так боялся Дотун и в чем он не желал признаваться даже себе самому: что секс с Йеджиде для него будет значить нечто большее, чем секс, потому что он

всегда хотел ею обладать.

Я рассказал ему о чудо-ребенке, о звонке из больницы, о том, как акушерка с курсов подготовки к родам умоляла меня забрать жену. Рассказал о том дне, когда приехал за Йеджиде на курсы, описал ее обиженный взгляд, когда я пытался вывести ее с занятия. Я тащил ее прочь, а она схватилась за металлический шест в больничном коридоре и не отпускала, даже когда ее покрывало развязалось и упало на пол. Она стояла там в одной блузке и кружевной нижней юбке, а покрывало лежало на полу, как сброшенная змеиная шкура. Я описывал все Дотуну, пока он не представил это как наяву. Она не сдвинулась с места, даже когда занятие закончилось и остальные беременные женщины пошли домой. Проходя мимо нее, некоторые ускоряли шаг, а другие и вовсе поворачивались и шли к выходу другим путем, чтобы обойти ее стороной.

— Она сошла с ума? — спросил Дотун.

— Начала ходить к психиатру. Сейчас с ней все в порядке, но, как знать, может, завтра утром она проснется и заявит, что у нее утренняя тошнота.

— Я не могу. — Он встал и снова подошел к окну.

— Дотун, я уговариваю тебя заняться сексом

с Йеджиде, моей красавицей женой. — Я судорожно сглотнул. В горле будто застрял железный кулак.

Брат переминался с ноги на ногу. Его бедра непроизвольно качнулись, и я понял, что мыслями он уже в Илеше, в нашей спальне, трахает мою жену.

— Это отвратительно.

— И что мне делать?

— Брат мой, Йеджиде знает, что ты сейчас здесь?

— Она знает, что я в Лагосе. Дотун, чего ты тянешь? В чем разница между этой просьбой и другими твоими интрижками? Переспи с ней раз пять, и дело с концом. Это просто секс.

— Это просто секс, — медленно повторил он, будто проверяя, правдиво ли звучат эти слова.

27

Акин был недоволен тем, что Сесан теперь спит в нашей кровати, несмотря на поставленный диагноз.

— Я хочу прикасаться к тебе, когда захочу и как захочу. А ребенок уже взрослый, он запомнит, чем мы занимались, — сказал он.

Мне хотелось рассмеяться ему в лицо. А чем мы, собственно, занимались?

— Здоровье Сесана сейчас важнее прикосновений, — ответила я.

Он обиделся, но мне было все равно. Я вообще не хотела, чтобы он впредь ко мне прикасался. Его предательство оставило открытую рану, но мне было недосуг разбираться с этим или конфликтовать. Сесан нуждался во мне, я должна была сделать все возможное, чтобы он жил. Я только зря потратила бы силы, ссорясь с Акином из-за признания Дотуна.

После постановки диагноза я жила на адреналине. Целыми днями читала копии медицинских журналов, которые дал мне врач Сесана. Перед глазами стояли картинки: клетки гемоглобина и серповидные клетки. Я научилась пользоваться

термометром, чтобы мерить Сесану температуру, думала даже выучиться на медсестру. Меня останавливало лишь одно: если бы я пошла учиться, у меня совсем бы не осталось времени заботиться о сыне. Я не раз просыпалась ночью в холодном поту и не могла вспомнить приснившийся кошмар. Я смогла выдохнуть лишь через несколько месяцев: Сесан был здоров, висел на перилах вниз головой и носился по дому без причины. В школе у него все было хорошо, был вторым по успеваемости в классе.

Но первое же обострение лишило меня почвы под ногами. Как-то раз, вернувшись из школы, Сесан пожаловался на головную боль. Я дала ему сироп парацетамола и уложила спать на диване в гостиной. Когда я попыталась разбудить его к ужину, он не отреагировал.

Акин повез нас в больницу. По пути я молилась. «Прошу, прошу, пожалуйста», — умоляла я. Ничего более осмысленного в голову не шло. Машина мчалась по дороге. Мне почему-то казалось, что мы едем не в больницу, а в противоположную сторону.

— Быстрее, быстрее! Давай! Ты хоть знаешь, куда мы едем? — кричала я на Акина.

Я пригрозила Сесану:

— Не вздумай умирать, сын; если умрешь, я тебя убью.

Я выбежала из машины еще на ходу и бросилась к ближайшему корпусу.

Медсестра пыталась забрать у меня Сесана. Я вцепилась в него и кричала.

— Отпусти его, — сказал Акин.

Я позволила сестре его забрать. А когда попыталась пойти за ней, санитар преградил мне путь. Я начала выкрикивать угрозы вслед бедной женщине, кричала, что ей не поздоровится, если с моим сыном что-то случится. Шагала взад-вперед по коридору. Я осталась одна; Акин ушел заполнять бланки для госпитализации. Я снова стала молиться Богу, потом стала угрожать ему: если ты… если мой ребенок… да я… я такое сделаю, обещаю! В тот момент я ненавидела Бога. Жалела, что не могу увидеть его и вцепиться ему в горло. Что я ему сделала? Неужели не заслужила счастья? Он лишил меня матери, Оламиды, а теперь грозится отнять Сесана.

Шли дни, я ни на минуту не теряла надежды и каждый миг дрожала от дурного предчувствия. Приехала муми и всю ночь просидела со мной в больнице. Наутро, прежде чем уйти, напомнила, что я должна быть сильной, потому что я мать.

Я сидела у кровати Сесана и ждала, выискивала малейшие признаки того, что он решил ко мне вернуться. Признаков не было. Я боялась к нему прикоснуться, боялась, что мое прикосновение нарушит его равновесие и он навсегда уйдет от меня в небытие. К третьему дню я стояла на коленях и бормотала слова молитвы, которые не слышал никто, кроме меня: *«Саану ми, мало, Омо ми, джоо нитори Олорун. Саану ми. Дуро тими»* — «Сжалься надо мной, прошу, не уходи. Останься со мной». Я убегала в туалет и быстро возвращалась обратно. Не ела и не мылась.

Он очнулся на шестой день. Я криком подозвала врача, хотя та совершала обход и стояла у соседней койки.

— Мама, ты плохо пахнешь, — сказал сын, очнувшись. Я до сих пор помню эти слова.

Примерно через неделю после выписки Сесана приехала свекровь. Отмахнулась от приветствий Акина и покачала головой, когда я предложила ей воды.

— Это Абику[33], — сказала она, усевшись в кресло. — Я думала о болезни ребенка с тех пор, как навестила его в больнице.

---

[33] Примечания: 33
Злой демон.

— Это просто болезнь, муми, у нее есть название и метод лечения. Это не Абику, — ответил Акин.

Муми фыркнула:

— Метод лечения? То есть его можно вылечить?

— Не полностью вылечить, но лечение есть, — сказал Акин.

— Но вылечить не смогут? Нет! Видишь? Ты качаешь головой. Значит, это Абику. Я в свое время много их повидала. Так устроен мир. Эти дети заключают договор с миром духов; они обещают, что умрут детьми. Знайте, этот договор с миром духов прочнее стали. Думаете, ваши больницы помогут? Надо что-то делать!

Акин схватился за лоб, будто у него начиналась мигрень.

— Это просто болезнь, муми. У болезни есть лечение. Духи тут ни при чем.

— Ты ходил в школу для белых, а я нет. Но я повидала немало вас, ученых, и знаю, что образование не дало вам ума; вы стали только глупее, вы выбираете лечение, хотя есть лекарство, которое решит вашу проблему раз и навсегда!

— Муми, хочешь сказать, что я дурак? — Я чувствовала, что раздражение Акина сменяется гневом.

Муми красноречиво уставилась на него, говоря «да», и повернулась ко мне.

— Поговори со мной, *джаре*, дочь моя. Что скажешь? Предлагаешь сидеть сложа руки и ждать, пока врачи будут лечить мальчика, хотя у них нет лекарства? А ведь есть другой путь. Другой путь, дочь моя! Весь мир знает, что к любому месту можно прийти несколькими дорогами. Но белый человек вас обманул и внушил, что есть только одна дорога. — Она замолчала и гневно взглянула на Акина. Тот смотрел в потолок. — Некоторые дураки поверили белому человеку и даже не потрудились проверить, есть ли другая дорога! Да поможет им Бог.

— Говори что хочешь, муми, — ответил Акин, — но мы не поведем сына к твоим шарлатанам.

— Да вы только посмотрите на этого Акина! Так говорит человек, который не знает, что такое носить ребенка в чреве. Не слушай его, дочь. Ты будешь решать; ты знаешь, каково это — в муках рожать, стоя на коленях! У нашего народа есть поговорка: мать сильнее всех богов. Думаешь, это просто слова? Конечно, ты так думаешь! Никто не знает окончания этой поговорки. Ийя Сесан, напряги уши и дослушай поговорку до конца: мать сильнее всех богов, потому что никто, кроме

матери, не сможет поддержать ребенка в беде! Ты должна решать за сына, ты, не Акин, который хочет уколами вылечить ребенка от Абику!

Зашел Дотун; от него разило алкоголем.

— Муми! Ты здесь!

Сесан высвободился и соскочил с бабушкиных колен. Потянул за подол моего платья.

— Что такое Абику? — спросил он.

— Такая игра, — ответила я.

— Можем поиграть в Абику?

— Нет, это плохая игра.

Дотун вился вокруг муми и напевал детские песенки:

— Черная овечка, есть у тебя шерсть? Черная овечка, есть у тебя шерсть?

— Почему мой сын блеет, как овца? — спросила муми.

— Он поет песенку. Английскую детскую песенку, — ответил Акин.

Муми вздохнула и покачала головой.

— Лягушонок скок-поскок! Лягушонок скок-поскок! — Дотун запел на йоруба, и в этот раз муми не понадобился переводчик.

— Акин, не смотри на меня так. Вели своему брату прекратить.

Муж встрепенулся и принялся отчитывать До-

туна, что тот сидит без работы, и спрашивать, как он планирует это исправить, хотя этот разговор велся уже много раз.

Дотун скакал по нашей гостиной, как ребенок, и продолжал петь песенки. Сесан скакал вместе с ним и подпевал.

— Кто играет в садике? Девочка трех лет. Можно выйти к ней? Нет, нет, нет!

Дотун встал передо мной и в пьяном тумане дернул меня за руку, притянул к себе и схватил меня за грудь свободной рукой. Я пыталась отстраниться, но он не отпускал.

Акин оттолкнул его, и Дотун упал на кресло и рассмеялся.

— Ах, мерзость! — воскликнула муми и схватилась за сердце, словно боясь, что оно выскочит из груди.

— Он пьян, — ответил Акин.

— Моя жена, не злись, — сказала муми.

— Она не злится. Он просто пьян, верно? — Акин повернулся ко мне. Он стиснул челюсти, под кожей перекатывались желваки, будто он скрежетал зубами. Руки сжались в кулаки, вены набухли. Он неотрывно смотрел на меня, хотя свекровь продолжала ему что-то говорить. Он ждал моего ответа, ждал, что я подтвержу: Дотун

пьян, он не сделал ничего плохого. Я села в кресло и подумала, что, если Дотун сказал мне правду, Акин не имеет права злиться. Но у меня не осталось сил; мне было уже все равно, что чувствует Акин. Меня заботило только одно: Сесан. Сын — вот все, что у меня осталось.

28

Я забрала его из школьного медкабинета. Дежурная медсестра была монахиней. Она поехала со мной в больницу. Она держала сына на руках и шептала незнакомые молитвы. Я узнала лишь строки из «Отче наш»: «Отче наш, который на небесах! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое…»

Вскоре ее слова утонули в стонах Сесана. Он извивался, будто пытался вырваться из собственного тела. Для такого малыша в этих стонах было слишком много боли. Когда мы наконец доехали до больницы Уэсли Гилд, он охрип. Я бросилась в приемную, а сестра-монашка спешила за мной с Сесаном на руках. Дежурная медсестра узнала, тут же проводила нас в палату и уложила Сесана на койку. Монашка осталась с нами и продолжала молиться у изножья кровати: «Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день…»

Я встала так близко к койке, как только могла. Хотела слышать голос сына и внимать таившейся в нем невыразимой боли. Я слышала эти стоны уже много раз. Они звенели в моей голове и пре-

следовали меня во снах. Его глаза были закрыты, он свернулся плотным комочком, а врачи и медсестры пытались заставить его вытянуться. Он хныкал и звал меня: «Мама, мама, мама». Сдавленные стоны гвоздями вонзались в сердце. Мне отчаянно хотелось прекратить его боль любым возможным способом. Но я не могла.

«И прости нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим…»

— Миссис Аджайи… миссис Аджайи, пожалуйста, возьмите его за руку.

Я подвинулась ближе к кровати. Сесан вцепился мне в руку; боль придала ему сил, он стиснул руку так, что у меня хрустнули костяшки. Боль в руке — малая толика той, что испытывал он, — была мне только приятна. Я надеялась, что часть его муки передастся через рукопожатие и он от нее освободится.

Я запомнила этот случай, потому что монахиня поехала с нами в больницу. Но в последнее время Сесана клали в больницу так часто, что я уже не считала, сколько раз это было, и не отличала один раз от другого. Но этот остался в памяти благодаря монахине в бежевом капюшоне. Вскоре врачи попросили нас подождать снаружи, и мы присоединились к прочим обеспокоенным

родственникам, сидевшим в приемной или мерящим шагами коридоры, — наши спутники в долине смертной тени, застывшие в ожидании человека в белом, который придет и поведает нам нашу судьбу.

Монахиня взяла меня за руку, отвела на деревянную скамью и села рядом. Мы стали ждать; монахиня молилась, а я размышляла, до какой степени виновата во всем случившемся. Я даже не пыталась избежать чувства вины из-за болезни Сесана: это было невозможно. Я считала, что по меньшей мере наполовину несу ответственность за его боль. Он заболел из-за меня, в этом я не сомневалась. Я передала ему ген серповидноклеточной анемии; мой организм виновен в том, что его система дала сбой. Я не скрывалась от отчаяния и не пряталась от его боли: мне казалось справедливым, что я должна разделить то, чему стала причиной.

Я отказывалась даже думать, что он может умереть. Я верила в Сесана и всем сердцем уповала на него. Убедила себя, что он все переживет: боль, из-за которой он кричал до хрипоты, уколы и обезболивающие, которыми его накачивали. Я ни разу не пожелала, чтобы смерть избавила его от страданий. Я молилась лишь о том, чтобы он

выжил и жил. Врачи сказали, что с серповидноклеточной анемией можно прожить долгую и полноценную жизнь, и я не видела ни одной причины, почему мой сын не сможет это сделать.

Я убедила себя, что он будет жить, потому что он жаждал этого и заслуживал. Мой храбрый мальчик, жизнелюбивый вопреки всему. Но я также знала, что не смогу потерять еще одного ребенка. Даже мысль об этом казалась невыносимой. Я знала, что не переживу потерю.

Монахиня приходила к Сесану каждый день все две недели, что он пролежал в больнице. В день, когда его наконец выписали, Акин решил нести его на руках, но он вырвался и поскакал к машине. Он смеялся, тянул свои маленькие ручки и пытался поймать порхавшую впереди красную бабочку.

29

— Мистер Аджайи. Мистер Аджайи, верно? Очень приятно, — поприветствовал меня врач. — Он реагирует на терапию, вас пустят к нему примерно через час. Я вам сообщу. С вашего позволения.

Я вернулся в коридор, где мы с Йеджиде сидели на скамейке. Она ходила взад-вперед по этажу, сцепив ладони на выпуклом животе.

— *Ойя*, подойди, присядь. С ним все в порядке. — Я обнял ее за плечи и подвел к скамейке. — По пути из туалета я встретил одного из врачей Сесана. Сесан реагирует на терапию — так он сказал. Скоро мы сможем его увидеть. Расслабься, ладно?

— Слава богу, — вздохнула она и обмякла, привалившись ко мне. — Ребенок опять толкался, когда ты ушел.

Я положил ладони ей на живот.

Она усмехнулась:

— Больше не толкается. Извини.

— Так нечестно. — Я подвинулся ближе к Йеджиде, уступая место старику. — Иди домой, позавтракай. Я тут подожду.

— *Лай лай*[34]. Нет уж, я никуда не уеду без сына.

— С ним все будет в порядке, не переживай. Тебе надо поесть, Йеджиде. — Я встал. — Давай принесу что-нибудь из лотков за воротами. Что хочешь?

— Может, хлеба.

— Я мигом.

Проснувшись накануне ночью, мы обнаружили, что Сесан корчится от боли. Приехали в больницу в три часа. Когда я вышел за ворота больницы, еще только рассветало. Большинство деревянных лотков у входа были еще закрыты, и мне пришлось дойти аж до улицы Иджофи, прежде чем я нашел женщину, продававшую свежий хлеб. Йеджиде ела хлеб, когда к нам подошел врач, которого я видел ранее. Мы встали.

— Пойдемте со мной. Надо поговорить, — сказал он.

Йеджиде выронила хлеб, и мы проследовали по коридору за врачом.

Тот остановился и взглянул на ее живот.

— Нет, нет. Только муж, *ма*. Вы пока сядьте, мне надо поговорить с ним. Наедине.

---

[34] Примечания: 34
Никогда (*йоруба*).

— Наедине? Я вам не нужна?

— Нет, мадам. Мне нужно кое о чем спросить вашего мужа. Я его не задержу.

Йеджиде повернулась и зашагала обратно к скамейке, а мы с врачом пошли дальше по коридору и остановились в самом конце. Я все еще слышал ее шаркающие шаги.

— Мистер Аджайи, как бы это сказать. — Он потупился и смотрел в пол, казалось, целую минуту. А когда поднял глаза, они были красные. — Это мой первый педиатрический вызов. Я окончил медицинский только в прошлом году. Старший ординатор тоже была в палате, когда мы бились за жизнь Сесана. Но она ушла в туалет. Ее зовут доктор Булус; кажется, у нее расстройство кишечника. Возможно, стоит ее дождаться. Мне очень жаль.

— Что вы хотите сказать?

Он потер глаза тыльной стороной кисти и вздохнул.

— Мы его потеряли. Мне очень жаль, мы его потеряли.

До сих пор вспоминаю, как он сказал «мы его потеряли», как будто оставался еще шанс его вернуть. Как будто он спрятался в шкафу и мы могли его найти.

Я вернулся к Йеджиде.

— Ему лучше, — сказал я.

— Когда можно к нему?

— Пока нельзя. Они… они хотят понаблюдать за ним еще два часа. Потом будет можно.

Она нахмурилась:

— Два часа? А почему он хотел поговорить наедине?

— У тебя дома есть эведу[35]?

— Эведу? — Она почесала затылок. — Да. А что?

— Он хочет, чтобы ты принесла ему рагу из эведу, потому что… потому что когда… оно питательное, и врач считает, что Сесану будет полезно. *Ойя*, поехали домой.

— Зачем?

— Йеджиде, нам нужно сделать рагу. Все равно в ближайшие два часа мы с ним не увидимся. Поехали скорее, и, когда нас к нему пустят, рагу будет готово.

Она надула губы. Мы пошли на парковку, а она все оглядывалась на отделение неотложной помощи.

По пути домой я размышлял, как сообщить Йеджиде о смерти сына. Мы еще не выехали за

---

[35] Примечания: 35

Джутовые листья, которые используются в кулинарии как зеленые листовые овощи.

больничные ворота, а я уже знал, что это будет самый сложный разговор в моей жизни.

Когда я припарковался у дома, Йеджиде положила руку мне на колено.

— Ты не сказал ни слова с тех пор, как мы уехали. Что случилось? Что сказал врач?

Должно быть, она прочла это в моем взгляде, когда я посмотрел на нее, пытаясь подобрать подходящие слова.

— Что-то с Сесаном, *аби*? Рагу из эведу… ты соврал, да? Хотел, чтобы я уехала из больницы? Что случилось? — Она вцепилась мне в колено. — *Аби*, мой сын умер?

Я не мог соврать и не мог сказать правду; силы покинули меня вместе со способностью говорить. Я просто смотрел на нее.

— Акин? Сесан умер? *Аби?*

Я даже кивнуть не мог. Навалилась страшная слабость и усталость. Я даже не пытался ее обнять, когда она прижалась лбом к приборной доске и заплакала.

На следующий день приехала муми с просьбой. Принесла краткие соболезнования и села возле Йеджиде на нашу кровать.

— Всего несколько отметин, — вполголоса произнесла она, — всего пара ударов кнутом.

— Муми, я же сказал — не надо. — Я не верил своим ушам и был готов выгнать ее из дома.

— Тогда в следующий раз мы будем уверены; когда у Йеджиде родится новый ребенок, мы будем знать.

— Я сказал — нет. Ты глухая? — Я знал обычаи. Мне не надо было объяснять. Тело Абику надо было выпороть кнутом, и, когда он в следующий раз переродится, отметины на теле новорожденного сообщат, что мертвый ребенок вернулся и будет снова мучить мать. Я не хотел, чтобы моего сына пороли; я не верил, что в детей вселяются злые духи. Я вообще никогда не верил в Абику.

— Абику, Абику. Я же говорила, твердила, пока язык не отсох. А ты отвечал — мол, что может знать старуха? Ты мужчина, Акин. Всего лишь мужчина. Что ты можешь знать? Скажи. Ты носил ребенка в утробе? Прижимал его к груди, смотрел, как он умирает? Ты только и знаешь, что свой дурацкий английский. Ничего ты не знаешь. Йеджиде, поговори со мной, о *джаре*. Мне нужно твое разрешение. Ты позволишь провести ритуал? Всего несколько ударов кнутом, всего несколько отметин, и в следующий раз мы будем знать наверняка.

— Да, — ответила Йеджиде и укрылась одеялом

с головой.

— Йеджиде, что за бред? Нельзя ей разрешать.

— Оставьте меня, я спать хочу, — пробормотала она. — Уйдите оба. Прошу, уйдите.

30

На тельце дочери не было порезов, отметин и шрамов — никаких следов прошлой жизни. И все равно ее назвали Ротими. Это имя давали детям Абику, пришедшим в этот мир, чтобы скоро умереть. Ротими — «останься со мной». Имя выбрала свекровь. Раньше я думала, что так называют только мальчиков. Наверное, она выбрала его потому, что это имя можно было поменять, добавив нужную приставку; тогда оно стало бы нормальным и утратило свой несчастливый смысл. Ротими могла стать Оларотими — «богатство остается со мной». Другие имена Абику сложно было изменить подобным образом: Маку — «не умирай»; Кукойи — «смерть, не забирай его». Я проверила каждый дюйм ее тела, даже ладошки и подошвы. Ни пятнышка. Глядя на ее гладкие щечки без единой отметины, я представляла избитое тело Сесана, на котором навсегда остались шрамы. Жаль, что я не могла стереть эти шрамы, как когда-то стирала слезы с его лица. Сначала мне пришлось бы выяснить, где его похоронили и похоронили ли вообще. Ведь его тело могли просто бросить в буше подальше от

города и обитаемых мест.

Теперь я уже никак не могла это узнать. Муми не отвечала на вопросы. Она вообще отказывалась говорить о Сесане, как будто для нее он был дурным сном, о котором следовало скорее забыть и не упоминать. Акину тоже не позволили увидеть его тело и не пустили на похороны, а поскольку муж не согласился на ритуал, он не ездил в Айесо в день, когда Сесана выпороли кнутом.

В день имянаречения Ротими состоялась скромная церемония, на которой присутствовали всего десять человек. Перед обрядом я сняла свою золотую цепочку и трижды обернула вокруг шеи дочери; получилось многослойное ожерелье. Крестик я спрятала под ее белым платьицем. Больше в тот день я ничего для нее не делала. Свекровь искупала и одела Ротими и даже поддерживала ей шейку, пока я кормила ее грудью. Муми старалась быть вежливой, но я чувствовала ее раздраженное нетерпение, хотя мыслями была далеко и представляла, что кормлю моего Сесана. Я все еще пыталась оживить его и отогнать туманные образы, мешавшие мне его увидеть. Муми тоже была таким образом, нелепым призраком; она прижала ладони к моим щекам и вытерла мне слезы, хотя я не плакала. Я просто

хотела спать, свернуться калачиком и видеть сны об Оламиде и Сесане.

— Ради этого ребенка ты должна быть сильной, — повторяла муми, и в конце концов я не выдержала и зажала уши.

В тот же день она уехала, хотя больше маленьких внуков, о которых нужно заботиться, у нее не было.

— Она твоя дочь. Заботься о ней, ты живая, не мертвая, — сказала она и направилась к машине, где ждал ее Акин.

Она не все сказала; в ее глазах читались гнев и презрение. Взгляд осуждал меня за то, что слишком долго горевала, что была слишком слабой матерью для новорожденной дочери и увязла в мире мертвых. Но мне было все равно, что она думала обо мне, ее слезящиеся глаза меня не трогали. Она казалась очередной туманной фотографией, мешавшей мне видеть. Я обрадовалась, когда она уехала, но Ротими начала орать, и мне пришлось брать ее на руки. А если бы муми осталась, она бы ее укачала. Малышка бы замолчала, а я спокойно бы спала и смотрела свои сны.

Я не знала, как мне быть с этой беспрестанно орущей девочкой, которую мы и так каждый день умоляли остаться с нами, всякий раз называя ее

по имени — Ротими, «останься со мной». Пока она сосала мою грудь, я закрывала глаза, чтобы не смотреть на нее. Через день приходила домработница и стирала детские вещи. Мне не хватало сил любить дочь, зная, что я могу ее потерять, поэтому я даже не прижимала ее крепко и даже не надеялась, так как не сомневалась, что и она от меня ускользнет. Я отдала ей свою золотую цепочку и перед выходом из дома оборачивала ее вокруг детской шеи и прятала крестик под одежками, как талисман.

Это случилось утром в понедельник, пока Ротими спала. Она часто спала и во сне почти не шевелилась.

Тем утром температура у нее была не высокая и не низкая; она тихо дышала и иногда покашливала во сне. Может, из-за нее все и случилось? Потому что я хотела быть возле нее и не могла спуститься вниз, к Дотуну? Иногда мне кажется, что если бы я была внизу, у Дотуна, то услышала бы, как к дому подъехала машина. Я бы поспешно оделась и вышла из его комнаты. Но я всегда хотела, чтобы все произошло именно так. В глубине души я всегда добивалась, чтобы Акин нас застал. Мне хотелось заглянуть ему в глаза и увидеть в них взрыв страстей, и в тот понедельник я нако-

нец получила желаемое.

Когда Акин застал нас с Дотуном, я испытала одновременно удовлетворение и разочарование. Разочарование, потому что сердце все равно кольнуло, когда я увидела боль в его глазах. Я зажмурилась, собралась с силами и подняла колени, впуская Дотуна глубже, а сама думала лишь о муже и о том, что он видел: изогнутую спину Дотуна, исступленные движения его бедер и то, как он вздрогнул и обмяк.

Акин стоял на пороге молча и не шевелясь. Дотун скатился с меня и вскрикнул, заметив брата. Потом Акин повернулся, запер дверь и сунул ключ в карман.

Снял пиджак, сложил его и бросил на кровать.

А потом адское пламя вышло из берегов и затопило нашу спальню.

Часть III

31

Илеша,

декабрь 2008 года

Я приезжаю в Илешу незадолго до полуночи. Мы с водителем ездим по отелям и мотелям, но в ту пятницу будто вся страна решила приехать в Илешу. Места находятся только в Айесо, где мне меньше всего хочется останавливаться: слишком близко к дому твоего отца. Но мне надо где-то переночевать, и я снимаю единственный свободный номер в гестхаусе «Бьютифул гейт». Умоляю портье разрешить Мусе переночевать на диване в комнате, которая раньше была общей гостиной, а теперь выполняет роль лобби.

Я устала, но уснуть не могу. Выхожу на балкон и вижу дом твоего отца: он прямо напротив, там, где асфальтированная дорога спускается в долину. Его хорошо видно, потому что, помимо пансиона, это единственный дом, где есть генератор и окна освещены. Возле дома припарковано несколько машин и повсюду полно людей. Хотя с балкона не видно задний двор, я вижу, как

оттуда идет дым. Я должна быть там, следить за кипящим рагу, руководить нанятыми поварами, чтобы те успевали переворачивать жарящееся мясо, пока оно не сгорело. Рис с овощами надо начинать готовить в пять утра, ямс и рагу — в шесть, чтобы все успели поесть до ухода в церковь на погребальную службу. Это задача жены; я выполняла ее много раз, помнишь? Ты хотя бы замечал, как я старалась?

Зачем ты позвал меня на эти похороны? И как узнал, где я? Я-то думала, ты стер меня из жизни, как учитель стирает написанное с классной доски. А потом я получила приглашение по почте: напечатанные буквы просили меня приехать в дом Акинйеле Аджайи. Я смотрю на дом твоей семьи, который когда-то называла своим, и пытаюсь узнать хоть кого-то, хотя бы одного из тех, кого считала родственниками. Но дом слишком далеко. Я вижу людей, но не различаю их лица; любой из этих мужчин может оказаться тобой. На улице натянуты навесы: видимо, остались с поминок, состоявшихся сегодня вечером. Я не планировала являться на поминки и слушать, как вы с братьями поете псалмы, а в промежутках рассказываете о своем отце заготовленную ложь.

Представляю, какие бессмысленные речи ты

сегодня произносил: все обычные банальности, которых ждут от старшего сына. Ты наверняка произносил их с выражением, некоторые гости даже прослезились, тебя слушая. Те, кто не знал твоего отца, должно быть, выплакали все глаза оттого, что мир лишился такого сокровища в нежном возрасте девяноста лет. Мать наверняка тобой гордилась. Как и всегда. Поскольку ты выступал первым, братьям и сестрам уже было не превзойти твое красноречие, даже если бы они готовились год. Я стою на балконе, пока свет в доме твоего отца не гаснет, а потом возвращаюсь в комнату и сразу засыпаю.

Просыпаюсь незадолго до шести. В комнате холодный пол; я успеваю замерзнуть, пока иду на балкон. В твоем доме будто никто и не ложился. Может, ты уехал из Имо и ночевал сегодня здесь? Сажусь на пластиковый стул и жду. Я никуда не спешу; мне не надо собираться, ведь я не пойду на службу.

Около семи приезжает исполнитель орики[36] с маленьким мегафоном. Он встает перед домом и

[36] Примечания: 36

В культуре йоруба исполнитель орики — певец, в древности восхвалявший королей и знать, а сейчас выступающий на свадьбах, похоронах и фестивалях. Орики — хвалебные песни, рассказывающие историю рода.

начинает петь хвалу народу Илеши, к которому принадлежит твой отец. Я выучила эту орики незадолго до свадьбы. Меня учила твоя мать, а я с энтузиазмом запоминала строчки. Она велела разбудить тебя утром и, стоя на коленях, пропеть хвалу твоим предкам. Я же прижалась к тебе и прошептала хвалу на ухо, но ты не любил орики ни по утрам, ни в другое время, и только Сесан с удовольствием их слушал. Певец возносит хвалу семье твоей бабушки со стороны отца. У меня до сих пор сердце щемит от этих слов о людях, которые умерли задолго до нашего рождения.

Когда певец наконец начинает восхвалять твоего отца, на глаза наворачиваются слезы. О ком я плачу — о себе, о тебе, о твоем отце, о минувших годах? А может, просто исполнитель настолько хорош, что не плакать невозможно? Рядом с ним стоит женщина, воздев руки вверх. Я вижу, что она плачет и трясется; покрывало соскальзывает с плеч и падает ей под ноги. Она его не поднимает. Я вытираю слезы, касаясь щек замерзшими пальцами.

Когда выносят гроб твоего отца — с балкона он кажется белым, — раздается громкий плач. Он нарастает, когда носильщики водружают гроб на плечи. Люди стоят по двое-трое и держатся

друг за друга, будто боятся, как бы от горя у них не подкосились колени. Я слышу женский голос, возносящийся над гомоном: «Мой отец, неужели тебя не стало? Неужели ты нас покинул? Ты уже не проснешься? Не попрощаешься? Отец! Отец!»

Носильщики идут к катафалку; впереди шагает одинокий трубач и играет «Встретимся ли мы с тобою?». Исполнитель орики продолжает распевать:

> *Ма дж'окун ма дж'еколо*
>
> *Охун ти вон ба н дже л'орун ни о маа ба вон дже*[37].

Небольшая толпа, собравшаяся перед твоим домом, расходится; люди рассаживаются по припаркованным автомобилям. Те медленно трогаются с места, выстраиваясь в конвой за катафалком. Первым идет пикап, из окна которого высовывается мужчина с видеокамерой на плече. За ним следует катафалк; сирена возвещает, что твой отец покидает квартал, где прожил большую часть сознательной жизни. Он уже не вернется: после службы его похоронят на церковном кладбище в Иджофи. За катафалком

---

[37] Примечания: 37
На небесах нет различий; все едины на небесах (*йоруба*).

следует процессия из автомобилей: блестящие джипы и внедорожники, принадлежащие детям и близким родственникам. Я жду, пока последняя машина скроется за поворотом, и ухожу в комнату.

Я одеваюсь, а ты, наверно, в это время стоишь у свежевырытой отцовской могилы в окружении семьи и священнослужителей. Ты первым из детей бросишь ком земли на крышку гроба. Снова начнутся причитания, и, когда могильщики начнут засыпать могилу землей, даже мужчины пустят слезу. Супружеские пары, что не разговаривали друг с другом несколько недель, возьмутся за руки. Я была слишком потрясена и на похоронах не проронила ни слезинки, но в твоих глазах были слезы, хоть ты и не позволил им упасть. Я держала тебя за руку. Ты шмыгал носом и часто моргал.

Акин, кто будет держать тебя за руку сегодня, пока ты будешь беззвучно плакать?

32

После 1992 года

Когда Дотун впервые переспал с моей женой, я стоял за дверью спальни и плакал. Это произошло в субботу. Фуми уехала к родственникам или куда-то еще, уже не помню. Я должен был пойти в спортклуб. Сначала я решил, что смогу играть в теннис или пить пиво, пока мой брат будет пытаться осеменить Йеджиде. Я все спланировал: к моему возвращению Дотун должен был уже уйти, Йеджиде — одеться, а я бы делал вид, что ничего не знаю.

Но на полпути в клуб я развернул машину и поехал домой. Надеялся, что найду их в гостиной, что они будут сидеть по противоположным углам комнаты и смотреть телевизор. Думал, что Йеджиде может и не оказаться настолько податливой, а Дотун — настолько неотразимым и у меня еще будет шанс сказать брату, что я передумал. Я начал сомневаться в своем плане. Мне было невыносимо представлять, как он касается моей жены.

В гостиной никого не оказалось.

Я мог бы развернуться и уйти, когда под дверью спальни стало ясно, что уже поздно останавливать то, что произошло по моей же воле. Я мог бы спуститься и выйти из дома, но я будто прирос к месту. Размякли кости, и мне казалось, я вот-вот упаду. Я обеими руками схватился за металлическую дверную ручку и прижался лбом к косяку. Слезы покатились по щекам, стоило лишь представить, что происходит за дверью.

Став взрослым мужчиной, я плакал несколько раз, и каждый — из-за Йеджиде. В первый раз — когда она сказала, что считает себя виноватой в смерти матери. «Если бы мать не забеременела мной, она была бы жива», — сказала она, наматывая косичку на указательный палец. Я не знал, что ответить; ее взгляд был полон отчаяния, и слезы обожгли мои глаза. Она моргнула, и отчаявшегося взгляда будто не бывало. Потом она улыбнулась и попросила меня забыть о том, что сказала. «Естественно, я не виновата; дети не решают, рождаться им или нет», — сказала она и выпустила косичку. Она заговорила о чем-то другом, а я утер рукой слезы. Йеджиде притворилась, что их не заметила, а я почувствовал себя свидетелем ее внутреннего конфликта и понял, что она посмотрела мне в глаза вовсе не потому,

что хотела, чтобы я ее успокоил: ее взгляд просто случайно упал на меня.

Через две недели после этого умер ее отец. На похоронах я опешил, увидев, что ее мачехи нарочито встали отдельно от нее, чтобы она стояла у могилы одна, без родственников. Они все перешли на противоположную сторону могилы, и мы с Йеджиде остались вдвоем, как изгои. Я толкнул ее под локоть и спросил, не надо ли пойти за ними и встать рядом, но она улыбнулась и ответила, что они ушли из-за нее и, если мы встанем рядом, они опять уйдут и встанут от нее подальше.

Раньше Йеджиде уже говорила, что мачехи всегда ее травили, но до похорон я никогда всерьез не задумывался, каково ей было расти в семье, где только отец был на ее стороне. Отец, человек, который многократно твердил, что любовь всей его жизни осталась бы жива, если бы голова Йеджиде оказалась меньше и мать смогла вытолкнуть ее и не потерять столько крови. Слезы, которые я чуть не пролил на похоронах, были вызваны не тоской по отцу Йеджиде: я видел его лишь один раз в жизни. Это были слезы сочувствия к одинокой маленькой девочке, которая выросла и теперь, держа меня за руку, бросала горсть песка на гроб отца.

Я знал, что Дотун согласится заняться сексом с моей женой, еще до того, как пришел к нему с этим предложением. Я готовился заранее и полагал, что, когда все случится, у меня не останется эмоций, кроме жалости к Йеджиде. В присутствии брата та пыталась играть роль хорошей снохи, но я знал, что она презирает его и считает его жену несчастной женщиной. Однажды она сказала, что ей не верится, что мы братья. Она не объяснила, что имела в виду, но я и так все понял. Она считала меня Джекилом, а Дотуна — Хайдом. Мне казалось, я буду жалеть ее за вину, которую ей теперь приходилось испытывать. Я-то думал, она сама не рада, что ей пришлось искать утешения в объятиях мужчины, которого она презирала. Я не предполагал, что ей понравятся прикосновения Дотуна. Но в ту субботу вместо того, чтобы испытывать жалость к жене, я плакал от унижения, гнева и безысходности. И Йеджиде была тут ни при чем. Мне было все равно, что она чувствовала в тот день. Ярость сдавила мое горло, как удав; слезы брызнули из глаз, и всякий раз, когда я делал вдох, грудь пронзала резкая боль.

Когда Дотун вышел из спальни, слезы высохли и осталась лишь удушающая ярость. На нем не было рубашки, на ключицах растаявшими

льдинками блестели капли пота.

— Она в ванной, — сказал он, закрывая за собой дверь. — Ты же вроде говорил, что поедешь в клуб. Брат мой, ты в порядке?

Я развернулся, сбежал вниз по лестнице и уехал, пока Йеджиде не догадалась, что я дома. Весь день я колесил по городу и вернулся почти в полночь.

Когда я вошел в спальню, Йеджиде еще не спала. Она подошла и обняла меня, и в тот момент мне впервые захотелось причинить ей боль, сделать так, чтобы она страдала. Дрожащими руками я коснулся ее волос. Я всегда считал, что не заслуживаю Йеджиде, и в тот день, открывая окна, чтобы впустить в спальню свежий воздух, я понял, что никогда не стану мужчиной, который ее достоин.

Следующим вечером Дотун опять поднялся к Йеджиде в спальню, как мы и планировали. Я поехал в спортклуб и попытался съесть острый рыбный суп. Когда я вернулся, Йеджиде лежала в кровати, свернувшись клубком, и бормотала что-то невнятное. Я снял рубашку и майку и обнял ее; она заплакала и стала говорить о той, ложной беременности, о том, как она ни капли не сомневалась, что носила ребенка. «Он

толкался», — говорила она. Покрывая ее лицо поцелуями, я думал лишь о том, что сегодня Дотун спал с ней в этой постели, но все равно успокоил ее и сказал, что она обязательно забеременеет, просто нужно время.

Чтобы зачать Оламиду, понадобилось всего два дня. Согласно моему изначальному замыслу, детей должно было быть четверо: двое мальчиков и две девочки. Раз в два года Дотун должен был приезжать к нам на выходные, спать с моей женой и возвращаться в Лагос. Я всегда считал себя режиссером этого спектакля, думал, что только я решаю, когда им пора удаляться в спальню и делать детей. После Ротими я подумал, что жестоко приводить в этот мир еще одного ребенка, если ему, как Сесану, уготованы страдания. Сказал Дотуну, что сделка завершена. Я никак не мог предположить, что однажды вернусь домой и увижу, что он развлекается с моей женой без моего разрешения.

Когда я их застал, ярость, что сдавливала мне горло с той первой субботы, всколыхнулась и усилила хватку. Я взглянул на Йеджиде, и мне стало стыдно. В ее глазах, когда-то смотревших на меня так, будто я был для нее всем в этом мире, теперь читалось презрение. Она смотрела на меня как

на насекомое, которое ей хотелось раздавить. Она даже не попыталась остановить Дотуна, просто отвернулась. Тогда я понял, что с той первой субботы мой брат занял в ее сердце место, о котором я даже не догадывался. А я-то думал, что мы лишь иногда будем меняться местами.

Я подождал, пока Дотун скатится с нее и увидит меня. Он соскочил с кровати. Я снял пиджак, не спеша сложил его и бросил на кровать. Под рукой не оказалось оружия — ни биты, ни острого ножа. Я подошел к Дотуну, вооруженный лишь бушующим гневом и сжатыми кулаками.

— Брат Акин, погоди… погоди, брат Акин… не впускай дьявола, *эгбон ми*… прошу, не будь… орудием дьявола… погоди! — вскрикнул Дотун, оборачиваясь простыней.

Я рассмеялся; смех вырывался наружу и царапал горло.

— Орудие дьявола? Я? Ах ты ублюдок. — Я ударил его по губам, носу и глазам. Кожа лопнула под костяшками, хрустнули кости, из носа хлынула кровь. Пульсация в голове усиливалась всякий раз, когда мой кулак врезался в его лицо. Он пятился и наконец споткнулся о простыню, которой обернулся. Упал, ударился головой о прикроватный столик Йеджиде и опрокинул ее лампу.

Приземлился на спину; простыня соскользнула.

Я встал возле него на колени и начал бить. Я бил его по шее, груди, рукам, которые он выставил перед собой, пытаясь меня оттолкнуть. Мои руки покрылись кровью, его и моей. Кровь капала на ковер и растекалась пятном в форме географической карты. Это пятно потом так и не отмылось.

— Я тебе верил! — Я встал и начал бить его ногой в грудь, пока под соском не раскрылась кровоточащая рана. Он закашлялся и выплюнул на ковер кровь и зуб. Зуб белел в маленькой алой лужице. Он попытался что-то сказать, снова закашлялся и сплюнул кровавую слюну.

Меня взбесил все еще мокрый обмякший пенис, болтавшийся у него между ног. Я представил, где побывал этот пенис, и голова закипела от ярости. Годами я пытался не воображать их с Йеджиде, отгонял эти картины, являвшиеся мне во снах всякий раз, когда голова касалась подушки. Теперь они вырвались из клетки, куда я их загнал.

Я опустился на колени между ног Дотуна, схватил его вялый пенис и начал его выкручивать. Его крик оглушил бы меня, если бы я его слышал, но кровь шумела в ушах, и я не слышал ничего.

Чьи-то руки мягко коснулись моих плеч и потянули назад. Я продолжал выкручивать.

— Ради бога, Акин. Не убивай его, пожалуйста. — Голая Йеджиде стояла возле меня на коленях.

Я отпустил Дотуна.

— Заткнись, шлюха, — выпалил я.

— Я? Ты называешь меня шлюхой, Акин? Пусть собаки съедят твой язык за такие слова, — в ее голосе слышался гнев, а не мольба.

Я потянулся за опрокинувшейся лампой и выдернул ее из розетки.

— Что ты делаешь? — в панике воскликнула Йеджиде. — Акин! Акин!

Я поднял лампу обеими руками.

Йеджиде обхватила меня сзади и попыталась оттащить.

— Акин! Акинйеле, именем Господа заклинаю, не поддавайся дьяволу!

Дотун попытался сесть и закрыл глаза ладонями. Я ударил его лампой по подбородку, и он упал навзничь. Йеджиде что-то говорила, но я слышал лишь шум крови в ушах и звук бьющегося стекла. Я разбил о его голову стеклянный абажур; разноцветные стеклышки и низковольтные лампочки разлетелись на осколки, и он затих.

Я встал, прижимая к груди то, что осталось от лампы.

— Ты убил брата, — прошептала Йеджиде за моей спиной. — Ты убил сына своей матери.

Я надеялся, что она права.

33

В последующие недели Йеджиде каждое утро уезжала в больницу к брату. Со мной она не разговаривала, просто оставляла завтрак на столе, как еду для собаки, привязывала Ротими к спине и ехала в больницу.

Я желал Дотуну смерти. Жалел, что он вообще родился.

Но я лгал себе. На самом деле я желал смерти себе и жалел, что появился на свет. Я сам привел Дотуна в наш дом; я приглашал его, уговаривал, угрожал, сделал все возможное, чтобы его убедить. Я просто никогда не думал, что увижу, как брат трахает мою жену, кончает и похрюкивает, как боров. Просчитывая все непредвиденные обстоятельства, я многое упустил: серповидные клетки, то, что Дотун останется без работы, и прочие любовные и жизненные осложнения, которые предсказать невозможно.

На следующий день после нашей с Дотуном драки муми пришла ко мне в офис перед обедом. На мои приветствия не отреагировала, не села, обошла стол и наклонилась над моим креслом.

— Я вас обоих выносила, — воскликнула она,

хлопнув себя по животу. — Обоих выкормила грудью. Мое молоко горчило? Потому у тебя такое злое сердце? Мое молоко прокисло? Ответь мне, Акин. Ты меня не слышишь? Ты оглох?

Она не сомневалась, что произошедшему должна быть причина, думала, сейчас я все ей расскажу и она поймет, что случилось. Я чувствовал, что она готова принять любое оправдание и поверить чему угодно, домыслить мои слова, чтобы те все объяснили. Ей нужен был ответ, любой ответ.

Я промолчал.

— Ты хочешь моей смерти, — проговорила она и схватила меня за воротник обеими руками. — Объясни, почему мои сыновья пытались друг друга убить? Скажи прямо сейчас, пока я стою здесь!

Я видел, что ее сердце разрывается, но что я мог ответить? Правду? Правда бы ее убила.

Она ушла, поклявшись не разговаривать со мной, пока я не объясню, почему пытался убить ее драгоценного сына. Я знал, что она сдержит обещание. Мать умела ненавидеть так же самозабвенно, как любить.

Я работал до изнеможения; сил едва хватило доехать до дома. Я ввалился домой, когда свет уже

не горел, а Йеджиде спала. Но Ротими не спала, и, когда я зашел в тускло освещенную спальню, ее взгляд метнулся ко мне. Я встал у ее кроватки, прислушался к ее тихому воркованию, дал ухватиться за большой палец. Для Ротими я был новым человеком, безгрешным, незапятнанным. Я подождал, пока она уснет, и лег в постель.

Несмотря на усталость, я не мог уснуть. Смотрел на жену и думал: а что, если ярость, пульсирующая в моей голове, однажды станет такой сильной, что я разобью лампу и о ее голову? Я ненавидел себя, потому что разглядывал ее тонкое лицо, пока меня не сморил сон, и старался запомнить каждую черточку на случай, если проснусь, а ее уже не будет рядом.

В последующие недели я ждал, что она уйдет. Это казалось единственным логичным окончанием нашей истории. Иногда по ночам я проводил пальцем по ее губам и шептал «прости» в беззвучное пространство между нами.

За это я тоже себя ненавидел.

В день выписки Дотуна Йеджиде впервые за месяц со мной заговорила. Она протянула мне счет из больницы. Я выписал чек. Тем вечером она перенесла свои вещи в другую комнату.

— Я остаюсь из-за ребенка. Если бы не она, если

бы не она… — Она не договорила, и угроза повисла между нами темной тучей.

— Ты, проклятая… проклятая… ты спала с моим братом за моей спиной. Ты — неверная жена. — Я дрожал, произнося эти слова, и держал кулаки в карманах, борясь с желанием ударить ее по самодовольному лицу, ведь стоило начать, и я уже не смог бы остановиться.

— А ты бы предпочел, чтобы мы делали это на твоих глазах? Под твоим тщательным присмотром? Ты обманщик, предатель и самый презренный лжец на земле, небе и в аду. — Она плюнула мне под ноги, зашла в свою новую комнату и с треском хлопнула дверью.

Я не стал сдерживать ярость и ударил по закрытой двери. Я бил, пока не содрал кожу и не разбил костяшки в кровь. И даже тогда не остановился. Не смог.

Йеджиде не заперлась. Я не слышал, как щелкнул замок и повернулся ключ. Я мог просто повернуть дверную ручку, войти и обо всем ее расспросить. Что она знала, что Дотун рассказал ей обо мне, пока они совокуплялись. Я мог бы поговорить с ней, а не стоять и говорить кулаками с безмолвной деревянной дверью, приподнимая плечи, чтобы утереть пот с лица рукавом. Не

слезы. Пот.

34

Когда свекор пригласил нас с Акином на семейный совет, я сразу поняла, что это муми заставила его созвать так называемое экстренное собрание. Я догадалась об этом еще до того, как мы приехали в Айесо. Мы зашли в гостиную и сели рядом на коричневый диван. Я держала перед собой Ротими как щит. На диване было тесно, и впервые с тех пор, как Акин застал нас с Дотуном, мы оказались рядом, так близко, что я слышала его дыхание. Дотун уже пришел и сидел возле отца. Я не видела его со дня выписки.

Первой заговорила муми:

— Мои сыновья должны объяснить, почему подрались и почему их разногласия нельзя было решить на семейном совете. Объясните, почему вы опозорили нашу семью и теперь весь рынок о нас судачит.

— Нет уж, говори за себя. Они опозорили тебя, Амопе. Все знают, что моя репутация в Илеше чиста, — ответил отец Акина.

— Да что ты говоришь, Баба! Значит, они мои сыновья, а не твои? Никчемный человек, ну конечно, они мои, ведь ты не потратил на них ни

кобо[38]! Я платила за школу, я покупала форму, а когда они окончили университет, ты просто пришел на фотосессию! Значит, как фотографироваться — они твои сыновья, а чуть что — опять мои?

— А разве они не твои сыновья? Ты их украла из роддома? — Отец Акина погрозил муми пальцем. — Ха! Ты это хочешь сказать? Ты украла их из больницы, *аби*? — Он рассмеялся над своей шуткой.

Муми зашипела:

— Конечно, не твои сыновья. Это из-за детей апельсинового дерева меня закидали камнями и палками. Глупые дети, объяснитесь! Что в рот воды набрали? — Она гневно взглянула на Акина, потом на меня и принялась размахивать искалеченными артритом пальцами, как гигантскими клешнями.

Дотун откашлялся. Его левая рука по-прежнему висела на перевязи, голова была забинтована, а половина лица покрыта крошечными швами.

— Мы поссорились из-за денег, — сказал Дотун.

Я почувствовала, как сидевший рядом Акин расслабился, и приняла это за знак облегчения.

---

[38] Примечания: 38
Нигерийская мелкая монета, 0,01 найры.

Надо было слушать историю, придуманную Дотуном, слушать и запоминать во всех подробностях, чтобы пересказать ее родственникам, которые наверняка будут расспрашивать меня со встревоженными лицами, чтобы потом сплетничать на семейных обедах за толченым ямсом. Но к тому моменту мне было уже плевать, что подумают родственники Акина. Я уже отпустила их, хотя сама того не осознавала. Я укачивала Ротими и теребила ее цепочку, нащупывая твердые края крестика под распашонкой. Когда заговорил Акин, я прислушалась и поразилась, с какой легкостью он заполнил все пробелы в истории брата. Они будто репетировали эту ложь много раз.

— Деньги принадлежали не мне. Я взял кредит в банке. После всего, что я для него сделал, после всех моих жертв как мог Дотун их проиграть? — Акин хлопнул себя по колену.

— Брат мой, я не проигрывал деньги. Я вложил их в неудачный бизнес. Я рассчитывал заработать и отдать долг, но все пошло не так. — Дотун говорил, не глядя в нашу сторону; он склонил голову и рассматривал узор из крестиков на синем линолеуме.

— Никакой это был не бизнес; будь ты умнее, сразу бы догадался, что имеешь дело с мошенни-

ками. Если бы схемы по удвоению дохода реально существовали, мы все были бы миллионерами!

— Деньги — это ерунда, — сказал отец Акина и похлопал Дотуна по плечу.

Акин и Дотун продолжали плести свою ложь, пока та не стала крепкой, как канат.

— Не позволяйте деньгам встать между вами. В ваших жилах течет одна кровь. Какой пример вы подадите детям, если позволите деньгам вас поссорить? — спросил свекор, когда Акин с Дотуном замолчали.

Муми фыркнула и покачала головой, но свекор не обратил на нее внимания и продолжал:

— Вы должны помириться и попросить друг у друга прощения. — Старик наклонился вперед и сделал примирительный жест. — Единство — в семье должно быть единство. Вы разве забыли? Прутик бесполезен, но, если связать много прутиков, что получается?

— Метла, которая подметает дом и наводит чистоту, — сказал Акин.

— Понимаете, о чем я? — обратился к братьям свекор.

Дотун коснулся щеки, покрытой швами.

— Прости, брат мой, не сердись на меня. Я верну деньги, обещаю.

Акин кашлянул.

— Бес меня попутал, Дотун. Не знаю, откуда взялась эта злость.

— Теперь все в прошлом. — Свекор повернулся к муми: — Ийя Акин, теперь ты успокоилась? Я же говорил, Йеджиде тут ни при чем. Она не может встать между ними. Как тебе только в голову такое пришло?

— Я знаю лишь одно, — муми встала и подошла к нам с Акином, — все, что делается под покровом тьмы, на следующий день будут обсуждать на рынке.

Я посмотрела на Ротими и увидела, что та достала крестик из-под распашонки и сунула его в рот. Я аккуратно его вытащила, стараясь не оцарапать ей десны.

Муми наклонилась ко мне:

— Правду не скроешь. Как солнце не закроешь руками, так и правду никогда не скроешь.

Приходя в салон, я первым делом отдавала Ротими Ийе Болу. Если Ротими плакала, Ийя Болу привязывала ее к спине; когда Ротими начала ползать — ходила за ней по коридору. Ийя Болу первой заметила, что у нее прорезался зубик, и больше всех радовалась, когда Ротими впервые встала, ухватившись за ножку табурета.

— Почему ты так себя ведешь? — спросила она однажды, подхватив плачущую Ротими.

— Как? — Я сполоснула бигуди и положила их в дуршлаг.

— Ты даже не взглянула на нее, когда я сказала, что она научилась вставать. Как будто это тебя не касается. — Она похлопала Ротими по спинке и принялась укачивать.

Я протянула ей бутылочку, куда утром сцедила грудное молоко.

— Может, она проголодалась?

— Женщина! Сколько раз я говорила, что эта девочка уже выросла из грудного молока. Почему ты ведешь себя так, будто ничего не слышишь? Прости, Ротими, о *джаре*, потерпи немножко, выпей это молоко, не обращай внимания на свою мать, просто потерпи еще разок.

Ротими присосалась к бутылочке, и я порадовалась, что она затихла. Солнце клонилось к закату, а у меня после целого дня на ногах разболелись колени и лодыжки. Я взяла сумочку и отсчитала несколько монет для двух девушек, которые помогали убираться после закрытия. Те закинули сумки на плечи и ушли, а я села под сушильным колпаком и опустила его на голову. Йия Болу по-прежнему что-то мне говорила, но из-под

колпака ее голос доносился словно издалека, из другой комнаты, а может, и из другого мира. Пока я сидела под колпаком, ее слова не имели значения; я могла не обдумывать их и никак на них не реагировать. Я закрыла глаза, усиливая ощущение, что я далеко и совсем одна.

— Ты собираешься начать давать ей свежую рыбу и пюре? Или хотя бы смесь пополам с молоком?

— Я занята, — буркнула я, положила ногу на ногу и принялась массировать колено.

— Ийя Ротими, побойся Бога! Так занята, что не можешь купить ребенку смесь? Если тебя что-то беспокоит, давай обсудим. Сними груз с души, и станет легче заботиться о дочери.

— Она допила? Надо успеть домой до темноты.

— Иди и забери у нее бутылку. Ты меня даже не слушаешь. — Она повернулась к Ротими: — Не волнуйся, Ротими. Я сама куплю тебе смесь. Не обращай внимания на свою маму, скоро она придет в себя, точно говорю.

Я зевнула.

На следующий день в салон зашел Дотун. Я заплетала косички девочке и попросила его сесть и подождать, так как никогда не доверяла стажеркам детские волосы. У детей слишком нежная

кожа головы, ее нельзя отдавать в неопытные руки. Закончив плести косички, я не спеша промазала проборы маслом, и лишь когда девочка вприпрыжку выбежала из салона, подсела к Дотуну.

— Хочешь пить? Колу? Фанту?

— Нет, — со вздохом ответил он. — Я пришел попрощаться. Завтра мой последний день в Илеше. Я еду в Лагос.

— О. Ясно. Нашел работу?

— Можно и так сказать.

Я не стала просить его уточнить, потому что мне было все равно. После того как Акин напал на Дотуна, меня интересовало лишь одно — чтобы он выжил. Я не понимала, зачем он пришел прощаться.

— Я буду по тебе скучать, — сказал он.

Тогда я посмотрела на него — по-настоящему внимательно. Бинты сняли, и на голове у него блестел большой шрам, скрепленный глянцевитыми швами. Этот шрам никогда не зарастет волосами. Дотун, кажется, еще похудел, а на губах играла оптимистичная улыбка. Может, он рассчитывал услышать, что я тоже буду по нему скучать?

— Хорошей дороги. Передай привет жене и

детям, — проговорила я.

Он отвел взгляд и коснулся шрама на голове.

— Утром я ходил в офис Акина. Он велел секретарше меня прогнать.

— *Брата* Акина, — уточнила я. — Ты не имеешь права называть его по имени. Он не твой приятель.

— Погоди, Йеджиде. Ты что, злишься на меня? — Он ткнул себя пальцем в грудь. — На меня?

— Не повышай голос.

Он покачал головой:

— Знаешь, Йеджиде, ведь я не виноват. Это он все придумал.

— Дотун, вы с братом сговорились против меня.

— Послушай, Йеджиде, я думал, ты в курсе! — Он положил руку мне на колено. — Он обещал все тебе рассказать.

— Ступай, Дотун. Я на работе, мне не до этих разговоров.

— Я буду по тебе скучать. — В этот раз он произнес эти слова шепотом, словно пытаясь заменить ими другие, которые произнести не мог.

Я сбросила его руку и встала.

— Хорошо тебе добраться.

Я направилась к пожилой женщине, которая

зашла в салон, но так и не присела.

— Здравствуйте, *ма*. Вас никто не пригласил?

— Пригласили, дорогая. Но я сказала, что подожду тебя. Не хочу, чтобы мне выдрали оставшиеся волосы, их и так мало.

Я улыбнулась и проводила ее в кресло. Краем глаза увидела Дотуна; тот задержался у выхода и подошел поздороваться с Ийей Болу и Ротими. Пожилая женщина размотала шарф, а я задумалась, что хотел сказать Дотун своими словами. Неужели действительно будет скучать? Волос у женщины осталось не так уж мало, скорее наоборот; они были длинные, густые, с белыми прядями на лбу и висках. Запустив пальцы ей в волосы, я ее вспомнила. Бывшая директор школы; она приходила раз в месяц и всегда настаивала, чтобы ей заплетали косы с маслом ши, которое приносила с собой в пластиковом контейнере.

Подошла Ийя Болу.

— А я тебе рассказывала про свадьбу племянницы?

— Нет, — ответила я, расчесывая волосы бывшей директрисы.

— Свадьбу назначили на следующий год; это старшая дочь брата. А еще недавно пешком под стол ходила! Ну надо же! — Я видела ее отраже-

ние в зеркале. Она держала на руках Ротими и улыбалась ей. — Скоро и на свадьбе Ротими будем танцевать, а?

Кажется, она говорила то же самое про свадьбу Оламиды и Сесана, но я отказывалась заглядывать так далеко. Надежда стала роскошью, которую я больше не могла себе позволить.

— Вот так всегда, дети быстро растут, — сказала бывшая директриса. — Моя младшая вышла замуж в прошлом году. До сих пор помню, как узнала, что беременна. А теперь и она станет матерью.

— Поздравляю, мадам, — ответила я и взяла деревянный гребешок.

— Спасибо.

— И когда свадьба? — спросила я Ийю Болу.

— Наверно, в июне, точную дату еще не назначили.

— Надеюсь, выборы не повлияют на подготовку, — заметила клиентка и наклонила голову, чтобы я разделила волосы на проборы.

— Потому и не назначают точную дату. Брат хочет сначала узнать день выборов.

Я фыркнула:

— Думаете, будут выборы? Бабангида уже столько раз их откладывал.

— Переходный период, — сказала клиентка. — Мы живем в переходный период. Это процесс. Ничего не делается сразу. Цинизм ни к чему. Да, в чем-то он потерпел неудачу, но это можно понять.

— Мне кажется, он топчется на месте. И эта история с выборами — очередной обман. Военные просто водят нас за нос.

— В этот раз он точно уйдет в отставку, попомните мое слово. По крайней мере, теперь у нас гражданские губернаторы, а в декабре приступит к работе новое законодательное собрание. Это постепенный переход, дорогая, шаг за шагом. Только так можно добиться длительных изменений.

Я отделила гребешком половину волос и принялась заплетать другую. Я не верила в постепенные переходы. Моя клиентка, видимо, интересовалась политикой. Оперировала датами и статистикой как человек, читающий газеты целыми днями. Она объясняла, почему федеральное военное правительство имело полное право создать и финансировать две политические партии, существовавшие в нашей стране. Правительство само написало конституцию обеих партий и придумало им гербы, но у нее и этому нашлось

оправдание.

— Слушайте, — сказала она, — ситуация не идеальная, но после перехода к демократии все будет иначе. Сначала в стране должна наступить полная демократия. А остальные процессы подтянутся.

Я не стала спорить; мне было все равно. Что бы ни случилось, 1993 год кончится, и тогда мы узнаем, сдержит ли правительство свое обещание. Голосовать я не планировала.

— К концу года нам скажут день выборов, и тогда мой брат назначит дату. А ты, Ийя Ротими, езжай со мной в Баучи, — сказала Ийя Болу. — На какой бы день ни назначили свадьбу, ты должна поехать со мной.

— В Баучи, *ке*? Там живет твой брат? Далековато.

— Потому и говорю заранее. Начинай готовиться.

— Я подумаю, — ответила я. — Пока не соглашаюсь, Ийя Болу. Но буду иметь в виду.

— Если поедешь со мной, в Баучи можно купить золото и продать здесь. Помнишь, моя клиентка спрашивала, продаешь ли ты украшения? Ага, смотри, как оживилась, *аби*? Так и знала, что ты заинтересуешься. Стоит заговорить о бизнесе, и у

тебя ушки на макушке. Моя невестка занимается ювелиркой. Покажет тебе все места, где можно делать закупки. Как знать, может, золото из Баучи будет пользоваться здесь спросом.

— Интересно, — ответила я, втирая в голову клиентки масло ши.

35

Утром в понедельник ко мне в кабинет зашла Линда, моя секретарша, и протянула мне письмо. Обычно я прочитывал почту по утрам после газетных заголовков и до ежедневного брифинга с главой операционного отдела.

— Его только что принесли, сэр, — сказала Линда, не успел я спросить, почему она не положила письмо в папку с почтой, которая каждое утро ждала меня на столе.

Я взглянул на конверт и тут же узнал наклонный почерк. На конверте было несколько марок с изображением крысы с длинным хвостом и ценой: сорок пять австралийских центов. Я разорвал конверт, достал листок бумаги и разгладил его на столе.

> Брат мой,
>
> Как твои дела? Как ты, наверно, догадался по маркам, я сейчас в Австралии. Приехал на прошлой неделе. Пожалуйста, скажи муми, что со мной все в порядке.
>
> Во-первых, хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделал для меня, когда я

остался без работы. Возможности поблагодарить тебя накануне отъезда у меня не было. Знай, я очень ценю, что ты помогал мне искать работу и снова встать на ноги. Ты дал мне крышу над головой, когда я потерял все, что имел.

Я хочу, чтобы мы забыли обо всем, что случилось до моего отъезда из Нигерии. Мы не можем из-за этого ссориться. Мы братья, у нас одна кровь. Женщина может с тобой развестись, а с семьей не разведешься. Я по-прежнему удивлен, что ты даже не пустил меня на порог, когда я приходил к тебе в офис. Я могу простить тебя за то, что случилось у тебя дома, я понимаю, что ты разозлился и побил меня. Я могу забыть об этом; мы оба можем оставить все позади и жить дальше. Но, судя по твоему поведению, ты хочешь враждовать из-за этого дела. Брат мой, давай начистоту. Ты не можешь враждовать со мной. Нельзя враждовать с семьей.

Вы с Йеджиде еще вместе? Если она ушла, мне очень жаль, я ведь знаю, что ты ее любил. По крайней мере, мне так казалось. Не обвиняй меня в ее уходе. В твоем

браке изначально были проблемы. Она очень понимающая женщина. Уверен, она бы выслушала тебя и поняла. Я не нарочно выболтал секрет, поверь. Думал, ты ей все рассказал и между нами нет недомолвок. Ты же обещал рассказать.

С ней так легко говорить. И любить ее легко.

В общем, главное, что я хочу сказать, — нам надо простить друг друга и жить дальше. Что до меня, я тебя уже простил.

Надеюсь скоро получить от тебя весточку.

С глубоким уважением,
Дотун

Сначала я хотел пропустить письмо через шредер, но потом просто разорвал его на мелкие кусочки. Сказал ли он Йеджиде, что уезжает из страны? Может, она и дала ему денег на билет? У Дотуна, которого я знал, не было денег на такие перемещения. Мне было невдомек, как он сумел куда-то улететь без моей помощи.

Его письмо выбило меня из колеи, но ответило на единственный вопрос, который я хотел ему задать после того, как застал их с женой. Я понял,

что Дотун по глупости проболтался Йеджиде. Я много думал о том, что именно ей известно, и почти не сомневался, что Дотун раскрыл ей все мои тайны. Ее дерзкая манера, переезд в отдельную комнату, то, как она посмотрела на меня, когда я их застал, — каждая деталь свидетельствовала о том, что ей все известно. Но я до конца надеялся, что Дотун держал рот на замке. Считал, что после всего, что мы пережили, Йеджиде имеет право злиться, и убеждал себя, что именно этим объясняется ее молчание и непреходящее презрение во взгляде.

До того как я получил письмо от Дотуна, я сумел убедить себя, что если бы она все знала, то непременно сообщила бы мне об этом и дала возможность объясниться. Мне нечего было сказать в свою защиту; я, скорее всего, начал бы плести очередную ложь. Но до этого письма я продолжал надеяться и ни на миг не терял надежды, что все изменится и ложь больше не будет иметь значения. Я по-прежнему ходил к специалисту из больницы Университета Лагоса, и тот был настроен оптимистично. Я цеплялся за каждый его осторожный комментарий и внушал себе, что со дня на день все будет в порядке, что врачи из университетской больницы сотворят чудо.

Найдется нужная смесь лекарств, и я вылечусь. Надежда всегда была моим наркотиком, я никак не мог с нее соскочить. Даже когда все стало совсем плохо, я продолжал верить, что поражение — не что иное, как признак скорой победы.

В недели, последовавшие за письмом Дотуна, наш дом будто уменьшился. Он казался крошечным; не натыкаться на Йеджиде было попросту невозможно. Впервые с тех пор, как она переехала в другую комнату, я обрадовался, что сплю один в кровати. Я перестал есть еду, которую она мне оставляла, так как у меня возникло подозрение, что она решила меня отравить и таким образом наказать, не вступая со мной в прямой конфликт.

Мне было слишком стыдно провоцировать разговор, мысль о котором приводила меня в ужас. Я боялся думать о нем с тех пор, как впервые ее увидел и решил, что ничто не помешает мне прожить с ней остаток дней. Я передвигался по дому на цыпочках, уходил на работу рано и поздно возвращался; по выходным запирался в комнате и обдумывал каждый поступок, размышлял, как можно было поступить иначе, был ли у меня выбор и можно ли было что-то сделать по-другому. Я не успел толком оправиться от первого письма

Дотуна, как пришло второе.

Брат мой,

Как твои дела? Как муми? Есть новости от Аринолы и ее мужа?

Я устроился на работу. Зарабатываю деньги. Небольшие, но прожить можно.

Я знаю, что ты получил мое предыдущее письмо. Почему не отвечаешь? Как заставить тебя ответить?

Брат мой, позволь объяснить все со своей точки зрения. В первый раз я занялся сексом с твоей женой, чтобы спасти твой брак. Кстати, ты, святоша, даже не сказал мне «спасибо». Я даже зажмурился, когда она раздевалась. В первый раз я решил поцеловать ее не потому, что хотел, а потому, что мне казалось, что это правильно. Так это было меньше похоже на изнасилование. Мы занимались целомудренным сексом, какой показывают в кино, укрывшись простыней, будто боялись, что кто-то подсматривает за нами со стороны. Я правда думал, что ты все ей рассказал, как обещал. Я затронул этот вопрос, потому что тебя не было в городе,

а ей только что сообщили, что у Сесана серповидноклеточная анемия. Я решил, что ей нужно с кем-то поговорить. Хотел ли я ей обладать? Не стану лгать тебе и Создателю: да. Но я рассказал ей обо всем не для того, чтобы предать тебя. Я думал, она и так все знала. Брат мой, что еще я могу сказать?

Аджоке нашла нового мужа. Генерал-майора. Его зовут Гаруба; будет четвертой женой. Это ж какой дурой надо быть, чтобы выйти за военного, когда они вот-вот лишатся власти? Говорит, пришлет мне детей на каникулы. Видимо, генерал оплатит расходы.

НАПИШИ МНЕ. Буду ждать твоего письма.

С глубоким уважением,
Дотун

P. S. Когда напишешь, расскажи о президентских выборах. Иначе как я узнаю, что на самом деле происходит в Нигерии. Я хочу знать, что происходит.

Пропуская второе письмо через шредер, я уже

не испытывал гнева. Стыд не оставил места другим чувствам, даже надежде. Я больше не злился на брата; понял, что ярость была напускной. С ее помощью я прикрывался от стыда. Испытывать гнев проще, чем стыд.

Ротими спасла меня от отчаяния и помогла вновь обрести надежду. Однажды я вернулся с работы уже поздно — или рано; как посмотреть — было почти два часа ночи. Зашел в спальню и обнаружил там Ротими; она спала в своей кроватке. Сначала я решил, что Йеджиде вернулась в нашу спальню; постучал в ванную и, не дождавшись ответа, медленно открыл дверь, но ее там не оказалось.

Я вышел в коридор, приоткрыл дверь в новую комнату Йеджиде и с некоторым облегчением обнаружил, что она там, спит в своей постели. Я вернулся в спальню и задумался, что именно хотела сказать мне Йеджиде, поставив кроватку Ротими обратно в нашу комнату. Но у меня не осталось сил на размышления. Я разделся до трусов, лег в кровать и уснул.

В пять утра меня разбудила Ротими. Я не стал вставать; я привык к плачу ребенка и ждал, что он прекратится без моего вмешательства, как было всегда. Но плач не прекращался и стано-

вился все громче и настойчивее. Вскоре стало трудно поверить, что такое маленькое существо может издавать такие громкие звуки. Я встал и задумался, что делать после того, как я возьму ее на руки. Первым побуждением было отнести ее к Йеджиде, но оказалось, в этом не было необходимости: у меня на руках Ротими сразу затихла.

Она перестала плакать, но была напряжена, дышала ртом, била кулачками по воздуху и часто моргала. Потом она успокоилась, закрыла рот и привалилась головой к моей груди. Я решил положить ее в кроватку. Но как только выпустил из рук, она опять закричала. Я снова взял ее на руки, и она замолкла. Стоило положить ее на кровать, сесть или лечь на спину, уложив ее на грудь, как она поднимала вой; лишь через некоторое время я понял, что ей нужно: она хотела, чтобы я держал ее на руках и ходил. Она уснула лишь через час. До этого она ничего особо не делала, лишь зевала, прижавшись к моей груди, и смотрела на меня. Я не выпустил ее, даже когда она уснула; ее вес и теплое дыхание на моей груди действовали успокаивающе. Меня давно никто не обнимал. Я прислонился к стене и прижимал ее к груди, пока около семи не пришла Йеджиде. Она молча забрала у меня дочь и вышла из спальни.

В тот день я вернулся с работы около девяти вечера — а обычно приходил не раньше полуночи с тех пор, как получил письмо Дотуна. Йеджиде сидела с Ротими в нашей спальне. Когда я вошел, она встала и вручила мне Ротими.

— Если начнет плакать до одиннадцати, дай ей воды. — Она указала на прикроватный столик, где стояли две вакуумные фляжки и несколько бутылочек с сосками. — Или кашку, она любит кашку с молоком. На полу в пакете подгузники.

Я поставил портфель и взял Ротими на руки. Я удивился, что ее мать со мной разговаривает.

— Не заходи ко мне и не беспокой. Я хочу поспать. Заберу ее утром, — сказала Йеджиде и вышла.

С того дня я стал приходить домой с радостью. Йеджиде не объясняла, почему все больше и больше детских вещей перекочевывает из ее комнаты в нашу старую спальню. Как только я приходил, она отдавала мне Ротими.

По утрам Ротими всегда просыпалась в пять. Пунктуальная как часы, она поднимала плач. Я вставал и около часа качал ее на руках, прислонившись к стене. Каждый день я подолгу всматривался в ее личико, заглядывал в глаза и чувствовал что-то вроде веры. Даже тогда я знал,

что эта девочка выживет, что она останется со мной. Она не была игривым ребенком, всегда сурово выпячивала подбородок, с самого детства. Редко болтала сама с собой. Поначалу мы проводили утренние часы в тишине; если я не садился и не пытался уложить ее в кроватку, она молчала. А потом однажды взглянула на меня, подперла подбородок кулачком, будто раздумывая, что сказать, и произнесла: «Баба». Она сказала «Баба» еще дважды, а потом уснула, будто знала, что я хочу снова услышать это слово. И всякий раз, когда она называла меня Бабой, я чувствовал искупление. Одно лишь это слово облегчило сокрушительный вес писем Дотуна и всех моих ошибок.

Она будто преподнесла мне дар, почти божественный, потому что момент был выбран идеально. Она назвала меня папой. Да, она была ребенком, не ведавшим, как устроен мир, но все же назвала меня папой. Мне захотелось подарить ей что-то взамен, наладить связь, которая продлится до самой нашей смерти. Я стал шепотом рассказывать ей сказки — те, что когда-то рассказывала муми нам с Дотуном и Аринолой.

У меня не было любимых сказок, но одну я рассказывал особенно часто. На каждую сказку

у муми была поговорка. Эта сказка всегда начиналась с поговорки *«Оломо ло л'айе»* — «Рука, качающая колыбель, правит миром».

В стародавние времена, когда звери ходили на двух ногах, а у людей на коленях были глаза, у Иджапы-черепахи была жена по имени Ийяннибо.

Они любили друг друга и жили счастливо. У них не было никого, кроме друг друга: они не смогли завести даже одного ребенка. Много лет они просили Олодумаре[39] послать им детей, но безуспешно. Каждый день Ийяннибо плакала. Куда бы она ни пошла, люди над ней насмехались, показывали пальцем и смеялись ей в спину на рынке.

Больше всего на свете Ийяннибо хотела иметь ребенка; даже больше самой жизни. Однажды Иджапе надоело, что жена все время плачет, и он отправился в далекий край, где жил могущественный Бабалаво[40]. Ему пришлось пересечь семь гор и семь рек, чтобы добраться до этого края. Дорога была долгая, но Иджапа не роптал. Этот Бабалаво был самым могущественным колдуном в мире. Иджапа не сомневался, что, если

---

[39] Примечания: 39
Верховное божество в пантеоне йоруба, также известно как Олорун.

[40] Примечания: 40
Шаман.

его проблему можно решить, Бабалаво поможет это сделать.

Иджапа пришел к Бабалаво и стал молить его о помощи. Бабалаво приготовил угощение. Он положил его в тыкву-горлянку и попросил Иджапу отнести угощение жене. Бабалаво заверил Иджапу, что, как только его жена съест это блюдо, она забеременеет, но предупредил, чтобы тот не пробовал его сам и не открывал сосуд, пока не доберется до дома. Иджапа поблагодарил Бабалаво и ушел.

По пути домой ему снова пришлось пересечь семь гор и семь рек. От угощения исходил очень приятный запах, солнце палило, а Иджапа устал. Спустившись с третьей горы, он сел на берегу третьей реки отдохнуть и выпить воды. Еды у него не было, вокруг не росли плодовые деревья, даже трава не росла. Иджапа очень проголодался.

Он решил взглянуть на угощение одним глазком. Он не собирался его есть; хотел просто взглянуть. Открыл сосуд из тыквы-горлянки и увидел асаро — густую кашу из батата с толченым ямсом и пальмовым маслом, а еще рыбу, мясо, овощи и раков.

Искушение было велико. Живот черепахи громко урчал. Но он подумал о пустых руках

жены и закрыл сосуд. Он пошел дальше. Солнце разгорелось еще сильнее, он проголодался пуще прежнего и совсем выбился из сил. Спустившись с пятой горы, он сел отдохнуть на берегу пятой реки.

Иджапа подумал: вот бы дотронуться до угощения пальчиком и почувствовать вязкость пальмового масла. Тогда я пойму, использовал ли Бабалаво хорошее масло. Не хочу, чтобы от его угощения у Ийяннибо разболелся живот.

Иджапа дотронулся до асаро одним пальчиком, чтобы определить качество пальмового масла. Растер масло между кончиками пальцев. Хорошее масло, подумал он, но вдруг оно невкусное? Он зачерпнул немного асаро и попробовал. Живот тут же зарокотал, как гром, и не успел Иджапа оглянуться, как умял все содержимое горлянки. Попробовав один кусочек, он уже не смог остановиться и удержаться. Поев, он причмокнул губами, вымыл руки в ручье…

И тут же уснул.

Он проснулся через три дня, но тогда еще этого не знал. Ему показалось, что прошел всего час. Он решил снова пойти к Бабалаво и соврать, что тыква упала, разбилась, а асаро пролилось. Добрый Бабалаво приготовит новое угощение,

подумал он.

Иджапа попытался встать и понял, что это не так-то просто. Опустив голову, он посмотрел на свой живот и увидел, что тот раздулся, как у беременной женщины на девятом месяце.

Сломя голову он побежал через пять гор и пять рек и, очутившись у дома Бабалаво, пропел:

Бабалаво мо ва бебе
Алугбирин
Бабалаво мо ва бебе
Алугбирин
Они н мама ф'ово б'ену
Алугбирин
Они н мама ф'ово б'ену
Алугбирин
Огун то се фун ми л'екан
Алугбирин
Мо ф'ово мо фи б'ену
Алугбирин
Мо ва б'оджу в'окун
О ри танди
Алугбирин

Клятву я нарушил, Бабалаво.
Слово не сдержал я, Бабалаво.
Угощенье сбереги, велел ты.
Угощенье не трожь, велел ты.
Не послушался я Бабалаво.
Угощение съел я, Бабалаво.
Ты велел мне не тянуть руки в рот.
А теперь взгляни на мой живот.

Ротими всегда засыпала, не дождавшись конца песенки, и на этом моя сказка заканчивалась. В отличие от муми, я никогда не начинал ее с поговорки. Раньше я ей верил и, как черепаха и его жена, считал, что в этом мире без потомства обойтись нельзя. Мне казалось, что, если у меня будут дети, которые станут называть меня Бабой, это изменит весь мой мир, очистит меня и даже сотрет воспоминание о том, как я столкнул Фуми с лестницы. Но хотя я много раз рассказывал Ротими эту историю, я уже не верил, что рука, качающая колыбель, правит миром.

36

Хотя молния дважды ударила в одно дерево, я почему-то надеялся, что во второй раз она не повлечет столь страшных разрушений. Вскоре после того, как Ротими исполнился год, я отвел ее в больницу сдавать тест на генотип и через несколько дней заехал за результатами по пути с работы. Мои страхи подтвердились, но к моменту возвращения домой я был спокоен и почему-то уверен, что дочь не умрет, хотя в ее тесте значились красные буквы SS. Я до сих пор не могу объяснить, откуда взялась эта уверенность, но я ощущал ее, как твердую почву под ногами. Узнав о результатах, Йеджиде закрыла лицо ладонями, но больше никак не отреагировала. А когда Ротими впервые попала в больницу с приступом, отказалась ее сопровождать.

— Я? Ночевать в больнице? Акин, я так устала, сил нет никаких, — сказала Йеджиде, выйдя из палаты после того, как Ротими приняли на госпитализацию. — Мне надо отдохнуть.

Я винил во всем себя: это из-за меня Йеджиде, казалось, утратила способность радоваться. Я смотрел ей вслед; она плелась к выходу, а я думал,

пройдет ли ее усталость, если она хорошенько выспится, или усталость уже стала хронической и ей никогда не станет легче.

Через два часа меня пустили к Ротими. Она казалась такой маленькой; ей было не место на больничной койке. Ее положили под капельницу. Хватит ли одной капельницы? — думал я. Знают ли врачи, что делают, достаточно ли одной капельницы, чтобы побороть болезнь, которая уже забрала у нас сына? Я сел на стул возле ее койки и опустил ладони на матрас. Я боялся к ней прикоснуться.

— Мама, — позвала она, подняв свободную руку. — Мама *ми*?

Я откашлялся и взглянул на столбик кровати.

— Твоя мама устала. Она спит.

Я лгал, не в силах смотреть в ее большие карие глаза. Хотя я смотрел на столбик, мне было очень стыдно; хотелось попросить прощения за свою ложь, молить о прощении эту девочку, чье лицо так напоминало лицо ее матери. Они были так похожи: я будто смотрел на Йеджиде через уменьшающую лупу. Все черты лица Ротими в точности повторяли черты Йеджиде, кроме носа. Нос у нее был плоский и широкий, как у меня. Мне было приятно, когда люди обращали на это внимание

и говорили: «У нее нос отца». Нос отца.

Позже вечером зашел врач с толпой студентов-медиков, вооруженных тетрадками. Я хотел быть врачом в детстве, давным-давно, еще когда не дотягивался правой рукой до левого уха, еще когда не ходил в школу. Тогда я даже не знал о существовании других профессий; мне казалось, что все, кто окончил школу, становятся врачами.

Все перешли к пациенту на соседней койке, но один студент задержался и заговорил со мной вполголоса:

— Сэр, я провожу исследование о серповидноклеточной анемии. Мои разработки можно будет использовать для брачных консультаций. Не могли бы вы заполнить…

Я закивал, как спятившая агама, и выхватил у него из рук анкету, лишь бы он скорее ушел. Интересно, сколько таких анкет заполнила Йеджиде, пока лежала в больнице с Сесаном? Опросник занимал одну страницу, напечатанную мелким шрифтом; студент, наверно, пытался сэкономить на бумаге, но у меня от попыток разобрать мелкие буквы разболелась голова.

— Баба *ми*.

— Да, дорогая. Что? — Я был рад отвлечься и отложил анкету.

— Мама *ми*? — снова спросила она еле слышно. Она тяжело дышала, будто одно это слово лишило ее сил.

Я взял ее за руку и в этот раз посмотрел ей в глаза.

— Мама очень скоро придет, обещаю, а пока мы ждем, давай я расскажу тебе сказку. Сказку про Иджапу-черепаху и его жену Ийяннибо.

Я повторил начало сказки о бездетной паре и безуспешных попытках зачать. Рассказал, как Иджапа пошел к Бабалаво и тот приготовил ему горлянку с вкусным рагу; как Иджапа не удержался и съел рагу, а после в унижении вернулся к Бабалаво, собственноручно уничтожив единственное лекарство, которое имел. Я допел песенку. Ротими не уснула, и я стал рассказывать дальше.

Когда Иджапа вернулся к Бабалаво, он стал умолять его, кататься по земле и просить прощения. Он заклинал колдуна дать ему второй шанс.

— Нет, я не могу тебе помочь, — сказал Бабалаво.

— Я прошу помощи не для себя. Подумай об Ийяннибо, моей жене. Помоги не мне, а моей несчастной жене.

Бабалаво подумал о бедной Ийяннибо. И хотя

Иджапа совершил ужасное деяние и не послушал его наказ, ради бедной Ийяннибо Бабалаво сжалился над ним. Он дал ему зелье. Иджапа выпил зелье, и его живот снова стал плоским.

Сказка муми на этом не заканчивалась. Мистер и миссис Черепаха не могли просто остаться бездетными, этого было недостаточно. Разумеется, у миссис Черепахи родился ребенок и они жили долго и счастливо. Но я никогда не рассказывал дочери эту часть. Ведь это была та самая ложь, на которую я сам когда-то повелся. Я думал, что у Йеджиде будет ребенок и мы заживем долго и счастливо. Цена меня не волновала. Даже если бы нам пришлось пересечь семь рек, меня это не волновало. Я думал лишь о счастье, которое должно было наступить в тот самый момент, когда у нас появятся дети, и ни минутой раньше.

После первого приступа Ротими провела в больнице неделю. Я смог отпроситься с работы всего на два дня, но по ночам всегда был рядом с ней и спал на деревянном стуле у входа в палату. Впервые за много лет мне снилась Фуми.

С тех пор как Ротими поставили диагноз, я часто вспоминал Фуми. Иногда мне казалось, что Оламида и Сесан умерли в наказание за мое преступление. Пришел в действие вселенский

закон справедливости, жестокая карма, *есан*[41], и за мои грехи пришлось платить детям. Просыпаясь от кошмаров о Фуми, я невольно думал, не являются ли они предвестниками судьбы Ротими; не трех ли детей надо отдать за взрослого, чтобы вселенские весы справедливости наконец уравнялись?

Я размышлял об этом в темные предрассветные часы, но, когда вставало солнце и я шел в палату к дочери, тягостные мысли развеивались. Я верил, что этот ребенок переживет все кризисы и станет исключением из правил. Этот ребенок будет жить. Если вселенская рука справедливости действительно орудует в мире, она должна забрать меня, а не невинных детей.

Кроме того, я же убил ее ненамеренно.

В ночь смерти Фуми после праздника имянаречения Оламиды я хотел лишь одного — добраться до спальни, не споткнувшись на лестнице. Я выпил столько пива, что ступеньки плыли перед глазами. Я поднимался, хватаясь за перила. Вдруг передо мной выросла Фуми. У нее заплетался язык.

— Как же Йеджиде забеременела?

---

[41] Примечания: 41
Карма (*йоруба*).

Я ответил не подумав:

— Так же, как все.

Фуми рассмеялась:

— Думаешь, я дура? Твое вранье и жалкая возня, которой ты занимаешься в постели, — по-твоему, я ничего не знаю? Думаешь, раз я решила не раскрывать твой секрет, я ничего не понимаю?

Я продолжал подниматься. Уже не помню, почему я не ответил — то ли был слишком пьян, то ли решил, что она истолкует мое молчание так, как удобно мне.

Помню, как Фуми схватила меня за штанину сзади, но мне было все равно.

— Скажи, — проговорила она, — как можно обрюхатить женщину членом, который никогда в жизни не стоял? И не надо врать, что так бывает только со мной. Я тебе не верю.

Не помню, говорила ли она шепотом или выкрикивала эти слова. Но мне показалось, что она кричит на весь дом, что во всех комнатах слышны ее обвинения. Она выпустила мои брюки; я обернулся, моя рука коснулась ее лица и на миг зажала ей рот, а потом Фуми споткнулась, потеряла равновесие и скатилась вниз по лестнице.

Муми наконец захотела со мной поговорить, но не позвала меня домой. Она велела зайти к ней

на рынок. Это было просчитанное оскорбление, манипуляция, призванная напомнить, что она так и не переступила порог магазина, который я ей купил, когда Дотун уехал из страны.

Муми вечно жаловалась на рынок. Ей не нравилось работать на земле: в сезон дождей землю размывало, становилось скользко и грязно, а в сухое время года земля покрывалась коркой и повсюду оседала пыль. Она презирала рыночных торговок, бросавших мусор прямо на улице, ненавидела постоянный шум, невыносимую жару, потных людей, толкавшихся в узких проходах. Каждый день чьи-то руки, сумки и огромные зады опрокидывали ее товар, спешащие ноги давили ее помидоры и перцы, не успевала она их поднять и положить обратно на лоток. Но больше всего она ненавидела вонь и так к ней и не привыкла. Ее обоняние так и не смогло адаптироваться к отвратительному запаху разлагающейся органики.

Всю свою жизнь, даже будучи юной невестой, которой муж не давал денег даже на деревянный лоток, муми всегда верила, что ей уготовано нечто большее, чем рыночный прилавок. В глубине души она знала, что ее место среди тех женщин, кто мог себе позволить торговать в магазине, вдали от безжалостного рыночного солнца.

Поэтому я купил ей самый большой магазин в самой дорогой части рынка. Но когда приехал к ней в Айесо и отдал ей ключи от магазина, она швырнула ими в меня.

Когда я подошел к ее лотку, она сделала вид, что меня не знает, и не ответила на мое приветствие. Я сел на деревянную скамью и сидел там полчаса, пока она обслуживала покупателей.

Я понял, что муми готова говорить, когда она накрыла помидоры и перец прозрачным нейлоном. Она села на скамейку, отодвинувшись на самый край: еще чуть-чуть — и под ней оказался бы воздух. Она произнесла те же слова, которыми приветствовала меня всякий раз с тех пор, как заявила, что скорее отрежет себе ноги, чем еще раз переступит порог моего дома.

— Где мой сын? Когда Дотун вернется домой?

Хотя я рассказал, что Дотун уехал в Австралию и с ним все хорошо, а судя по письмам, он даже преуспевает, муми вела себя так, будто я запер брата в подвале нарочно, чтобы причинить ей страдания. Я на собственном болезненном опыте узнал, что на ее вопросы невозможно ответить правильно. Все мои варианты лишь раздували пламя ее гнева. Лучше всего и проще всего было не отвечать.

— Почему ты не позвала меня домой? Как можно говорить на рынке?

— Почему? Акин еще спрашивает — почему. Я скажу тебе почему. Мне приходится ходить сюда и продавать товар, потому что я не хочу питаться травой и песком. Ты знаешь, что едят те, у кого нет денег? Слава богу, что у тебя есть сестра. — Она подняла лицо к небу. — Создатель, благодарю тебя за Аринолу, она никогда не забывает свою бедную мать. Если бы я родила только Дотуна и этого, что сидит рядом, варила бы кашу из песка на завтрак.

Я вздохнул:

— Муми, ты за этим меня позвала?

— И что, если так? Если я за этим тебя позвала, что ты сделаешь? Уйдешь? Я не удивлюсь. Мои слова теперь ничего для тебя не значат.

— Муми, что тебе нужно?

Она сложила руки на груди.

— Можешь продолжать меня обманывать и применять свои фокусы. Ты — сын своего отца, тот тоже умеет врать так, что сам дьявол не заметит.

— Зачем ты меня позвала?

— Почему ты кричишь? Разве так говорят с матерью? Как невоспитанный ребенок?

Я глубоко вздохнул:

— Прости, *ма*. Не сердись, пожалуйста.

— Как твоя жена?

— Нормально.

— Она даже не передала мне привет? Вот, значит, как теперь будет? Ты знаешь, что она ко мне уже год не приезжала? А мы живем в одном городе. В одном городе!

— У нее много работы. Она тоже не хочет есть траву и варить кашу из песка.

— По-твоему, это смешно, *аби*? Аринола сказала, что Ротими положили в больницу. Как она?

— Ее выписали.

— Хм. Да поможет ей Бог. — Она произнесла эти слова без всяких эмоций, будто речь шла о ком-то незнакомом, до кого ей не было дела.

Я смотрел на прохожих, чтобы не смотреть на нее.

— Аминь, — ответил я.

Она шмыгнула носом и вздохнула. Я знал, что мне не понравится то, что она собиралась сказать. Я знал ее старую тактику — она шмыгала носом, вздыхала, а потом излагала требования, с которыми я не хотел соглашаться.

— Ты чего отворачиваешься? — спросила она. — Смотри на меня. Смотри мне в лицо. Я

позвала тебя, хотя ты, возможно, убил моего сына.... — Она снова шмыгнула. — И все же. Если люди увидят, в какой бедлам превратилась твоя жизнь, они скажут: глядите, это сын Амопе, и его жизнь рвется в клочья, как старая тряпка. Поэтому я не буду молчать, даже если ты скажешь, что я говорю гадости. Я скажу то, что должна. Ты меня слышишь?

— Слышу, *ма.*

— Похоже, у твоей жены рождаются только дети Абику, и так будет всегда. Не закатывай глаза, мальчик, — думаешь, я тебя не вижу? Думаешь, я слепая? — Она хлопнула меня по руке. — Даже если ты проживешь тысячу лет, нельзя так смотреть на мать! Все, что я говорю, для твоего блага! Все, что я для тебя делала с самого твоего рождения, было для твоего блага!

— Муми, что ты от меня хочешь? Прошу, просто договори до конца.

— Есть одна девушка; возможно, ты ее даже знаешь. — Она покачала головой. — Хотя нет, она совсем не твоего круга, вряд ли ты ее знаешь. Она только что окончила школу. Хорошая девушка, еще не повидала всякого, как эти нынешние девицы.

— И? — Лоб запульсировал, как перед мигре-

нью.

— Господь делает все, что ему угодно; как знать, может, эта девушка родит тебе детей, детей, которые будут жить? Я не хочу сказать, что Йеджиде — плохой человек, но против судьбы не пойдешь. А с тех пор как ты женился на этой Йеджиде, все идет наперекосяк. Думаю, ей не суждено быть матерью. Она пыталась, слепцу ясно — она пыталась. Но побороть судьбу мало кому удается. Я-то знаю, я довольно прожила на этом свете.

— Хочешь, чтобы я женился на девушке, которую ты мне нашла? — Я отвернулся и посмотрел в другую сторону. На противоположной стороне улицы мужчина приклеивал к фонарному столбу листовки с призывами голосовать за кандидатов на выборах.

— Ты не хочешь иметь детей? Что ты будешь делать, если эта ваша Ротими умрет?

— Ротими не умрет. — Я не пытался ее убедить, я верил в это, как в свершившийся факт. Солнце встает на востоке, четыре плюс четыре равно восемь, Ротими не умрет.

— И даже если она не умрет, это всего один ребенок. Ты хочешь, чтобы у тебя всю жизнь был всего один ребенок?

— Ты хочешь, чтобы я опять взял другую же-

ну? — Мужчина отошел от фонарного столба, оглядел зеленую листовку, кивнул и перешел к следующему фонарю. Издалека я различил на бело-зеленой листовке надпись: «Надежда-93».

— Я же тебя не принуждаю. Не захочешь жениться, что-нибудь придумаем. Можно просто сделать так, чтобы она забеременела. — Она хлопнула по тыльной стороне ладони. — Не может быть, чтобы мудрость так оскудела, что нам придется искать ее на небесах.

— *Лай лай*, муми. Никогда.

— Не спеши отказываться. Знаю, ты сейчас подумал о том, что случилось с Фуми, но…

Стоило ей упомянуть Фуми, и я перестал ее слышать. Только видел, как шевелятся ее губы.

Она похлопала меня по плечу.

— Акин? Ты слушаешь? Почему не отвечаешь?

Я схватился за лоб, постукивая ногой в такт пульсации в голове.

— Муми, ты и так уже разрушила мою жизнь.

Она раскрыла рот.

— Акинйеле, что ты такое говоришь?

— Хватит лезть в мою жизнь, *ема да соро ми мо*[42], слышишь?

---

[42] Примечания: 42
Не говори со мной больше (*йоруба*).

— Ты заболел? Что я такого сказала?

Я встал.

— Никогда больше не заводи разговор на эту тему. Никогда. *Лай лай*.

— Я? Акин, ты как с матерью разговариваешь? Акин? Акинйеле? *Аби*, ты что, уходишь, Акин? А ну вернись! Акин, я с тобой разговариваю! Не слышишь, что я тебя зову? Вы только на него посмотрите. Акинйеле!

Я не обернулся.

37

Когда отец вспоминал мою мать и говорил о своей любви к ней — а это случалось редко, — он всегда добавлял: *«Йеджиде, оро ифе би аданво ми»*[43]. Он делал акцент на этой поговорке, будто хотел, чтобы я ее запомнила, даже если бы забыла все остальное. Он, видимо, считал, что извлек этот урок из отношений с матерью и ее смерти и должен был передать мне эту мудрость. «Йеджиде, любовь — это испытание». Я никогда не понимала, что это значит, и не спрашивала, догадываясь, что он снова пустится в описания страданий матери, которые та понесла по моей вине. К подростковому возрасту я перестала слушать его ужасающие рассказы о том, сколько крови она потеряла, но так никогда и не смогла забыть его взгляд, когда он говорил о ее смерти. Он будто оценивал меня, пытался определить, стоила ли я всего, что он потерял.

За годы я слышала эту поговорку много раз от разных людей, но до сих пор не понимаю, о чем она. В каком смысле любовь — это испытания?

---

[43] Примечания: 43
Любовь — это испытание (*йоруба*).

Какова цель испытания? Кто его проводит? Я верила, что любовь проявляет в человеке все хорошее, облагораживает его и подсвечивает лучшие качества. Даже узнав, что Акин держал меня за дурочку, я некоторое время продолжала верить, что он меня любит и поэтому непременно поступит правильно и благородно. Я верила, что он посмотрит мне в глаза и извинится.

И я ждала, когда это произойдет.

Когда Дотун зашел в нашу спальню после того, как Сесану поставили диагноз, и сказал, что ему жаль, что Акин так и не вылечился от импотенции, я сразу догадалась, что он думал, будто я знала, что Акин ездил в Лагос не в командировки, а к урологу в университетскую больницу. Я же не знала ничего про уролога, прописанные лекарства и пройденные процедуры. Но в тот вечер, решив, что, когда жизнь над тобой смеется, надо посмеяться в ответ и притвориться, что поняла юмор, я кивала и притворялась умной — мол, да, я давно сама обо всем догадалась. И все же я думаю, что Дотун все равно понял, что мой брак построен на лжи.

Вопреки всему я не сомневалась, что Акин меня любил. А поскольку любовь — испытание, выявляющее в людях лучшее, убеждала себя, что муж

скоро придет ко мне и объяснится. Я направляла все силы на лечение сына, но в то же время продолжала ждать, когда Акин во всем признается.

После того как он застал меня в постели с Дотуном, я думала, он поговорит со мной прямо, извинится, признается, что у него проблемы, которые умудрялся от меня скрывать, и будет умолять меня остаться. Но он, кажется, решил продолжать притворяться всю жизнь. Мне было трудно с этим смириться. Даже когда я переехала в другую комнату и перестала с ним разговаривать, я все еще верила, что знаю, кто он на самом деле, что под маской обмана и предательства скрывается знакомый мне человек. Тот, кто никогда не позволил бы мне умереть, не сказав мне правду.

За несколько недель до первого приступа серповидноклеточной анемии у Ротими я наконец поняла, что Акин готов врать мне всю оставшуюся жизнь, если будет думать, что это сойдет ему с рук. Когда Ротими положили в больницу и я поехала домой, не оставшись с ней на ночь, я понять не могла, как он мог просить меня остаться. Неужели он не понимал, что я устала от вердиктов врачей, плохих новостей, хороших новостей, мрачного молчания, заверений, похлопываний

по плечу, призванных облегчить плохие новости и подкрепить хорошие? Оламида, Сесан, теперь Ротими: все это время мне казалось, будто я зависла над краем пропасти, и сейчас мне это так надоело, что я хотела лишь одного — наконец упасть.

Когда Ротими выписали и они с Акином вернулись домой, я посмотрела на него другими глазами. Он не изменился, нет; я просто поняла, что никогда толком его не знала. Я усомнилась в любви, в которой когда-то была так уверена, и пришла к выводу, что он женился на мне, потому что считал меня наивной.

За неделю до президентских выборов я решила, что настало время для откровенного разговора. Акин сидел в гостиной с Ротими и смотрел по телевизору дебаты двух кандидатов. Я не видела смысла дожидаться конца дебатов: я и так ждала три года, пока он придет и объяснится. Мне даже казалось, что я должна нанести удар, когда он будет ждать его меньше всего, чтобы не дать ему возможности вывернуться. Я села в кресло напротив, заняв выгодную позицию. Хотела увидеть эмоции на его лице и оценить, как он отреагирует на мою засаду.

— Скажи, Акин, правда ли, что ты не можешь…

что ты не можешь… Акин, ты импотент?

Как же мне хотелось, чтобы из уважения ко мне он прямо ответил на мой вопрос, когда я наконец спросила его об этом в лоб. Но он улыбнулся, откинулся в кресле и посмотрел в потолок. Он долго молчал.

Я ждала, глядя, как Ротими забирается к нему на колени. Ведущий дебатов говорил о влиянии программ структурной адаптации Международного валютного фонда на нигерийское общество.

— Когда Дотун тебе рассказал? — наконец спросил Акин и подтянул Ротими к себе.

— Перед тем как рассказал, что ты попросил его меня соблазнить.

Мы говорили спокойно; в наших словах не было ни страсти, ни накала. Мы словно обсуждали дождь, который шел все утро. Акин закинул ногу на ногу, затем переложил ноги по-другому, а я думала о том, какой путь нам пришлось пройти до этого момента, когда мы наконец сели друг напротив друга в гостиной и впервые спокойно обсудили его импотенцию.

Я подумала о Фуми. Вспомнила, с какой уверенностью Акин утверждал, что я не беременна, еще до того, как врачи диагностировали у меня ложную беременность.

Акин сморщил нос.

— Что будешь делать? — спросил он.

Я чуть не улыбнулась. Он совсем не изменился. По-прежнему избегал правды, отвечая вопросом на вопрос. Я почти обрадовалась его типичной реакции.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказала я. — Акин, это правда?

Он закрыл лицо руками, словно не в силах был вынести мой взгляд. Меня ничуть это не тронуло; я хотела только одного — услышать его признание.

— Акинйеле, зачем ты прячешь лицо? Посмотри на меня и ответь на вопрос.

Он убрал руки и схватился за горло, будто хотел сам себя удушить. Мне было его совсем не жалко. Да и как я могла его жалеть? Этот человек весь первый год нашего брака смотрел мне в глаза и лгал, что все пенисы разные: некоторые твердеют во время секса, а некоторые нет. Он говорил об этом так спокойно, так непринужденно вплетал это в разговор, и я поверила, что все мужчины рассказывают об этом своим женам-девственницам. Ему даже не пришлось врать, чтобы меня обмануть. Теперь я поражалась своей наивности.

— Йеджиде, зачем ты вынуждаешь меня гово-

рить то, что и так знаешь?

А что я знала? Я знала, что раньше так же усердно поддерживала его ложь, как он сам, пожалуй, даже усерднее, ведь Акин сам себе признавался, что врет, а я — нет. Я не могла себе в этом признаться, пока Дотун не сказал правду вслух. Ведь Акин был любовью всей моей жизни. До того как у меня появились дети, он был моим спасением от одиночества; я не могла допустить, что он не идеален. Поэтому я прикусывала язык, когда клиентки говорили о сексе, и разрешала ему взять себя за руку, когда он говорил врачу, что с нашей сексуальной жизнью все в полном порядке. Я убеждала себя, что делаю это из уважения к мужу. Что мое молчание значит, что я хорошая жена. Но больше всего мы врем себе. Я прикусывала язык, потому что не хотела задавать вопросы. Мне было удобно считать мужа достойным доверия; верить порой проще, чем сомневаться.

— Прости меня, — сказал он, поглаживая Ротими по головке.

В тот момент я поняла, что не добьюсь от него прямого ответа, даже если приставлю нож ему к горлу.

— Фуми ты тоже одурачил? — спросила я.

Он покачал головой:

— Она была не такая, как ты.

Я вздохнула:

— То есть не дура?

— Не девственница.

Мне больше было нечего сказать; я встала и вышла из гостиной. А он даже не попросил меня хранить его тайну: знал, что я никому не расскажу.

Страну охватило предвыборное волнение, и вопреки себе я тоже ему поддалась. В дни накануне выборов ходила и напевала агитационные песенки. Ийя Болу все-таки уговорила меня зарегистрироваться на голосование. С приближением выборов у меня возникло непривычное ощущение, будто я на что-то влияю.

В субботу Ийя Болу приехала к нам домой в семь утра. Она была очень взбудоражена и просила меня поторопиться, чтобы успеть на участок к восьми. Акин зарегистрировался на ближнем к офису участке на круговом перекрестке и уже уехал голосовать. Примерно в половине девятого я привязала Ротими к спине, и мы вышли из дома.

На участке собралось уже несколько сотен человек. Мы проголосовали, сели в тени мангового дерева и в ожидании подсчета голосов начали

обсуждать скорую свадьбу племянницы Ийи Болу. Свадьба должна была состояться через две недели, но мы планировали приехать в Баучи за несколько дней: Ийя Болу хотела помочь семье брата с праздничными приготовлениями.

Когда начальник избирательного участка в очках, закрывавших пол-лица, наконец объявил результаты, раздались аплодисменты и кто-то закричал: «Ура, Нигерия!» Я поддалась эйфории и бросилась пожимать руки незнакомым людям. Казалось, будто мы вместе пережили долгое и утомительное путешествие.

В день своего отъезда в Баучи я нарядила Ротими в фиолетовое платье без рукавов. Акин внизу возился с машиной. Он взял отпуск и решил на пару дней поехать в Лагос. Я не спрашивала, зачем ему в Лагос: не хотела знать. Акин купил Ротими нарядное платье, потому что думал, что на ее день рождения я приглашу гостей. Никаких гостей я приглашать не собиралась, но платье Ротими понравилось. Она надевала его, проводила ручками по кружевному лифу и улыбалась.

Тем утром я одевала ее дольше обычного: она раскапризничалась, потому что я рано ее разбудила, чтобы выехать из дома до шести. Я уговорила ее надеть туфли, усадила на туалет-

ный столик и стала пудриться. Закончив, слегка припудрила ей лобик тальком. Она не шевелилась, когда я втирала тальк в кожу. Я села на табуретку и накрасила губы розовой помадой, заглянула в зеркало убедиться, что не запачкала зубы, а Ротими наклонилась и прижала пальчик к моей верхней губе. Затем потянула руку к своим губам; я думала, она станет сосать палец, но она провела им по нижней губе, притворяясь, что красит губы.

— Какая умная девочка, — сказала я.

Она снова коснулась моих губ, чтобы взять еще помады. Ее мягкий пальчик скользнул по моей нижней губе, прикосновение было легким как перышко. Когда она закончила красить губы, я усадила ее на колено, чтобы она посмотрела в зеркало, но Ротими даже не взглянула. Она повернулась ко мне и принялась крутить головой, пытаясь поймать мой взгляд, будто я была единственным зеркалом, куда ей хотелось смотреться.

— Ты на свете всех милее, — сказала я дочери, которой никогда не рассказывала сказки. Рассказывать сказки и петь песенки больному ребенку казалось бессмысленным, поэтому я даже не начинала. Мне не нужны были сказки; я хотела,

чтобы она была здорова. Хотела вылечить ее, спасти. А когда она растерла помаду губами, как я за несколько секунд до этого, мне захотелось прижать ее к себе крепко-крепко и сделать так, чтобы она снова очутилась у меня в животе и вышла оттуда с новым генотипом, освободившись от страданий и боли, висевших над ней постоянной угрозой.

Лишь когда Ротими вскрикнула, я поняла, что слишком сильно стиснула ее плечи, и услышала свое тяжелое дыхание. Я ее отпустила. Вот почему я не позволяла себе часто оставаться с ней наедине — из-за мыслей, что толкали меня с обрыва в бездонную яму, куда я проваливалась, отчаянно размахивая руками и ногами. Вдруг возникло желание опустить голову на столик и заплакать. Я глубоко вздохнула и поправила золотую цепочку на шее дочери.

Я усадила Ротими на колени, и мы поехали в наш старый район за Ийей Болу. Та ждала на крыльце с дорожной сумкой.

— Видишь свой старый дом? — спросила она, устроившись в машине. — Туда переехала новая семья, и теперь там полный бардак. Смотри, вся краска облупилась. И они даже не думают его перекрашивать. Мужик там живет — псина

похотливая.

Акин поехал в Оми Асоро за своей секретаршей Линдой. Тем утром она тоже ехала в Лагос, и Акин предложил ее подвезти. Мы подъехали к дому Линды; та высунулась в окно и сказала, что выйдет через пять минут. Пока мы ждали, Акин крутил приемник в машине и пытался найти станцию, где передавали новости. Выборы состоялись девять дней назад, но мы так и не знали, кто победил.

— Хочешь послушать про выборы? — спросила Ийя Болу. — Шутка ли, прошло уже почти две недели. Вот и опять понедельник. Разве может суд запретить обнародовать результаты выборов? Да и зачем?

— Не думайте об этом, тетя. Суд не может вмешиваться в это дело, и судья об этом знал; юрисдикция есть только у президентского трибунала.

— *Аби*, военные хотят остаться у власти, *ни*?

— Но они должны передать власть, — ответил Акин. — Столько денег вложено в этот переход. Не можем же мы все спустить на ветер.

— Когда же Господь над нами сжалится? — вздохнула Ийя Болу. — *Аби*, неужели наши дети будут расти при военном правительстве?

Когда Линда села в машину, я чихнула. Она словно вылила на себя два флакона с духами. Акин включил кондиционер и опустил окно.

Мы подъехали к автостанции. Я отдала Ротими Линде.

— Ты не возьмешь с собой Ротими? — спросила Ийя Болу, захлопывая дверцу машины и поправляя юбку.

Я покачала головой и подождала, пока Акин откроет багажник. Он достал мою дорожную сумку и проводил нас к деревянному навесу, где стояли автобусы. В автобусе до Баучи сидели семь пассажиров.

Акин отдал мою сумку водителю и обошел автобус кругом. Осмотрел шины, проверил руль, педали и рычаг переключения передач. Он всегда так делал, когда провожал меня на автобус. Когда мы встречались, это казалось забавным, но в то утро я впервые задумалась, зачем он это делал. Теперь я относилась с подозрением к любому его действию и во всем видела грандиозный обман.

— Мы с Линдой поедем, — сказал он, когда я села в автобус.

— Хорошей дороги, — ответила и я подвинулась, освобождая место для Ийи Болу. В присутствии посторонних мы с Акином держались

подчеркнуто вежливо, иногда даже изображали дружелюбие.

— Я тебе позвоню, — сказал он. — Ийя Болу, ничего, если я позвоню в дом вашего брата после семи вечера?

— Звони, звони. Только скажи служанке, кого позвать к телефону.

— Ладно. Хорошей дороги.

38

— Ваша жена приедет позже, сэр? — Портье, видимо, счел меня неспособным позаботиться о Ротими самостоятельно.

— Можно заказать в номер бутылку вина? — попросил я. Приехав в Лагос около полудня, я простоял в пробке несколько часов, но все же успел на прием к урологу в университетскую больницу. Впрочем, мне сообщили, что мой врач заболел и выйдет на работу только в четверг. Теперь у меня не было настроения подыгрывать портье.

Он кивнул и снял трубку.

В номере я сменил Ротими подгузник и замочил грязный в раковине, а сам подумал, что надо бы спросить Йеджиде, не пора ли приучать ее к горшку.

Я не спустился на ужин в ресторан и заказал в номер рис. Ротими хотела есть сама и вырывала у меня ложку. В конце концов я сдался, но прежде она в ярости кинула на пол кусок мяса. Горничная пришла и убрала бардак, а я включил телевизор, стал ходить по комнате взад-вперед и спорить с передачей по поводу происходящего в стране.

Ротими сидела на кровати, смеялась и хлопала в ладоши: наверно, думала, что я разыгрываю для нее спектакль. Час я переключал каналы, надеясь услышать от военного правительства какие-то новости о выборах, а затем раздраженно выключил телевизор.

Пока Дотун не потерял работу, приезжая в Лагос, я всякий раз останавливался у него дома в Сурулере. Сейчас, сидя в гостиничном номере и глядя, как Ротими отрывает руку своей кукле, я пожалел, что не могу поехать к нему и поспорить о текущей политической ситуации. Я знал, что он бы принялся оправдывать военное правительство, отказавшееся обнародовать результаты выборов; он принадлежал к числу идиотов, которые всем твердили, что военные — лучшее, что случилось с нашей страной. Мне его не хватало.

В Лагосе я думал о Дотуне постоянно. Мы вместе ходили в местный университет, а когда я учился на последнем курсе, снимали квартиру в городе. Тогда я впервые рассказал ему, что у меня никогда не было эрекции. Сперва он рассмеялся, потом понял, что я не шутил, почесал в затылке и велел не волноваться: мол, все будет нормально, я просто не встретил подходящую девушку. Дотун есть Дотун: пока мы ждали эту подходящую девушку,

он приводил домой девчонок десятками днем, а по вечерам тащил меня в квартал красных фонарей на Аллен-авеню. Когда в последнем семестре я начал лечиться от импотенции в частной клинике в Икедже, Дотун приносил мне травы и чудо-снадобья. От них меня рвало и слабило, но член не становился тверже. Дотун показал мне все порнографические фильмы, которые можно было достать в Нигерии. Я посмотрел их все. Ничего не помогало.

Вспомнив о брате, я подумал, не позвонить ли его жене Аджоке и попроситься навестить племянников, пока я в городе. Я не собирался отвечать на письма Дотуна, но рядом с Ротими, которая щипала меня за нос и смеялась, когда я вскрикивал от боли, не мог отрицать, что обязан ему, несмотря на их с Йеджиде роман.

Но я не позвонил Аджоке; я позвонил в Баучи, и горничная ответила, что Ийя Болу и моя жена уже легли спать.

Во вторник утром я купил газету и стал искать новости об оглашении результатов выборов. Хотя страницы пестрили безумными слухами, теориями и гневными заметками, никакой конкретной информации я не нашел. Федеральное военное правительство так и не выступило с

официальным сообщением. Становилось ясно, что незаконное судебное постановление, препятствующее обнародованию результатов выборов, служит целям военных. Верховные суды в Ибадане и Лагосе уже вынесли решение, опровергающее этот запрет, и приказали Национальному избирательному комитету огласить результаты. Я не верил, что этот странный спектакль разыгрывается для того, чтобы военные остались у власти; мне почему-то казалось, что они просто пытались оттянуть день передачи власти на несколько месяцев, потому и не оглашали результаты.

Помню, как, сворачивая газету, я думал, что ситуация разрешится в течение нескольких недель. Мне казалось, военные понимали, что утратили популярность, и до конца года должны были уйти в свои бараки. Если бы в то утро мне сказали, что военная диктатура в Нигерии продлится еще шесть лет, я бы рассмеялся.

После завтрака я снова позвонил в Баучи и поговорил с Ийей Болу. Та повысила голос, сказав, что Йеджиде в ванной, и я решил, что жена с ней рядом, просто не хочет со мной разговаривать. Я, напротив, очень хотел с ней поговорить и думал, раз она уехала, она тоже этого захочет, что ей бу-

дет хотя бы интересно узнать, как дела у Ротими. Я планировал вскользь упомянуть, зачем на самом деле приехал в Лагос. Я был готов обсудить с ней свое состояние и решил, что это будет проще сделать, не глядя ей в глаза; тогда она не смогла бы выйти из комнаты. В худшем случае бросила бы трубку. Я сказал Ийе Болу, что перезвоню вечером, чувствуя, что готов признаться Йеджиде во всем, даже рассказать, как ходил к знахарю.

В один из худших периодов своей жизни — я до сих пор считаю его одним из худших — я поехал в Илара-Мокин к Бабе Суке. Это случилось, когда Йеджиде заявляла всему миру, что беременна, хотя все анализы и исследования указывали на обратное.

Я-то думал, что все знахари должны быть стариками, но Баба Суке оказался молодым парнем; ему не было еще и тридцати. Он велел мне выпить черную вязкую жижу и взял за нее пять найр.

На обратном пути в Илешу у меня над пахом что-то забурлило. Я припарковался на обочине и прислушался к своему животу: неужели это тихое урчание и спазмы означали, что жижа подействовала?

Все случилось внезапно. Пока вонь не разнеслась по машине, я и не поверил, что это

произошло. Я не излечился — меня просто пронесло, да так, как никогда раньше не проносило. Я сидел и ошеломленно смотрел перед собой; водянистая жижа пропитывала джинсы, а мимо летели автомобили. В следующем месяце я поехал в Лагос встретиться с Дотуном и ничего не рассказал о Бабе Суке, а стал умолять приехать в Илешу и помочь Йеджиде забеременеть.

Вечером я снова позвонил в Баучи, но горничная сказала, что Ийя Болу и Йеджиде ушли. Даже когда я перезвонил и Ийя Болу опять сказала, что Йеджиде в ванной, я продолжил уговаривать себя, что раз она не ушла от меня после того разговора, это что-то да значит. Хотя она по-прежнему со мной не общалась и часто выходила из комнаты, когда я пытался с ней заговорить, я радовался, что она по-прежнему живет в нашем доме. Она раскрыла мою тайну, но мы все еще жили под одной крышей. Это что-то да значило. По возвращении в Илешу я планировал усадить ее и спросить, можем ли мы начать сначала.

В среду утром я услышал, что президентские выборы аннулировали. Кажется, до этого я слышал слово «аннулировать» лишь в связи с аннуляцией брака. Я определенно никогда не слышал, чтобы это слово произносил официант в

гостинице. К вечеру об этом передали в новостях, и на улице собралась небольшая толпа. Устроили протест без транспарантов, жгли шины. На проезжей части стоял мужчина, раскинув руки, как крылья; кто-то строил баррикады, вытаскивая на дорогу большие ветки и куски металлолома и рассыпая гвозди и битые бутылки.

Я отвернулся от окна и посмотрел на дочь.

— Невозможно, — сказал я, — это просто невозможно! Они это несерьезно. Кем себя возомнили эти военные?

Она повторила слово «невозможно» и подбросила вверх погремушку.

Вечером я заявил, что подожду, пока Йеджиде выйдет из ванной, где она, похоже, поселилась с тех пор, как приехала в Баучи.

— Что? — сказала она, взяв трубку.

— У тебя все в порядке? В Лагосе протесты из-за аннуляции. У вас все спокойно?

— Да.

— Просто хотел убедиться, что ты в порядке. В Икедже сегодня строили баррикады, думаю, завтра протестующие вернутся. Вряд ли получится завтра попасть к урологу.

Я постукивал по телефонному диску, надеясь, что она обратила внимание на мое упомина-

ние уролога. Я ждал, что она как-то отметит это: вздохнет, начнет расспрашивать или фыркнет. Меня бы устроила любая реакция.

— Ты слушаешь? — спросил я, не дождавшись ответа.

— Что-то еще? — спросила она.

— У Ротими все хорошо. Только что уснула.

— Спокойной ночи.

Утром я проснулся чуть раньше восьми и с удивлением обнаружил, что Ротими все еще крепко спит. Со дня приезда в Лагос она всегда будила меня, целовала в подбородок и постукивала по щекам. На улице собралась толпа; люди выкрикивали лозунги и размахивали транспарантами. К полудню там собралось, наверно, несколько тысяч человек; подожгли шины, воздух пропитался гарью. Ехать в больницу было бессмысленно.

За обедом Ротими не стала есть бобы, и я заказал рис. Но она и от риса отказалась. Сползла с моих колен и легла на пол. Я встал рядом с ней на колени и пообещал мороженого, если она поест. Но она не попыталась даже сесть, не улыбнулась и не стала спорить. Она закрыла глаза и положила сверху левую руку. Я потрогал ее лоб — он был теплым, кажется, у нее поднималась температура. Я поднял ее и уложил на кровать. Я взял

с собой сироп парацетамола и другие лекарства, но, когда выпустил ее, она задрожала, и я решил, что лучше немедленно ехать в больницу.

Я подошел к окну и посмотрел на улицу. Пропустит ли меня толпа, если я объясню, что дочь больна? Тогда-то я и увидел солдат. Я все еще стоял у окна, когда раздался первый выстрел. Я упал на пол, забрался под кровать и утянул дочь за собой. Ротими зажмурилась и закричала. Сначала я решил, что ее напугали выстрелы, но потом коснулся ее лба — тот раскалился как печь.

39

В первый вечер в Баучи перед сном Ийя Болу прочла мне лекцию: мол, я должна взять себя в руки и начать заботиться о Ротими как полагается. Она сидела перед зеркалом, втирала в шею лосьон и разглядывала прыщик на носу.

— Если я не скажу тебе правду, Ийя Ротими, то никто не скажет. Ты поступаешь неправильно. Что тебе сделала эта девочка? Я никогда не видела, чтобы ты с ней играла, ни разу. Подумай о ее Создателе и прекрати так себя вести. Я видела, как ты сажала ее на колени и отодвигала подальше от себя. Нехорошо это. Это все из-за ее болезни? Что ж, никто не умеет предсказывать будущее. Ты мать, ты должна о ней заботиться; это твоя задача. А будет ли она жить или умрет, решать Господу. Не думай о ней как о мертвом ребенке. Не поступай так.

— Прежде чем назвать улитку слабой, попробуй привязать к спине свой дом и таскать его неделю, — ответила я. Мне казалось странным, что Ийя Болу, чьи дети никогда не умирали, считает нормальным указывать мне, как жить. — Да и вспомни, когда твои дочери были такого же

возраста, как Ротими сейчас, они у тебя ползали без присмотра в коридоре.

Ийя Болу нахмурилась и натерла лицо ночным кремом.

— Хочешь оскорбить меня и заставить замолчать? Я знаю одно: ты должна перестать наказывать Ротими за смерть… тех, других.

— «Тех других» звали Оламида и Сесан. И я тебя не оскорбляю. *Аби*, ты же сама разрешала им ползать в том коридоре.

Ийя Болу встала, подошла к своей кровати и села.

— Но я кормила их, когда они хотели есть, и обнимала, когда они плакали. Ийя Ротими, я не хочу ковырять свежую рану. Я просто говорю, что другой матери у нее не будет, а у тебя пока тоже других детей нет.

Я ни за что не наказывала Ротими. Я просто считала, что она долго не проживет и все равно не запомнит, что я делала или не делала. Я верила, что рано или поздно она умрет, как другие мои дети, и готовилась к этому моменту, заранее привыкала к роли бездетной. Думая о ее смерти, я лишь надеялась, что она не будет мучиться. Я не обнимала ее, потому что оберегала себя. Со смертью Сесана и Оламиды часть меня всякий

раз умирала, а поскольку я не хотела умереть совсем, когда Ротими не станет, я держалась от нее на расстоянии.

— Ты велела горничной солгать мужу и сказать, что мы уже уснули. Вы поссорились?

— Даже зубы во рту иногда нет-нет да прикусят язык.

— Ийя Ротими, сколько же ты знаешь поговорок. Спокойной ночи, *о джаре*.

Она отвернулась и натянула на голову одеяло.

В четверг я осталась одна дома с горничной. Брат Ийи Болу с женой ушли на работу, Ийя Болу отправилась на рынок за подарками детям. Вечером должна была приехать будущая невеста; она работала преподавателем в Университете Джоса. Я читала старую газету, когда вошла горничная и сообщила, что мне звонят из Лагоса.

— Я же велела тебе сказать ему, что занята.

— Мадам, он говорит, это срочно. Ваш ребенок заболел.

Я отложила газету и пошла в гостиную.

— Йеджиде, — сказал Акин, когда я взяла трубку, — Ротими потеряла сознание.

Я рухнула в кресло. Все это время мне казалось, что я готова услышать новости о смерти Ротими или узнать, что она умирает, ведь я была далеко и

отдалилась от нее физически и эмоционально. Но много ли мы знаем о себе? Можем ли предсказать, как поступим в той или иной ситуации, пока ситуация не наступит? С самого ее рождения я готовилась к худшему, но за всю жизнь не смогла бы подготовиться к удару, который обрушился на меня в тот день, когда весь мир поплыл перед глазами.

— Ей надо в больницу, — сказала я.

— На улицах стрельба, Йеджиде. Тут везде военные. Они стреляют в толпу. Она кричала, а потом вдруг перестала. А потом я… я пытался ее растормошить, но она не реагирует. Но она дышит. Она все еще дышит.

— Ей надо в больницу.

— Что еще можно сделать? Что можно сделать прямо сейчас? Йеджиде? Йеджиде? Ты меня слышишь? Что мне сейчас делать?

— Ей надо в больницу.

— Ты можешь что-то другое сказать? Нас могут подстрелить; там кого-то уже убили. Что еще можно сделать? Йеджиде? Ты знаешь, что еще можно сделать? Тебя обучали экстренной помощи, когда ты была в больнице с Сесаном? Йеджиде?

Остаток жизни Ротими пронесся у меня перед глазами.

— Я не вернусь.

— Что ты такое говоришь?

— Я не вернусь в Илешу. Я не вернусь к тебе.

— Что ты такое говоришь? Слушай, мне надо идти. Я позвоню вечером и скажу… и скажу.

После того как он отключился, я еще долго сидела в чужой гостиной и прижимала к уху телефонную трубку. Хорошая мать дождалась бы неизбежного звонка, вернулась в Илешу, приняла гостей и соболезнования, как и положено скорбящей хозяйке дома. Хорошая мать исполнила бы свою роль, хотя ее дочь уже умерла, и лишь после этого ушла бы от мужа. Но я устала, и в Илеше меня больше ничего не держало. У меня оставался салон, но из-за одного лишь салона я не стала бы возвращаться в город, где жил Акин. Мне претила сама мысль, что придется еще раз проехать мимо больницы Уэсли Гилд, увидеть детей, одетых в такую же школьную форму, что носил Сесан, когда был жив. И я поступила по-своему.

Я выпила два стакана воды и пошла в комнату, где поселили нас с Ийей Болу. Взяла только сумочку. В ней было все необходимое: чековая книжка, ручка, блокнот, наличные деньги, которые я привезла с собой в Баучи, и единственная фотография матери, которая у меня сохранилась.

Я оставила записку на кровати Ийи Болу. Ее невестка наверняка прочтет первой и объяснит, что я уже не вернусь.

Я вышла на улицу и поймала такси, ехавшее в сторону автобусной станции. Слезы застилали глаза, и, садясь в такси, я чуть не споткнулась. В тот момент мне пришлось признаться, что я потерпела неудачу. Ротими тоже забрала с собой часть меня. Я вышла из такси и вытерла слезы, чтобы прочитать таблички с направлениями автобусов. Я знала, что никогда не забуду Ротими и не смогу стереть ее из памяти, как мне того хотелось.

Я села на автобус в Джос. Я слышала, что это самый красивый город в Нигерии, и всегда мечтала там побывать. Со временем я пойму, что мои дети не только забрали часть меня, но и оставили мне часть себя. Мои воспоминания о них, щемящие и постоянные, ощущались как физическое присутствие. Поэтому, сидя в автобусе, который вез меня в незнакомый город, пока мой последний ребенок умирал в Лагосе, а страна погружалась в хаос, я не боялась. Ведь я была не одна.

Часть IV

40

Илеша,

декабрь 2008 года

Я здесь. Дрожащими руками поправляю покрывало; сердце рвется из груди, но я здесь, и я никуда не уйду, пока не повидаюсь с тобой.

Сотни гостей собрались в дорогих шатрах с кондиционерами — на проводы твоего отца не поскупились. Для его поминок арендовали школьное футбольное поле. Повсюду растяжки с фотографиями покойного, дежурят полицейские, отлавливая нарушителей, а гирлянды лампочек будут подсвечивать торжество до поздней ночи. Повезло умереть тому, чьи дети могут устроить такой фестиваль в его честь. Но я пришла не из-за его смерти; я пришла из-за ребенка, которого оставила и чью смерть не хотела видеть.

Я хотела вернуться много раз, расспросить тебя о ее последних минутах. Надежда казалась слишком большой роскошью, и я отказалась от мысли, что она могла выжить. Я думала вернуться, но лишь для того, чтобы спросить, страдала ли она

от боли.

Много раз я собирала сумку и велела водителю приготовиться к поездке в Илешу. Но когда наступало время уезжать из Джоса, замирала и не могла встать с кровати. Казалось, от малейшего движения я разобьюсь на миллион крошечных кусочков. Эти дни я проводила в кровати и беззвучно плакала; слезы стекали по щекам и щекотали ухо, потому что сил не хватало даже их вытереть. Через десять лет я перестала планировать эти поездки и целых пять лет не собирала сумку и не просила водителя приготовиться к поездке на юг.

А теперь я готова; теперь мне хватит сил выслушать, как прошли ее последние минуты, и узнать, где она похоронена. Нет смысла отрицать, что со мной случилось худшее, что только может случиться с человеком; факт, что я не видела могилы детей, не отменяет того, что я пережила их, ведь это они должны были стоять у свежевырытой могилы и бросать песок на крышку моего гроба. Акин, мне теперь плевать на уважение к традициям: я хочу увидеть могилу дочери.

В шатрах все оформлено в желтых и зеленых тонах. Зеленые скатерти и желтые атласные чехлы для стульев с зелеными бантами. Я сажусь на

первый попавшийся стул в шатре, где значится твое имя; тут около тысячи гостей. Ты, должно быть, крупно потратился, но гостям этого мало. За столиком все жалуются; никому не подали угощение. Даже воду.

— Но шатер очень красивый, и эти банты на стульях, — я по привычке вступаюсь за тебя, будто речь о моей семье, будто я не сбежавшая блудная жена.

Сидящий рядом мужчина фыркает:

— И что прикажете есть, скатерти? Я и дома могу пообедать. Если им не по карману нас кормить, зачем позвали такую ораву? Их кто-то заставлял устраивать такие пышные похороны? Насильно заставлял?

— Официанты скоро подойдут, я уверена. — Я встаю и сажусь за другой столик. Я не нахожу себе места, барабаню пальцами по колену и ищу в толпе голову, похожую на твою. Шапочку ты наверняка снял; у тебя голова потеет. Я ищу непокрытую голову.

— Проверка микрофона, проверка микрофона. Раз, два, три. Проверка, проверка; раз, два, раз, два, — слышится голос в динамиках.

И тут я тебя вижу; ты стоишь через стол от меня. Я смотрю на твои губы: нижняя так и осталась

ярко-розовой. Ты меня не видишь; твой взгляд скользит по рядам, ты рассеянно приветствуешь гостей. Я впиваюсь ногтями в ладони, так хочется протянуть руку и дотронуться до тебя. Я растеряла всю свою храбрость; мне уже не хочется ничего знать, неизвестность представляется куда более заманчивой, и я цепляюсь за нее. Что, если я не готова узнать, как умерла моя дочь? Что, если мне не нужно этого знать?

— Это Баба Ротими, банкир; вы только посмотрите на него, ходячий банковский счет, — говорит женщина за моим столом и хлопает себя по бедру. Она следит за тобой взглядом.

Я удивлена, что тебя по-прежнему называют папой Ротими; надеюсь, никто не говорит тебе это в глаза. Жестоко напоминать об утрате.

— А его брат здесь? Единственные сыновья своей матери; слышала, они даже не здороваются, — говорит ее соседка.

— Конечно, он здесь. Это же и его отец тоже, разве нет? Ради покойного отца можно и помириться, — отвечает первая.

— А слышали, что говорят — мол, они из-за его жены поссорились? Бывают же стервы, ни за что не хотят ладить с родственниками мужа.

Значит, так обо мне думают? Я стерва, а ты

— святой. Я встаю, хожу по шатру кругами и наконец вижу тебя. Ты стоишь у столика с напитками.

Возле тебя девочка-подросток. Она похожа на меня, но у нее твой нос. Я моргаю, но она не исчезает: так и стоит рядом с тобой. Я приближаюсь, от изумления раскрываю рот. Я много раз представляла эту встречу, но никогда не думала, что увижу, как ты обнимаешь ее за плечи, не позволяла себе представлять, что она будет стоять и улыбаться тебе.

Почему ты мне не сказал?

Я смотрю ей в глаза, а ее взгляд рассеянно скользит по мне: она смотрит на меня как на постороннюю, как на человека, которого видит впервые. Слова рвутся наружу, заполняют грудь, вытесняя воздух, и мне становится трудно дышать. Ты поворачиваешься и видишь меня. Я перевожу взгляд с твоего лица на нее; голова идет кругом. Я думала, что проиграла эту битву, а вдруг оказалось, выиграла — не просто битву, а войну.

У нее глаза моей матери, ее длинная шея и тонкая черточка губ. Я хочу дотронуться до нее, но боюсь, что она отпрянет или испарится. Я делаю глубокий вдох, и в этот момент она тянется и дотрагивается до крестика на золотой цепочке.

Я подхожу ближе.
— Это моя дочь? Акинйеле, это моя дочь?

41

Йеджиде, каждый день с тех пор, как я послал тебе приглашение на похороны, я тревожился, как пройдет эта встреча. Тими несколько раз успокаивала меня и говорила, что все будет в порядке. Но что она знает? Она-то думает, у нас еще есть шанс стать счастливой семьей. А я знаю, что надеяться не стоит, — уверен, что надеяться не стоит, — но, когда дело касается тебя, я никак не могу перестать надеяться.

— Кто это? — повторяешь ты, указывая на Тими, но глядя на меня. — Это Ротими? Акин, кто это?

Дочь предпочитает, чтобы ее называли Тими; мол, она сама по себе, она не хочет быть памятником сестре и брату, которых даже не знала. Я с ней согласен. Она планирует официально сменить имя, но сперва хочет обсудить это с тобой. Она всегда верила, что мы тебя найдем, но с тех пор, как мы узнали твой адрес, отвергала все мои планы. Мы бронировали рейсы и так и не являлись на самолет. Я писал письма, а она рвала их. Она писала письма и рвала их.

«Что, если мама скажет, что я ей не нужна?» — спросила она однажды на выходе из аэропорта,

бросая в мусорку разорванные письма, которые писала с таким старанием. Я отвечал, что ты ее любишь и никогда бы не ушла, если бы знала, что она жива. Что она тебе очень нужна. «Даже с анемией? — спросила она всего раз. — Знаешь, у меня есть друг в университете, у него та же болезнь, и его отец из-за этого ушел из семьи. Не вынес. Если мама поэтому ушла, так и скажи. Я переживу». Тогда я ответил, что, пока ты жила с нами, ты ни на миг не выпускала ее из виду и в день, когда уехала в Баучи, впервые вышла из дома, не держа ее на руках. Я рассказывал ей о тебе только хорошее; считал, что так правильно.

Это она предложила послать тебе приглашение на похороны после смерти деда. Сама выбрала курьерскую службу, а приглашение отправил я. С тех пор мы ждали и волновались, и вот ты приехала и стоишь перед нами.

Тими касается моей руки, наклоняется и шепчет:

— Это она?

Ты смотришь на нее и выглядишь так, будто упадешь в обморок. Гости косятся на нас и вытягивают шеи.

Я беру Тими за руку.

— Йеджиде, пойдем с нами.

Чья ладонь вспотела — Тими или моя? Ты идешь следом. Тими все время оборачивается и смотрит на тебя, хмурится, словно боится, что обернется, а ты исчезнешь. Мы отходим от шатра; музыка затихает, я слышу стук твоих каблуков по твердой земле. Мы стоим у школьного корпуса; его недавно покрасили.

Мы заходим в класс. Я откашливаюсь.

— Да, это Ротими, — говорю я, — но теперь мы зовем ее Тими.

— Боже! Мне нужно сесть.

Ты садишься за деревянную парту, наклоняешься и роняешь голову на руки. Мы с Тими смотрим на тебя. Тими крепче хватает меня за руку, и у меня немеют пальцы.

— Наконец мы тебя нашли, — говорит Тими. — Помнишь Болу? Она поступила в магистратуру в Университет Джоса. Зашла в твой магазин за золотом и узнала тебя.

Ты смотришь на Тими, приоткрыв рот. Я слышу, как ты дышишь.

— Если захочешь уйти, ничего страшного. Я… я просто хотела… я просто хотела тебя увидеть. Вот и все.

Но она хотела не только этого. И я. Она хочет, чтобы ты обняла ее и сказала, что не забывала

о ней ни на минуту, хотя думала, что больше не увидишь ее никогда. Она хочет, чтобы ты осталась.

— Ротими. — Ты встаешь.

— Тими, — дрожащим голосом поправляет она. — Меня теперь все зовут Тими.

— Моя дочка. *Омо ми*.

Тими выпускает мою руку, а ты делаешь шаг ей навстречу.

Ты касаешься ее лица, будто хочешь вытереть слезы, но она не плачет. Твои щеки тоже сухие. Она опускает руки и ждет, пока ты ее обнимешь, а потом осторожно обхватывает тебя руками, словно боится сломать.

— Ротими… Тими, — говоришь ты, — ты можешь подождать снаружи? Пожалуйста? Мне нужно поговорить с Акином.

— Хорошо, — отвечает она, улыбается и добавляет: — Отпусти меня. Ты меня держишь, я не могу уйти.

Она высвобождается из твоих объятий и выходит. Идет с прямой спиной, высоко подняв подбородок, — совсем как ты. Она выходит из школы, встает боком к окну и расправляет желтое платье.

— Ты сказал, что она без сознания. — Ты сто-

ишь ко мне спиной, но я знаю, что ты смотришь на Тими.

— Так и было. Я дошел до больницы пешком. Держал ее над головой на вытянутых руках, чтобы солдаты не стреляли. Мне не разрешили взять машину, даже когда увидели, что она без сознания.

Ты поворачиваешься ко мне и вглядываешься в мое лицо. Если ты мне не поверишь, я не стану тебя винить, но все было именно так. Ты хмуришься, прислоняешься к стене и поворачиваешься к открытой двери. Ты долго молчишь; минуты тянутся как часы. Тишину нарушает лишь тихая музыка из шатров. Я пытаюсь подыскать слова и нарушить молчание, но могу думать лишь о том, как ты красива даже спустя годы, а ты хочешь услышать совсем другое. И я решаю подождать твоих вопросов, прежде чем скажу слова, которые много раз репетировал перед зеркалом, твоим зеркалом, перед которым сидела ты, когда у нас была одна спальня.

— Что ты ей про меня рассказывал? Как объяснил мой уход?

— Я сказал, что позвонил тебе и сказал, что она умерла. Она считает, что ты ушла, потому что думала, что потеряла еще одного ребенка.

Ты собираешься уходить и направляешься к выходу. К Тими. Но вдруг останавливаешься и поворачиваешься ко мне:

— Ты рассказал ей про нас с Дотуном? Про то…

— А ей нужно это знать?

Ты выпячиваешь губы и киваешь.

— Как… как ее здоровье?

— Она храбрая девочка.

Ты повышаешь голос, будто ждешь, что я начну спорить.

— Сегодня я хочу побыть с ней.

— Конечно, — отвечаю я. — Я приготовил тебе комнату у нас дома. Можем прямо сейчас уйти, если хочешь.

Ты смотришь на меня так, будто я дал тебе нож и велел саму себя зарезать.

— Нет. Я не пойду к тебе в дом.

Услышав эти слова, я проглатываю все, что хотел сказать и так старательно репетировал: «Я хочу, чтобы ты жила со мной. Мы можем жить как друзья. Я скучал по тебе. Если захочешь завести любовника, я буду не против, просто мне ничего не говори. Мы можем все начать сначала, с новыми правилами».

— Если Ротими… то есть Тими, если Тими не против, я хочу пригласить ее в свою гостини-

цу, чтобы она переночевала у меня. Завтра мы приедем к тебе — и тогда обсудим, как все будет дальше.

— Конечно, — отвечаю я.

— Хорошо. — Ты отворачиваешься, ослабляешь узел на покрывале и крепче завязываешь его, а потом выходишь на улицу. Подходишь к Тими и берешь ее за руку; вы касаетесь друг друга лбами. Ты говоришь с ней. Она кивает. Ты обнимаешь ее за плечи, и вы уходите.

42

Я держу дочь за руки, вожу большим пальцем по ее ладоням, касаюсь ее запястья и нащупываю пульс. Мне это не снится. Дочь здесь, она стоит передо мной, повернувшись спиной к двери школы. На ней золотые сандалии, ногти на ногах накрашены зеленым лаком. Фестончатый подол желтого платья касается колен, на шее — золотая цепочка с крестиком, на губах — розовый блеск, глаза подведены черным карандашом. Она здесь. Я делаю шаг к ней, прижимаюсь лбом к ее лбу и чувствую ее дыхание на своем лице. Платок на ее голове касается моего платка.

— Ротими… Тими. Тими. — Больше у меня ничего не получается сказать.

Я пересчитываю ее пальчики, захватив их большим и указательным пальцами, и еле сдерживаюсь, чтобы не встать на колени и не пересчитать пальцы на ее ногах. Я Фома неверующий, я не верю глазам своим; прежде чем возрадоваться, мне нужно потрогать то, что я увидела. Дочь смаргивает слезы и улыбается.

Я касаюсь крестика.

— Это… тот самый?

— Папа сказал, ты мне его подарила. — Она откашливается. — Я все время его ношу.

Думая о годах, что моя дочь провела без матери, я не сдерживаю слез. Мне хочется обхватить ее лицо ладонями, чтобы и она дала волю слезам. Крепко прижимать ее к груди, пока ей не станет лучше, но я понимаю, что не знаю, будет ли она плакать. Я даже не знаю, сама ли она завязала этот красивый геле[44] или кто-то помог ей расправить края. Дитя, которое я оставила, превратилось в молодую женщину, которую я узнаю, но не знаю. Слезы накатывают новой волной; в этот раз я плачу за себя и годы, прожитые бездетной матерью. Все эти годы кто-то другой вел мою дочь в школу, держа ее за руку; кто-то другой научил ее чертить идеально ровные стрелки.

— Прости меня. Если бы я знала, что ты жива… если бы я только знала, клянусь, вернулась бы. Я бы вернулась за тобой.

— Но ты здесь. — Она утирает мне слезы. — Теперь ты здесь.

Ее слова омывают меня, даруя прощение за потерянные годы.

— Муми, — шепчет она.

---

[44] Примечания: 44
Традиционный головной платок.

Я оглядываюсь, думая, что она обращается к свекрови.

— Бабушка? Где она?

Дочь смеется. Я слышу ее чудесный смех и улыбаюсь. Мне хочется, чтобы он вечно звенел в моих ушах.

— Мама, как же я ждала, когда смогу назвать тебя «муми». Ты моя единственная муми. Бабушку я так не называю. — Она трогает крестик и пожимает плечами. — Никто меня не понимает. Такая уж я странная.

— Я тебя понимаю. — Я понимаю, как слово, которым другие бросаются походя, становится заклинанием, что ты шепчешь во тьме, пытаясь залечить незаживающую рану. Помню, я думала, что никогда не смогу произнести его вслух, слишком оно было личное. Я сомневалась, что смогу сказать его при всех. Поэтому я понимаю, каким даром является это простое слово, несущее в себе обещание нового начала.

— Можешь еще раз сказать? Еще раз назвать меня так? — прошу я и радуюсь, что моему ребенку никогда не придется искать замену своей муми.

Дочь меня обнимает.

— Муми, — дрожащим и ласковым голосом произносит она.

Я закрываю глаза, будто принимая благословение. Внутри распускается бутон, и радость разливается по телу. Незнакомое, но неоспоримое чувство, оно тоже сулит новое начало и наступление чудес.

Благодарности

Моей чудесной сестре Джолааджесу, которая всегда находит время прочесть все, что я написала. Спасибо тебе за поддержку. *О ра нукан ро*[45].

Спасибо моему замечательному агенту Клэр Александр: она очень много для меня сделала, но, главное, неустанно поддерживала мой литературный замысел.

Спасибо Элле Оллфри, Луизе Джойнер, Дженнифер Джексон и Джоанне Дингли — благодаря вам этот роман стал лучше.

Спасибо Джейми Бингу, что поверил в эту книгу. Команде издательства *Canongate*: Дженни Фрай, Джэз Лэйси-Кэмпбелл, Вики Рутерфорд, Рафи Ромайя и всем остальным. Спасибо за вашу преданность этому роману.

Паула Кокоцца, Рори Глисон, Жаклин Лэнди, Сюзанна Аши — спасибо за бесценную обратную связь, добрые слова и проницательную критику.

Спасибо Дами Аджайи, моему веселому папе, который всегда верил в мои способности.

Моему брату Эммануэлю Идума за веру в этот

[45] Примечания: 45
Пожалуйста (я всегда тебе рада) (*йоруба*).

роман.

Особая благодарность доктору Чиме Аньядике за то, что предоставил доступ к своей внушительной библиотеке, был превосходным учителем и поверил в мою книгу. Тете Биси Аньядике за то, что радовалась всем моим успехам.

Я очень признательна сотрудникам *Ledig House, Hedgebrook* и *Threads* за время и возможность воспользоваться условиями писательских резиденций.

Благодаря доброте профессора Эбуна Адеджуйгбе и доктора А. Р. Адетунджи я смогла продолжить писать. Большое спасибо им за это.

Артур Аньядуба, Абубакар Адам Ибрагим, Ланийи Файеми, Фунто Амире — спасибо, что прочли отрывки из этой книги.

И конечно, спасибо Йеджиде и Акину Аджайи, которые оставались со мной до тех пор, пока я в них нуждалась.

Выходные данные

Айобами Адебайо

Останься со мной

Литературно-художественное издание

18+

Перевод с английского *Юлии Змеевой*
Дизайн обложки и иллюстрация *Виктории Тараник*

Руководитель по контенту *Екатерина Панченко*
Ведущий редактор *Ольга Чеснокова*

Литературный редактор *Любовь Сумм*
Корректоры *Анна Быкова, Надежда Болотина*
Компьютерная верстка *Александра Нескородьева*

Продюсер аудиокниги *Екатерина Дзоря*

Специалист по международным правам *Наталия Полева*